

Александр Гриневский

Кыш, пернатые!

Авантюрный роман

«Нас бьют — мы летаем
От боли все выше...»

*Граффити на бетонном
заборе в Ростокино*

1

Деревья — они же как люди: болеют, умирают... Правда, живут дольше. Но ведь не двигаются. На месте стоят. Это хорошо — стоять? Так надо? Жить дольше будешь?

Если мимо магазина, автостоянки, библиотеки, потом между домов невнятных, то — к гаражам, и узкая тропа между ними, загаженная, мусором заваленная, и в глухой забор упруешься, которым Собянин все железки огородил, а там дыра, свободолюбивым народом прорублена, топорщит рваные края. Рельсы веером, и гравийная насыпь под ногами. Перемахнешь, оглядываясь, чтобы поездом не смело, — и ты в Лосинке.

Не надо забираться далеко. Здесь же, на насыпи сесть, она верхом идет, железка внизу, под ногами. Пенек выбрать. Грязные они по осени, в грибах каких-то, в плесени — обтереть и усесться. Банки с пивом — в траву у ног. А теперь смотреть.

Сидеть на насыпи, глотать пиво из банки, ощущая металлический привкус, захлебываться пузырьками и следить, как поезда проносятся мимо.

Люди за окнами — стремятся куда-то, живут. Им кажется, что живут...

Вон водочные бутылки и банки из-под пива пустые разбросаны вдоль насыпи — эти уже выпиты.

А людям в поезде кажется, что они полные — жизнью наполнены, и это что-то значит...

И этих под насыпь. Со временем.

Сижку, смотрю, о жизни думаю. Философствую.

Ну что я за человек такой? То, что неврастеник, — это ясно. Врать себе не буду. Все у меня от настроения зависит. Например, сегодня — плохо! И ведь не поспоришь.

За полтинник уже... И что? Работы нормальной нет. Денег нет. Капает что-то, конечно. Но мало. Больше хочется! По заграницам поездить, мир повидать, а не раз

Гриневский Александр Олегович — прозаик. Геолог, преподаватель МГУ им.М.В. Ломоносова. Автор книг: «Зыбкость» (2008), «Истории с приставкой “geo”» (2012), «Ненужные» (2016). Предыдущая публикация в «ДН» — повесть «Аргиш» (2019, № 5).

в год, зажимаясь. Осталось-то совсем ничего активной жизни. Машине — десять лет, менять пора. Где деньги брать? Слава богу, со здоровьем пока — тьфу, тьфу, тьфу. Ну так это пока... Старость подкатывает. Импотенция засветила. С женой уже не получается, да и не хочется. А главное, раньше бежал куда-то, стремился, чего-то добивался — интересно было. Сейчас как будто свет приглушили: сумерки — спать пора. Ничего не хочется, а если хочется, то как-то вяло.

С другой стороны, что ты ноешь? Семья есть, квартира есть. Деньги какие-то имеются. Сын хорошо зарабатывает. Внуку — год. Машина есть. Работа? А что? Извоз — это тоже работа, и хозяин сам себе, не надо от звонка до звонка. Из Греции месяц как вернулся. Да ты счастливый человек! Знаешь, у скольких этого нет? Живи и радуйся!

Со спины подошел, я не заметил.

Вздрогнул. Испугался.

Разозлился сразу.

Бомжатник у нас в Лосинке. Они с весны до осени лёжки устраивают: коробки картонные, одеяла рваные, целлофан, тряпье разное, бутылки, банки — помойка, одним словом. Копошата среди этого мусора, костры жгут, живут. С бабами, которых от мужиков не отличишь. У нас на Яузе даже турникетов на платформе нет, приехал — шаг в сторону — лес.

— Что? — говорит. — Хочешь так?

Я на ворону смотрел, как она по ветру боком с березы снялась и ее по диагонали — ветром вниз, к гаражам вынесло, замахала, выправилась и пошла к домам — рваный пунктир на синем. Свободная, ветром гонимая. А небо — осеннее, бездонное, жестокое и ласковое одновременно, облачком белым, размытым, по краю украшенное.

Глянул искоса — марку держать надо, но злюсь на него, на себя, что испугался от неожиданности — вон адреналин еще в икрах пощипывает. Стоит за спиной бомжара грязный с рваным пакетом целлофановым цветным, битком набитым. Без возраста, щетиной заросший. Лицо одутловатое, желтизной отдает. Пальтишко на нем старое с меховым воротником, нараспашку. На ногах сандалии стоптанные, нелепые — осень же.

— Да пошел ты! Двигай отсюда! Не звали.

А он уже усесться успел, чуть в сторонке и ниже.

— Двигай, я сказал!

— Как скажешь. — Начал подниматься, медленно, словно ноги в коленях не гнутся, — так собака, которую турнули, все равно надеется: вдруг хозяин передумает, позовет. Подниматься-то поднимается, а сам на банку с пивом, что в пожухлой траве возле моих ног валяется, глазом косит — я-то вижу.

Он вроде уже и встал... но тут как-то нехорошо мне сделалось: чего я на него взъелся?

— Садись, — говорю. — Ладно... На! — Протянул недопитую банку, которую в руке держал. Нечего на целую зариться.

Взял. Руки грязные, трясутся.

— Сколько лет-то тебе, отец?

— Да твой ровесник, поди...

Пьет, захлебывается, шея дряблая, в седых волосах, под кадыком ходуном ходит.

А ведь, похоже... и я мог бы так же... сложись жизнь по-другому.

Дунуло ветром, согнуло березы, рвет кроны, сорвало ворон, заметались стаей, перепутались — мечутся, орут — с десятков нарезает на синем круги. Тревожно стало, а тут еще электричка пронеслась, загудела, словно воздух, пространство ее сдерживает, не дает прорваться.

— Хочешь, как они?

— Чего?

— Как эти... — Голову вверх запрокинул, на ворон или на небо смотрит, и пена желтая, уже засыхающая, в уголках губ. Противно.

— Ты пей! Что фигню городишь?

— Тяжко?

— А кому легко?

Чего прицепился? На хрен ты мне нужен? Дали выпить — пей и молчи в тряпочку.

Что ж за день такой невезучий? С самого утра. Кофе хотел. Насыпал в чашку, потянулся за чайником, задел ложечку, опрокинул. Кофе — на пол, чашка — об пол, ручка — в сторону. Любимая чашка была, вкусная!.. И телефон сразу — радостно так, задорно. Смолк. А на экране сообщение — отменился выезд. Остался без заработка. И черт бы с ним, не впервой отменяют. Но ведь уже настроился... А чем тогда заняться? День пустой.

Тут и жена встала. У нее выходной, значит целый день дома. И началось: это подай, то принеси, пол подмети, пыль протри, ей уже тяжело все самой делать, она не только за домом следит, но еще и работает, а помощи никакой, окна с зимы не мыты... — и поехало без конца и без края.

Разругались, естественно.

Вот же хрень, думаю. Пойду-ка за пивом схожу.

Вышел из подъезда, решил на машину глянуть. Подхожу — твою же мать! Переднее правое — спущено! На ободке кормилица стоит.

Тут я и понял — не мой день. Ладно, думаю. Пиво, поезда — и в койку, под одеяло. Заспать. Пропустить, не высовываться. С колесом завтра буду разбираться. Не надо сегодня ничего делать.

Пришел к железке, на насыпь сел. Глотнул пива, смотрю на поезда. Я люблю на них смотреть. Куда-то едут... Узкие, длинные. А тут этот... Нет, точно не мой день.

Он сидит, наблюдает, как я закуриваю.

— На, — говорю, и сигарету из пачки сам выковырял.

— Спасибо, не курю. И тебе не советую.

Вот же праведник нашелся!

— Хотя, — продолжает, — бросить все равно когда-то придется.

Философ, блин! Все когда-то бросить придется. Тоже мне, открыл Америку.

Электричка вдали нарисовалась. Затрубила. Светло-серая. Эта — из Мытищ, без остановок шпарит. Смотрю, как надвигается.

Вдруг говорит:

— А хотел бы поездом стать?

Я сначала не понял, подумал, что ослышался. Электричка мимо пронеслась. Грохотала по рельсам.

— Что, — переспрашиваю, — сказал?

— В поезд хочешь превратиться?

Меня аж оторопь взяла:

— Чего?!

— Представь, — говорит, — по рельсам, никуда не сворачивая, все определено, по расписанию, леса мелькают, поля, люди новые...

Смешно стало. Даже интересно. Вот чудик! Хотя... поживи его жизнью, побомжуй, еще не так крыша поедет.

— Или в дерево? — продолжает. — Будешь стоять, ветвями качать, листвой шелестеть, птички там разные перепархивать будут. Не жизнь, а лафа! Никуда не спешить — стой себе и стой, наблюдай за миром.

И так он это говорит... Затягивает, как в омут, в эту ахинею словесную.

Подыграть захотелось. Один черт, посидеть в одиночестве не вышло. Посмотрим, что дальше плести будет.

— А ты можешь?

— Не то чтобы могу... но вот если постараться...

Уклончиво отвечает, куда-то вверх железки, на дома, на крыши, что вдалеке, за забором, в небо упираются, глядит.

Я решил с другого боку зайти.

— А что, — спрашиваю, — в любое можно превратиться? И в одушевленное, и в неодушевленное?

— А ты знаешь, что такое душа? Ты ее видел?

Вздыхнул. Руку в волосы запустил, башку чешет. И мне вдруг показалось, что ему скучно стало со мной разговаривать. Отстранился как-то...

Помолчали.

Я банку новую вскрыл, говорю:

— Подставляй свою, плесну чуток.

Засуетился сразу, протягивает.

— Не... — я решил не сдаваться. — В поезд, конечно, интересно... Да и в дерево тоже... Но уж если превращаться, то во что-то другое!

— Во что же?

— Ну, не знаю... В птицу, например. Все-таки полет, и все такое... Вот как это — летать как птица?

— Что здесь непонятного? Все просто.

— А чего ж ты сам тогда по земле ходишь? Раз угла не имеешь, где приткнуться, летал бы...

— Мне не надо. Я не для этого приспособлен.

— Ха! А для чего?

— Я по другому делу.

В тупик разговор зашел. Да что с ним, синюшным, разговаривать. Пора домой. Подмерзать начал. А этому в сандалиях хоть бы хны! Бормочет что-то себе под нос — не разобрать.

— Ладно, — говорю, — бывай! Не болей и не кашляй.

Он словно не слышит. Глаза на меня поднял и опять свою пургу гонит, про поезд.

— Представь, — тихо говорит, еле разбираю, — что ты электровоз. Несешься в ночи сквозь холод, сквозь темноту, и вот уже солнце встает, рассвет силу набирает, а ты сквозь туман утренний прешь. Грудь — железная, мощная, давишь на воздух, на пространство, что впереди тебя, пихаешь, раздвигаешь, раскидываешь по бокам. Не остановить. У тебя тормозной путь — ого-го какой. Не вставай на пути — сметешь и не заметишь! Станции, полустанки мимо проносятся — сонные, утренние, солнцем освещенные. А ты дальше. Несешься и несешься вперед... Хочешь?

Смотрит на меня снизу вверх, будто надо ему очень, чтобы я согласился.

Совсем шизанутый! А поначалу нормальным казался.

Решил не связываться — пускай себе бормочет. Повернулся и пошел.

Услышал только, как он в спину выкрикнул: «Ну, в птицу, так в птицу!»

Иду по насыпи, по тропинке, чувствую, засиделся, поясницу ломит. Дай, думаю, пройду, разомнусь немного.

У нас, если по бревнышкам Будаюку перейти — а она вот, в пятидесяти метрах от железки журчит, мутную водичку перекачивает, — можно на большую поляну выйти. Там собачники обычно тусуются. Но это утром и вечером, сейчас никого не должно быть.

Нет — понимаю — что-то не так... Уже не одна поясница, уже и спина болит, и шею как-то вбок тянет. Нерв какой защемило, что ли?

И вдруг удар по всему телу. Тупой. Изнутри. Как будто по позвоночнику снизу сильно ударили. Но не больно.

На миг в глазах потемнело.

И тут же рукава у ветровки — по шву, с треском.
Вывалилось что-то из рваных рукавов, и до земли...

Мать моя женщина! Перья! Крылья!

Свисают по бокам, а рук нет.

Стою, не понимаю ничего.

Нет рук!

Пошевелиться боюсь. Голову повернуть. Замер. Страшно. Глазами из стороны в сторону. Деревья — березы, елки — стоят. Ветки сухие, трава под ногами. Ветер подул. Заиграли листья, зашелестели.

Ничего не меняется. Свисают по бокам!

Я глаза закрыл, а в голове пусто до звона. Ни одной мысли, темно в голове, как за закрытыми веками.

Лай собачий послышался. И тут словно сознание включили — не должны меня таким увидеть!

Я — глубже в лес, за деревья. Хотел быстро. Не получается. Не очень-то разбежишься, если руки перьями обросли и до земли повисли. А пошевелить ими я почему-то боюсь.

Выглянул из-за деревьев — прошла какая-то тетка толстая с шавкой на поводке. И все нереальным показалось, словно сон смотрю, откуда-то сверху, со стороны, а сам не участвую. Перемешалось все в этом сне: и вороны, мечущиеся в синем небе, и электричка, вспарывающая пространство, и тетка с собакой, и кроны деревьев, гуляющие под ветром, и насыпь железнодорожная, и сам я — на пеньке с банкой пива, и бож, сидящий на земле чуть в сторонке...

Стоп. Это же он, сука. Из-за него. Убью гада!

Не до логики было. Скорее обратно к насыпи, вдруг он еще там? Остальное потом. Разберемся.

Оглядываясь, крадучись, через Будайку, по бревнышкам.

Вот уже насыпь...

Ну, если эта блядина там — ногами забью!

Заспешил.

Пусто!

Пенек, на котором сидел. Банка из-под пива, смятая, в траве.

Пусто!

Тропинка по верху насыпи — к станции.

Туда утек! Некуда больше. Не в лес же... Сколько времени прошло? Да минут десять. Догоню!

Засеменил по тропинке. Электричка со спины накатила, с гулом, с грохотом. Плевать, пусть смотрят.

Скользнула тропинка с насыпи, побежала вдоль путей. Станцию вдали видно.

И никого... Пусто! Или опоздал, или тот действительно в лес ушел. И что теперь делать? На станцию в таком виде не сунешься.

Вернулся под деревья. Стою. Солнце скрылось. Листва, ветки, стволы перед глазами. Один.

Позвонить! Я же могу жене позвонить!

И так домой захотелось... Там хорошо, там укуюсь, там все по-прежнему будет...

Руку в карман, за телефоном...

Вот тут-то и понял, что все не так просто. То, что было раньше рукой, изогнулось и куда-то за спину пошло... Вместо руки — крыло. Пальцев нет. Как теперь?

Начал потихоньку этими крыльями двигать. Стою. Шевелю. Привыкаю.

Вытянуть вперед могу, но не как руки, а совсем чуть-чуть. Могу в стороны широко развести. Там, где локти были, они сгибаются, но не вперед, а назад, и в таком виде, сложенными, их легко за спину завести. Перья иссиня-черные, жесткие.

Стою как дурак, крыльями шевелю так и эдак, понимаю — телефон из кармана куртки мне не достать.

Ничего, успокаиваю себя. В панику не впадать. Сейчас что-нибудь придумаем...

Подошел к поваленному дереву, примерился, зацепил карманом за сук, дернул. Крепкий, собака, соскочил, не порвался. Я еще раз, поглубже. Затрещал. Надорвался. Выпал телефон! Полдела сделано.

Теперь перевернуть.

Это уже легче. Пошерудил ногой, он и перевернулся как надо.

Я на колени опустился, выбрал веточку подходящую, листья пообкусывал, в зубы ее. Распластался на земле, крылья в стороны раскинул для удобства и начал этой веточкой по клавишам тыкать.

Лежу, стараюсь, слюной захлебываюсь, шея затекает.

С четвертого раза получилось. Хорошо, что телефон старый, кнопочный и громкая связь есть.

Заиграла мелодия, жена подошла.

— Слушай, Маш, — говорю, — тут такое дело... Неприятность со мной приключилась. Ты не могла бы подойти, помочь?

Спокойно говорить стараюсь, даже весело — мол, это так... ничего серьезного.

Но мою не проведешь. За тридцать лет совместной жизни меня изучила. Сразу затараторила.

— Что случилось? Какая неприятность? В милицию забрали, что ли? Или подрался с кем? Ну, говори, не молчи! Вечно с тобой что-то случается! Куда идти-то? Деньги брать?

Слово не дает вставить, заполошная.

— Да не таракти ты! погоди! Знаешь, как через дыру в Лосинку выйти? Помнишь, когда на лыжах ходили?

— Ну помню. Что случилось-то?

— Подожди! Послушай! В дыру в заборе, через пути, потом через Будайку и на поляну. Поняла?

— Да. Что случилось-то? Ты там живой? Избили?

Тьфу ты! Ну как ей объяснишь?

— Маша! Все нормально, никто меня не избил. Я не могу сейчас рассказать...

— Ой, не нравится мне это! Темнишь ты. Сейчас, посуду домою и приду. Или бежать надо?

— Не спеши. Все нормально. Только это... Пальто, помнишь, у меня такое черное? Сто лет не надевал. Захвати, пожалуйста. И покрывало большое какое-нибудь... которое не жалко.

— О, Господи! Что там с тобой стряслось?

— Все нормально.

— Сейчас приду!

Уф! — я выдохнул. По крайней мере домой сегодня попаду.

Запомнил дерево, под которым оставил телефон, потом с женой заберем, и отправился на поляну — ждать. Пока шел, разминал крылья, привыкал к ним.

Поляна пустая — никого. Тихо.

А что, думаю: раз крылья есть, можно и взлететь попробовать?

Вышел из-под деревьев. Огляделся. Поднял крылья, махнул со всей дури!

Что произошло — не понял. Если и оторвался от земли, то сантиметров на десять, как подпрыгнул. Что-то не то...

Но ведь оторвался!

А если вот так?

Побежал — и крыльями вниз и от себя, за спину воздух. И вдруг — нет земли под

ногами! Болтаются ноги в воздухе, а опоры нет. И воздух под крыльями стал не тугим, а податливым. Легко машется!

Лечу ведь! Коряво, низко, но лечу!

Перестал работать, раскинул крылья, спланировал к земле, пробежался и встал.

Обалдеть! Я летел!

Оглянулся назад — метров двадцать пролетел, это точно!

Все. Хватит экспериментов. Не дай бог, кто увидит. Да и жена должна вот-вот подойти.

Отошел под деревья. Стою в тени, жду. Разрыв мозга! Крылья — они, что? Теперь все время будут? И как жить тогда? Даже подумать страшно. Этого не может быть, потому что не может быть никогда. Но я же летел!.. Я еще могу!

Ладно... об этом потом подумаю. Надо до дома добраться.

Вот только ссать я хочу! Терпезу нет после пива. Крылья эти хреновы — не расстегнуть штаны.

Ну, где она?

Идет вон... Торопится.

Дождался, когда поближе подойдет, окликнул.

Как она глянула на меня, так и замерла. Сумку клетчатую, барахлом набитую, выронила и руки ко рту прижала. Сейчас заплачет.

А мне не до переживаний.

— Маша! — говорю. — Все потом! Штаны мне расстегни скорее, писать хочу — сил нет!

Подошла ближе. На крылья косится с опаской. Копаются, ремень расстегивает. Еще бы немного, и все... Отошел на два шага, отвернулся. Блаженствую.

— А теперь, — прошу, — одень меня.

Вот тут-то она и заревела. Обняла за шею, в грудь лицом уткнулась. Плечи вздрагивают. А я даже обнять ее не могу. Не крыльями же?

И так мне стало нас жалко! И себя, и ее. Вот же напасть свалилась.

А она сквозь слезы причитает:

— Как же это? Откуда они взялись? Ой, Боженьки! Больно тебе?..

— Маш, — говорю, — пойдем, а? Я тебе дома все спокойно расскажу. Не надо, чтобы меня таким видели.

Она отстранилась, слезы вытирает.

— Да! Да! Пойдем! А может, тебе в травмпункт сразу? Или скорую вызовем?

— Маша! О чем ты! Какой травмпункт? Меня же сразу или в психушку, или в институт какой-нибудь закрытый поместят. Опыты ставить. Пойдем домой! Ты пальто принесла? Давай попробуем пальто надеть, чтобы крыльев этих видно не было.

— Домой! Конечно, домой! Сейчас! — засуетилась. Присела на корточки, молнию у сумки рвет, смотрит на меня жалостливо, снизу вверх.

Пальто не подошло. Торчат крылья наружу.

Закутала меня в покрывало. Слава богу, без узоров, темно-зеленое, не так в глаза бросается.

И пошли мы с ней — я впереди, в покрывало обернутый, она сзади, с сумкой клетчатой, на плечо повешенной, — ну, чисто парочка бомжей. Смешно, а не до смеха...

Через дырку в заборе, мимо гаражей, на улицу вышли. Люди ходят. Магазин «Пятерочка». Мы — мимо.

Я глаза не поднимаю, знаю, что пялятся. Иду, смотрю на асфальт под ногами. До дома недалеко. Лишь бы ментов не встретить.

Квартира малогабаритная. Я как в своем коконе зашел, так всю прихожую загородил.

Гляжу, у моей опять губы затряслись — сейчас начнется! Нельзя дать ей раскиснуть.

— Давай, освобождай меня, режь куртку, так не снимем.

Подействовало. Туфли скинула, за ножницами метнулась.

Пока резала да стягивала с меня одежду, вроде и подуспокоилась. Носом продолжает шмыгать, но уже и перья погладила — с опаской, правда, — интересно ей.

Остался я в одних трусах. Зашел в комнату, сел на стул, крылья свесил. Она — напротив, за стол села.

— Ну, рассказывай!

Я все и рассказал. И про бомжа этого... И как взлететь пытался.

Слушает, слезы кулачком вытирает.

А меня вдруг смех разобрал — прямо распирает всего — не могу остановиться!

— Что ты смеешься, дурак! — разозлилась. — Ты же сам ни поесть, ни в туалет сходить не можешь!

Меня ну прямо корчит! Хочу объяснить, а не могу.

Наконец чуть отпустило.

— Ты только представь, — говорю, — я ведь запросто в поезд мог превратиться!

2

Я решил уходить с монгольской группой. Не из-за того, что был ярый приверженец скрытого существования, а потому, что старший группы — Валерий Палыч — выглядел спокойным и, на мой взгляд, разумным и надежным человеком. И еще у него хороший проводник — дочь. Это давало надежду на благоприятный исход многокилометрового путешествия. Для меня, правда, оставалось неясным, что мы будем делать в этих пустынных и необозримых степях. Хотя... достаточно того, что не нужно прятаться и постоянно бояться отлова.

Монголию выбрали неспроста. В первую очередь, конечно, из-за пустых и необжитых пространств — есть где затеряться. Во-вторых — страна со своей специфической религией, живущая скорее прошлым, чем настоящим, не говоря уж о будущем. Возможно, там по-иному смотрят (если смотрят вообще) на проблему перерождения.

Раскол, вылившийся в откровенную бытовую склоку, произошел на первом и, подозреваю, последнем слете. До чего же точное слово — «слет»! Большинство участников добиралось все же пешим ходом. По воздуху — единицы.

Собрались в удаленной части Лосиног острова, за кольцевой дорогой. Слетелось (до сих пор чураюсь этого слова) двадцать восемь человек.

Несмотря на вспыхивающую время от времени истерическую перебранку, этот слет все же был очень полезен и впервые позволил выявить важные закономерности.

Нас много! Двадцать восемь человек прибывших — это только московская область, Дмитров, Волоколамск. Значит, можно предположить, что на территории нашей необъятной нас куда больше. Косвенное подтверждение тому — целенаправленный отлов. Если раньше это было скорее дело случая (повод — примитивный обывательский донос), то за последний год ловцы активизировались, стало известно, что созданы специализированные группы.

Все говорит за то, что процесс перерождения начался три года назад. Но вполне возможно, это относится только к Москве и ближайшим областям.

Женщин среди нас нет. И детей нет. Одни мужчины в возрасте от сорока до шестидесяти. Почему так? Вопрос.

Три четверти прибывших на слет имели проводников. Существовать без помощи нормальных людей мы пока не можем. Те, кто пытается адаптироваться и жить

самостоятельно, — видели бы вы, во что они превратились. Для них мусорный бак — столовая, а уж как благоухают!

И самое главное: все без исключения познакомились с человеком в сандалиях! Одет он мог быть по-разному, повстречать его можно было где угодно, но сандалии — неизменны.

Вы не подумайте, что это я сам так гладко научился анализировать и излагать. Это Валерий Палыч все разложил по полочкам и разъяснил. Недаром кандидат технических наук.

Хотя... Я тоже изменился. Спокойнее стал. Фатализм, молчание и одиночество. Что-то во мне сломалось. Уверенность потерял. А откуда ей взяться, если целыми днями дома, да еще и занавески задернуты. И лишь иногда, когда уж совсем невмоготу, выведет жена ночью в Лосинку — словно собаку выгуливает, порезвишься, полетаешь чуток.

Так Ваньку и встретил.

Жуткое зрелище, когда мимо тебя, летящего еще с опаской — как бы по неумению вниз ненароком не рухнуть, проносится в ночи чудище с растопыренными крыльями и свисающими голыми ногами. Ванька — он голым летал.

Вот тогда я чуть не рухнул. С перепугу даже не сообразил, что он такой же, как я. Заметался — и вниз! А там деревья. Я сквозь ветки — с треском, кожу обдирая. Сижу на земле, не двигаюсь, затаился.

Этот здоровой черной тенью накрыл еще пару раз и исчез. Ну, думаю, пронесло! Что ж это было такое?

Вдруг слышу, идет кто-то, ветки трещат — пробирается! Кричит: «Эй! Мужик! Где ты? Да не бойся, выходи! Мы с тобой одной крови!»

Тут меня осенило: он такой же! Тоже с крыльями!

Познакомились — и закончилось мое одиночество.

Пришли к нам домой, жена на кухню — готовить, а мы с ним — в комнату и... будто языками зацепились! Меня как прорвало, не остановить! Почти год ни с кем, кроме жены, не разговаривал. Картинка, вообще-то, сюрная — сидят за столом два голых мужика, крылья до полу свесив, жена этих голых по очереди с ложки кормит, а они с набитыми ртами все говорят и говорят, перебивая друг друга. Про этого хрена в сандалиях, про жизнь исковерканную.

Оказалось, Ванька уже полтора года в таком состоянии находится. Жена три месяца продержалась и выгнала. Грозила, сука, что если не освободит квартиру, то заявит — и упекут его, куда следует.

Промзона есть заброшенная в Лосинке, недалеко от станции Белокаменная, там он обретался. Хлебнул! Жрал по ночам на помойке. Потом к бомжам пристал. Этим безразлично, есть у тебя крылья или нет. Подкормили чуток. Но недолго продолжалось. Как-то спьяну отметили ни за что. А крыльями-то не особо отмашешься.

Потом светлая полоса пошла, как в сказке. Только вместо красавицы-принцессы — одинокая старушка.

Ванька — мужик веселый, разбитной. И рассказывает про свое жите-бытье весело. Слушать интересно.

— Представь, — говорит, — плетусь я как-то ранним утром, только светать начало — голодный, оборванный. Пока темно, по помойкам окрестным шарил. Все, думаю, сдаваться надо. Пускай забирают, пусть взаперти держат, зато хоть кормить будут. Не могу больше. И иду уже открыто, не прячусь — будь что будет. Смотрю: на лавочке старушенция сидит — божий одуванчик, хлебом голубей кормит. Чего в такую рань на улицу выползла? Батон крошит и перед собой разбрасывает. Голубей целая стая, жирные, возле ее ног суетятся, хватают крошки. Ненавижу птиц! У меня при виде белого хлеба аж слюна по подбородку потекла. Распугал голубей, встал перед ней, крылья свесил — мол, я тоже почти птица! Она вроде и не удивилась. Хлеб мне

протягивает. А как я его возьму? Присел на скамейку с ней рядом, она меня с рук покормила. Потом к себе взяла. Одинокая. Сердобольная. Так и стал я у нее жить и ее пенсию проедать.

Несмотря на все передраги, Ванька оставался подтянутым красивым мужиком лет сорока — кудрявый брюнет с широкоскулым улыбчивым лицом, в бороде и при обильной шерсти по груди и животу.

Он у меня тогда два дня прожил. На третий домой запросился. Говорит — старушка моя, поди, с ума сходит, думает, отловили.

Да я и сам уже понимал, что пора ему сваливать. На Машу он начал поглядывать, заметно стало. Она тоже расцвела, порхает по дому. Как же, новый мужик по квартире голяком расхаживает! И, чувствую, сравнение не в мою пользу.

Ванька — он такой... нагловатый, что ли... Везде себя как дома чувствует.

Выхожу я как-то из спальни, а он:

— Валя! Что у тебя с лицом? — И глаза испуганно тарашит!

— Что с лицом? — спрашиваю.

— Да у тебя же клюв вырос!

Купился! В прихожую, к зеркалу метнулся. Моя стоит в дверях — заливается. Весело ей! А этот довольный. Грудь волосатую выставил...

С одеждой у нас жуткая проблема. Во-первых, она оказалась и не нужна вовсе. После того, как крылья отрасли, я совсем перестал мерзнуть, и жарко ни разу не было. Во-вторых, сам — ни надеть, ни снять. Ну и в-третьих, прошу прощения, как в туалет ходить? Сначала жена все старалась что-то приспособить — то фартук напялить, то рубаху длинную. Неудобно! Да и не нужно. Чего жену стесняться? Не такое видели! Через пару месяцев и я, и она привыкли.

А тут Ванька мне признался, что у него женщины полтора года не было. Нет, думаю, пускай валит от греха подальше!

Договорились, где и когда будем встречаться, и жена его повела, ночью. Он возле «Маленковской» со своей старушкой жил, от нас недалеко.

Сажу у окна, в темноту гляжу, жену дожидаясь, переживаю. А ну как они сейчас с Ванькой любовь закрутят, а меня по боку? Парень видный, по бабам истосковался. Ну и что, что она старше на десять лет?.. И такую я незащищенность почувствовал. Ведь пропаду без жены. Не выживу один.

Обошлось. Вернулась. Зажили, как прежде.

Нет. Вру, конечно. Все по-другому стало.

Ванька меня еще с тремя крылатыми свел, что в Лосинке обретались: Димон-рыжий, Петрович и Дед. Но дружбы с ними как-то не наладилось, да и обитали они далековато — не налетаешься.

Разными они были.

Димон — он совсем безбашенный. Даже в дневное время летать не боялся. И ловцов ненавидел люто: убивать, мол, этих сук надо, не они нас должны отлавливать, а мы их.

Петрович — тихий, пожилой, пришибленный. Ныл все время, на судьбу жаловался. Хотя как раз ему-то жаловаться грех. В семье, и сын его пас. Летом на дачу на машине вывозили.

А Дед был натуралом, отшельником. Да какой он Дед?! Не больше пятидесяти. Маленький, юркий. Но — патлатый: волосы ниже плеч, бородача на грудь сползает. С первого дня, как крыльями оброс, с внешним миром порвал. Жил в лесу, ночевал (вернее дневал — так, наверное, правильнее выразиться) на деревьях. Сыроед — мясо сырое жрал. Охотиться наострился на мелких птиц, мышей. Кормушки птичьими ночами подчищал — их много в Лосинке. Про себя говорил: «Я новая особь — человекокрыл! А значит, и образ жизни у меня должен быть особый, наиболее приближенный к природе. Врасти в природу надо, слиться с ней». Но, глядя на него,

вращать почему-то не хочется. Кофе я хочу по утрам пить, а не воду из лужи... А что ногами вытворять! Уму непостижимо. Все мог делать. Ну, или почти все.

Встречались время от времени.

А потом Димон сбил с панталыку! Да и сами хороши... Все от скуки. Ведь целыми днями дома. Жена на работу уйдет, а ты майся в четырех стенах, пьясь в ненавистный телевизор.

Ванька тогда общий сбор протрубил. Встретились ночью, впятером. Чтобы всем вместе собраться — это редкий случай, мы же на проводников завязаны. Петрович совсем задерганный, причитает по обыкновению, что жизни нет, плохо все закончится. На его нытье обычно внимания не обращали, но в этот раз посочувствовали: ловцы на него вышли. Суки!

Про ловцов мы мало чего знали. Даже не знали, что их так называют. Для нас они тогда были обыкновенными тихарями.

Петрович заметил, что у него под домом серые людишки целыми днями во дворе просиживают, на окна смотрят. Дом Петровича возле Окружной — перемахнул, и ты в Лосином острове. Сын его этих серых по вечерам пару раз в Лосинке видел, прогуливаются по тропинкам. Потом из домоуправления и милиции с дурацкими вопросами зачастили и все в квартиру войти пытаются, разнохивают что-то. Видно, кто-то что-то заметил и стукнул.

Димон сразу предложил замочить серого, чтобы другим неповадно было. Говорю же — совсем безбашенный. Я наотрез отказался, Ванька тоже. Петрович вообще, мне показалось, обделался. Запричитал, заскулил.

Удивительно, что Рыжего поддержал Дед. Но у этого свои заморочки.

— Мы, — говорит, — уже не люди! Мы другая особь. Поэтому человеческие законы для нас не писаны. И если нас — по щеке, то мы другую подставлять не станем.

Решили проучить — напугать до полусмерти и морду хорошенько начистить.

Разработали план.

Сначала ничего путного придумать не могли, потом начало вырисовываться благодаря сыну Петровича — Генке. Оказалось, он любую власть, а особенно ментов, ненавидит. Насолили ему чем-то крепко по молодости.

Выбрали день, вернее, ночь. Вечером Генка Петровича из дома вывел, и пошли они в Лосинку. Топтун, что под домом ошивался, за ними следом. Один он. Ему, я думаю, боязно было близко подойти, поэтому плелся в отдалении — то ли подмогу поджидал, то ли просто удостовериться хотел, что действительно крылатого обнаружил.

Я их уже ждал. Пропустил вперед и стал следить — не появится ли подмога, вдруг этот тихушник все же вызвал.

Они тем временем на просеку под ЛЭП вышли. Петрович с Генкой — в лес. По договоренности, Генка должен был сразу Петровича на машине на дачу увезти.

Тихушник стоит, озирается. Только что двое впереди шли и вдруг пропали. И тут из травы Ванька с Димоном поднялись — засадный полк, блин! Я хоть и знал, что они там, все равно жутко стало. Выросли из ниоткуда, встали, крылья раскинули и пошли навстречу.

Топтун аж присел поначалу. И смотрю — зашарил, зашарил руками. Ё-моё, а если у него ствол?! Об этом мы как-то не подумали. Нет, побежал. Зигзагом. В лес решил рвануть. Да куда ж тут убежишь, нас вон сколько.

Дед его с лета снял! Вымахнул на просеку черной тенью. Пронесся, догнал и обеими ногами, пятками — сверху по голове. Тот и повалился в траву.

Мы подошли. Лежит, не двигается. Без сознания, наверное. Дед хорошо приложил! Пока в лесу жил, наловчился таким макаром разную живность мелкую бить.

Стоим над ним, а что делать, не знаем. Не метелить же такого?

Дед его ногой обшарил. Под курткой действительно — кобура наплечная и ствол.

Тут мне нехорошо стало. Предчувствие. В какое-то дерьмо мы вляпались, надо было тихо сидеть, не высовываться.

— Ну, что, — спрашиваю, — расходимся?

— Подожди, — говорит Димон, — очухается, мы его допросим.

Ага, как же! Фонарик засветил там, где тропинка на просеку выворачивает. И еще один. Вызвал, все-таки, сука подмогу! Успел.

— Разбегаемся! — шепчет Ванька. — На крыло и над лесом. Неделю из дома не выходить. Связь — по телефону. Дед, мы тебя сами найдем, затаишь, не высовывайся.

Мы уже в разбег пошли.

Я еще успел сказать, что недели мало — они Лосинку обложат, надо дольше отсиживаться.

Взлетели друг за другом — Дед первым, он здесь каждое дерево знает — низко, ногами ветки сшибая.

Бокон нам это предприятие вышло. Лосинку обложили так, что не продохнуть. Мало того, что по двое гуляющих в штатском — на каждом шагу, так еще и конную милицию пригнали. Дед потом рассказывал, даже с приборами ночного видения засады устраивали. Навели шухер. Правда, одно доброе дело сделали: бомжатник вдоль железки извели под корень.

Хватило их только на месяц. Но просидеть взаперти месяц в квартире — это, я вам скажу, тоже не сахар! Ладно, чего уж там говорить, просидели.

А потом — осень, потом — зима.

Когда полило с неба, затяжными, холодными... — вот тогда тоска. Смотришь, как вода по стеклу, как ветви в темноте качаются — никого на улице, только и лети! Да ведь один из дома не выйдешь, жену под дождь тащить с собой надо. Вот и сидишь перед мокрым стеклом, нахохлившись.

Зима накатила, белым обволокла.

Маша моя — молодец. Такую одежду мне скомстролила! Пальто на липучках вместо пуговиц — на полу ногой наступишь, плечами поведешь, оно и соскальзывает. На спине — дыра. К этой дыре она рюкзак сверху пришила — как раз крылья умещаются. В рукава тряпок напихала, чтобы объемными были, и варежки на концах. В таком виде и на улицу выходить не страшно. Идет парочка: он с рюкзаком за плечами, она его под руку держит.

Зимой, особенно когда минус побольше, летать хорошо. Народ по домам сидит. Кому охота ночью в мороз по лесу шататься? Одна беда — светло от снега очень, отовсюду тебя видно.

Я этой зимой много летал. Маша меня за железку выведет, я пальтишко на поляне скину, она его на сучок, на дерево повесит и домой идет — спать. А я остаюсь. Она под утро приходит и забирает меня. Ей, конечно, тяжело — она потом на работу, а я отсыпаюсь целый день.

Сначала от самого полета кайф ловил. А потом понял, что учиться надо. Не все так просто.

Взлет, например, с разбега — это легко. А с места? Если сразу надо?

Я и так пробовал, и этак... Оказалось, подпрыгнуть надо, ноги поджать и заваливаться в падении на бок, вот только тогда первый мах! Да, бывает порой, крыльями землю цепляешь, не без этого.

Или приземлиться... Как сразу остановиться и равновесие удержать?

Здание нашел старое, заброшенное. В Лосинке, вдоль товарной железки, таких еще с советского времени много осталось. Бортик там на крыше бетонный был. Вот я на нем и тренировался. Приноровился, через месяц уже садился как вкопанный.

С Ванькой часто виделись, летали вместе Деда подкармливать. Я предлагал Деду на зиму у нас поселиться, но он упрямый, как черт. Нет — и все. Правда, с дерева слез, перебрался в полуразрушенный барак — хоть крыша над головой. Натащил тряпья —

устроил логово. Димона видел всего пару раз, в начале зимы. Потом тот пропал. Ванька сказал, какая-то алкашка молоденькая подобрала, пьют вместе, вмертвую. Петровича так в Москву и не привезли, живет на даче.

А когда снег уже таять начал, Деда подстрелили. Это не ловцы. Дробью шарахнули, ногу зацепили. Какой-то Вильгельм Телль доморощенный объявился! Дед говорит, били из двух стволов... Бинты ему приносили, лекарства. А как перевязывать, если рук нет?

Ладно... Вылечили. Оклемался Дед.

Вот тогда я наконец понял, что обложили нас крепко. Ну год можно в таком режиме выдержать, может, два, если повезет. Но дальше-то что? Либо отловят, либо с ума сойдешь в четырех стенах сидеть. Сваливать из Москвы нужно. А куда? В Сибирь, в леса непролазные. А с женой как? Не поедет. А без жены как? Не добраться. Вот если бы она машину водила... В общем, тоска...

В начале июня позвонил Ванька. Возбужденный, кричит в трубку: срочно встретиться надо! Надо так надо. Встретились. Тут он про слет и рассказал.

Ну, думаю, сдвинулось дело...

Слетелись.

Как же... Бардак еще тот — всяк в свою дуду дует!

Все по классике — историю партии мне со школы в голову вдалбливали — меньшевики, большевики, центристы разные, болтающиеся, как дерьмо в проруби. И конечно, по Чернышевскому, основной вопрос: что делать?

Большинство — за то, чтобы контактировать с государством, участвовать в исследованиях и прочей лабуде. Что-то детское проглядывает: я маленький и слабый, пускай взрослые мне помогают. Как? А не важно. Они большие и умные, сами решат. Я буду верить и подчиняться.

Меньшинство — агрессивное, воинствующее. Основной лозунг: «Мы наш, мы новый мир построим!». Ну, и дальше, как по писаному... Государство — враг. Ловцам — война до победного. Мы — новая общность: Человек Летающий. Нам принадлежит будущее!

Куда интереснее с центристами. Паноптикум.

Отринуть все человеческое — мы птицы. Никаких контактов с людьми, осваиваем небо. Люди — не нужны и неинтересны. Пускай будут. Не обращать на них внимания. Как рыбы — пускай плавают. Они внизу. А для нас — небо. Небо — наше все. Пускай отлавливают — всех не отловишь. Там, наверху, ближе к солнцу, к звездам, откроется истина: зачем мы?

Романтики неба, блин.

Есть и прагматики. К ним, кстати, Дед радостно примкнул. Слиться с природой — основной тезис, и он не обсуждается — постулат. Вопрос — как? Мы — человекоптицы. Мы знаем, как живут и что могут люди, но не знаем, как живут птицы и что могут. Значит? Значит надо учиться у птиц. Перенимать их повадки.

Пример? Пожалуйста. Представьте: пока все орут, перебивая друг друга, ищут выход из передраги, убеждают сдать под крыло государства или же, наоборот, войти в полную конфронтацию, группа крылатых чуть в стороне тренируется под руководством какого-то лысого мужика с лета приземляться на лежащее бревно, цепляться ногами и удерживать равновесие. Мы — птицы, ветви деревьев — наша земля. Учитесь цепляться. И ведь сидят, идиоты, на своем бревне, как на жердочке, ноги растопырили, яйца болтаются, равновесие держат — учатся...

Вдруг какой-то придурок завопил: «Демонстрация! Красная площадь! Заявить о себе. Права. Пенсия по нетрудоспособности». И все как заведенный талдычил: «Надо выйти на поверхность!» Слово мы не в небе летаем, а под землей кротовые норы обживаем. Морду захотелось набить.

Ну и, конечно, этот в сандалиях всех интересовал... Кто он? Черт? Бог? Найти! Как? Где в последний раз его видели? Крик, гам, проклятия!..

Вот тогда я на Валерия Палыча и обратил внимание. Сидит себе мужик — пожилой... не пожилой, как-то и не скажешь — ничего особенного, в обычной жизни мимо такого пройдешь — не заметишь. Коренастый, сила в нем чувствуется. И так сидит... будто грибник присел на пенек отдохнуть. Только корзины у ног не хватает. Молча слушает, спокойно. Это и привлекло. Сам-то я глотку сорвал, козлу, что рядом стоял, доказывая, что если сдадимся — свободы не увидим. Цепочку на шею набросят, и будем на привязи круги в небе выписывать. И жрать, что дадут, как свиньи из лохани, стоя на коленях.

Палыч подошел. Присел рядом. Сижу, тоже молчу — наорался. Так и сидели, а вокруг гвалт не стихает. Чего орать? Ежу понятно, никакого общего решения не будет.

Тут он ко мне повернулся и говорит:

— Нет, не дадут они нам житья здесь. Выловят всех. Уходить надо. Как считаешь?

— Факт, — отвечаю, — только куда?

— Да есть одна идеяка...

Я его не тороплю, не спрашиваю, жду, когда сам расскажет. А он замолчал.

Хрен с тобой, думаю, хочешь темнить — темни.

Тут тот, который все звал на поверхность вынырнуть, подкатил:

— Валерий Палыч, вы что думаете по поводу открытого письма Президенту? Выберем инициативную группу. Сообщим о притеснениях, выдвинем свои требования, организуем сбор подписей. Пресса, телевидение, радио, иностранные журналисты... — и понес пургу, не остановить. Глаза горят, слюной брызжет.

— Неплохая идея, — отвечает Валерий Палыч, — вот вы, Владимир, и займитесь организацией такой инициативной группы. Четко сформулируйте требования, а мы на следующем слете их обсудим. А сейчас, извините, мы тут с товарищем, — на меня кивает, — сугубо личный вопрос обсуждаем...

— Все! Все, ретируюсь! Значит, вы — за?

— Ну конечно.

Унесло нырлящика. Пошел другим мозг разрывать.

— Удивительно, — задумчиво произнес Валерий Палыч, — нас всего-то три десятка, и вот, пожалуйста, уже свой сумасшедший. Как не понимает: высунешься — сразу отловят. Кстати, это не вы с ловцом в прошлом году разобрались?

— Было дело... — отвечаю.

— И как? Полегчало? Стоило того?

— Нет. Глупость полная. Только внимание к себе привлекли. Сами себя в четырех стенах заперли. До сих пор эта часть Лосинки под наблюдением.

Посидели еще, помолчали. Я уже уходить собрался, когда он спросил:

— Я слышал, у вас машина есть?

О-па! Выходит, ему про меня все известно...

3

Мы так и не выяснили, кто нас сдал.

Думаю, на крылатых грешить не нужно. Хотя... как знать?..

Слишком долгой была подготовка отъезда. Пришлось много народа задействовать. Маршрут, транспорт, проводники, финансы... Все организовать, не выходя из квартиры, действуя через подставных, — та еще морока!

Другое непонятно — почему сразу не взяли, тянули до последнего? Может, отслеживали: на кого еще выведем? Или не знали они ничего толком, вот и выжидали?..

Добираться до границы с Монголией решили на машинах — по-другому никак. В самолет и поезд не просочишься. Самим — ночами, летом? Уж больно километраж большой и ночевки в неизвестных местах стремные, отловят по дороге, не долетим. На машинах добраться шанс есть. Но и технических сложностей хоть отбавляй.

Изначально нас было пятеро крылатых и два проводника. Команду Валерий Палыч подбирал. Я ему посоветовал Ваньку взять. Он сначала отнесся скептически, потом, когда узнал Ваньку поближе, согласился. Ванька, он взбалмошный, но мужик хороший. С Ванькой шестеро стало.

Думали, что сможем добраться на двух машинах. Одна была у Валерия Палыча, другая — у меня. Ольга — дочка Валерия Палыча — проводник. Только закончила курсы вождения, получила права. Тот еще драйвер! Но что поделаешь? Другого-то водителя все равно не было.

Но Валерий Палыч договорился. Привел мужика — старого своего приятеля. Сергей.

Мне этот Сергей сразу не понравился. Нервный какой-то... Худой, даже я бы сказал, болезненно тощий, лицо злое, с желтоватым отливом, и кадык торчит. Так и веет от него неудачником, непризнанным гением, обиженным на весь свет. Но выбирать не из кого... Да и еще, как я понимаю, он условие поставил, что когда до места доберемся, фотосессию нам устроит. Фотограф, блин! На чужой беде прославиться захотел. И как-то даже жалко этому прощельеге кормилицу мою в руки отдавать — изнасилует ведь! Да мне уж, видно, больше не рулить...

Отъезд наметили на раннюю весну. Пока доберемся — глядишь, уже и лето.

Разработали маршрут и схему передвижения. Перед каждым большим городом — пост ГАИ, не дай Бог остановят! Поэтому решили, что мы — крылатые — высаживаемся и ночью город облетаем сами, потом на трассе нас подбирают проводники на машинах.

А вот когда список вещей составили, тогда и ужаснулись: в две машины точно не влезает, нужна третья. Или... двух крылатых не брать.

Приуныли. Ни машины, ни проводника. Перебрали еще раз вещи: палатки — нужны, спальники, печки — нужны, да до фига всего нужно! Как ни крути, не помещаемся в две машины.

Все застопорилось.

Тут еще зима накатила. Я затосковал.

Два года уже! Два года в четырех стенах, прячась! Застрелиться!

Ванька пропал куда-то, на звонки не отвечает.

К Валерию Палычу съездил, пожил у него неделю. Ольга привезла. Она ночами по Москве круги на машине нарезала, тренировалась — боялась предстоящей поездки, это чувствовалось.

Я думал, развеюсь у него — новое место, новые люди... Куда там! В центре, на Патриарших, даже не полетаешь. Не выдержал, взвыл. Домой запросился. Он книжки целыми днями читает, а я у телевизора сижу (читать-то я не очень). И разговоры, рассуждения эти... — голова пухнет, а ничего не проясняется.

В одном я с ним соглашался на все сто — сваливать надо из Москвы, и подальше. А как жить потом — не представлял. Прямо по Троцкому: движение — все, цель — ничто!

А вот Валерий Палыч к вопросу о дальнейшей жизни относился спокойно. Пересидеть, переждать! Затаиться и следить, как будут развиваться события.

Он это хитро объяснял... Я не совсем его понял, но зацепило.

Говорит:

— Каждое математическое действие обладает временем.

— Как это? — спрашиваю.

— Если совсем по-простому, то смотри: когда ты делишь шестнадцать на два, ты ведь не сразу получаешь ответ?

— Да, — говорю, — я в уме считать стараюсь, на это какое-то время требуется.

— А если большие числа взять? Еще дольше думать будешь?

— Ну... все так... А к чему это?

— История, социальные процессы — они очень похожи на математические действия. Времени требуют. И это время всегда идет на то, чтобы привести числа к общему знаменателю.

Вот тут, честно говоря, я совсем перестал его понимать.

— Ну... — говорю. Вроде как показываю, что все мне ясно.

— Смотри. — Он сразу понял, что я не врубаюсь. — Математика, она же проста, как яйцо — что положишь, то и получишь. Представь, есть двойка и четверка, они никак не связаны, каждая цифра сама по себе. Но вдруг, к своему несчастью, они соединились или их соединили, одним словом, встретились. Сколько вариантов развития событий этого соединения ты насчитаешь?

— Делить надо?

— Почему делить? Складывать, вычитать, умножать! Но в любом случае цифры соединятся, войдут одна в другую, станут единым целым. Так рассуждать, конечно, некорректно, но я для себя называю это — прийти к общему знаменателю.

Я только ушами хлопаю.

— В математике, — говорю, — не силен. В школе тройка была, да и то потому что учителю надоело меня гнобить. Дожал я его своим разгильдяйством. К жизни-то ваша математика как относится?

— К жизни? Про красных и белых ты, надеюсь, слышал? Гражданская война. Те же цифры, если посмотреть сбоку. Что там произошло — не будем судить. Но совершилось действие! Умножение, деление, вычитание... И эти, так сказать, цифры пришли к общему знаменателю — образовалось новое государство, возник новый строй. То есть действие привело к некоему результату.

Мне, если честно, уже стало надоест. Из уважения слушаю. Да и ладно. С белыми и красными — все понятно. Доходчиво объяснил.

— У нас сейчас как? Есть они — и есть мы. Каждый жить хочет.

Он задумался. Замолчал. А потом и выдал.

— Ты знаешь, мне кажется, мы в самом начале арифметической задачи. Есть целое — устроенное, узаконенное мировоззрение — это одна цифра, и она существует, как ей кажется, в некоем абсолюте. Это значимая, большая, многозначная цифра! И вдруг появляется другая. Маленькая, едва значимая, пока еще с большими нулями перед единицей — никакая! Но она есть! И есть вероятность, что она будет расти. Пока она крайне мала, и многозначная ничего не теряет — не становится ни меньше, ни больше. А если вдруг маленькая станет неуклонно расти? Что станет с многозначной? Некоторые — я их имею в виду — хотят жить кучеряво. А нам выживать надо! Что из этой арифметики получится — время покажет. Они-то, конечно, сила. Мы — кто? Пыль, поднятая ветром. Но ведь засуетились. Отлавливать начали. Выходит, значим мы что-то.

Умный все-таки мужик Валерий Палыч!

Хотя ему рассуждать хорошо... Возле него дочка вон как вьется. Он в этой Монголии не пропадет. А мне — как? Одному, без жены, без помощи? Да на краю света...

С Машкой — проблема... Как услышала про Монголию — в крик, в слезы: не пушу! Это мне знакомо. Она всегда так — сначала эмоции, потом голову включает. Но сейчас долго уговаривать пришлось. Тоска у нее в глазах заплескалась. Я ей твержу, мол, съезжу, посмотрю, как и что... Если все нормально будет, сообщу — тогда и ты приедешь. Не на век же расстаемся. Не верит! Плачет по ночам. Смурная ходит.

А с другой стороны, я же вижу, как ей тяжело. Я — кто? Инвалид, тяжело больной в доме, ни к чему не пригодный. Два года уже... Извелась она от такой жизни. Выход? А нет выхода! Выгнать и зажить своей жизнью она не может — не такая. Остается терпеть. Тянуть ляжку.

Баба она, конечно, уже не молодая... но шанс жизнь по-новому построить у нее еще есть. Это я тоже понимаю. Вот и подумал, отъезд в Монголию может все на свои места расставить. По крайней мере, что-то изменится, а уж к лучшему или к худшему — посмотрим.

Валерий Палыч опять же помог. Прониклась она к нему — серьезный, рассудительный.

— Вы, — говорит, — присмотрите за этими шалопаями, чтобы снова в какую-нибудь передрагу не попали (это она про нас с Ванькой).

А вот с Ванькой плохо получилось... Ведь сошлись уже, сдружились!

Месяца два от него ни слуху ни духу. Объявился. И какой-то он не такой... не веселый, как обычно, задумчивый. Я ему про отъезд, про сборы, а он не слушает. Вздыхает, глаза отводит.

Слово за слово... выяснилось: влюбился Ванька!

К его старушке родственница из деревни прикатила. Молодая женщина, тридцати еще нет. И детей нет. Глухая деревня в брянской области. Леса вокруг. Муж-алкаш два года как помер. Колхоз тоже помер — ни денег, ни работы. Дальше все просто — да по-другому и не могло случиться! Она — молодая, одинокая, по мужику изголодавшаяся. Он — в четырех стенах измаявшись, женщин три года не видевший. Конечно, они сошлись и такую любовь закрутили, что перья во все стороны.

Я его старался урезонить.

— Ванька, — говорю, — ну куда лезешь? Сам подумай, ей и так по жизни тяжело, а тут еще ты безрукий! Ты же обуза для нее!

Какое там! Глаз горит, любовная лихорадка бьет. Твердит, как помешанный:

— В деревню поедем! Дом, хозяйство, лес, охота, грибы, ягоды!

Я ему:

— Вань, охлонись! Ты же без рук! Какое хозяйство? Тебя самого кормить надо!

Не слушает! Не хочет слышать.

Я с другого бока.

— Вань, — говорю, — а может, она с нами в Монголию? Не совсем с нами... Мы — на разведку. Если все нормально, напишем — приедет.

— Не хочу, — говорит, — никакую Монголию! За сотню верст киселя хлебать. Здесь хочу, дома!

И опять за свое — хозяйство, лес...

О, как заговорил! Мне даже обидно стало.

В общем, разругаться — не разругались, но кошка между нами пробежала...

Я напоследок его предупредил.

— Ваня, — говорю, — Брянские леса — это не Лосинка. Места глухие. Народ темный, и у каждого второго — ружье. Начнешь летать по ночам — застрелят!

Как с гуся вода!

Через месяц я ему позвонил. Старушка подошла — плачет.

— Уехали они, — говорит.

Деда как-то встретил. Он вконец оприродился. Сидит на суку, словно сова, голый, лохматый.

Про Димона Дед рассказал. Этот безбашенный на войну рванул, в Донецк. У него кореша в спецназе. Говорит: «Пригожусь! Разведка или гранату куда надо метнуть. Любому ловцу там кореша мигом бошку открутят».

Опустела Лосинка.

Весна наступила. Отъезд через неделю.

Сижу дома, сосу чай через трубочку, скучаю. Звонок. Валерий Палыч.

— Уходи, — кричит в трубку, — из дома! Сейчас же!

Что? Как? Почему?

— Придут сейчас за тобой! Уходи! Машу не дожидайся.

Я только успел спросить: «Как встретимся?» Но он уже отключился.

В окно глянул, внизу как раз фургон возле подъезда остановился. Вылезли трое в комбинезонах. Вроде как ремонтники. Шофер в кабине остался. Стоят, озираются. Тут к ним мужичок невзрачный подошел. Откуда он нарисовался, я не заметил. А комбезы-то на них чистые! Только что не отутюженные!

А вот и мент в форме, и тоже к ним. Разговаривают. Один из машины «болгарку» здоровую достает.

«Ага, — думаю, — это они меня из квартиры выковыривать собрались. Дверь-то железная. Мент — чтобы соседей успокоить».

Пока они внизу возятся, из квартиры я выскочить успею. А дальше? Дверь на чердак заперта. В подъезде не отсидишься — либо эти найдут, либо соседи с перепугу крик поднимут. Аааа! Была не была!

Я — на лоджию. Она на другую сторону дома выходит. Стекла на солнце блестят. Распахнул створку — вот оно, небо! Голубое, весеннее, радостное, белыми облаками разукрашенное. И мне почему-то весело стало, словно в детскую игру играю — не поймаешь! Ногой табуретку придвинул. Взгромоздился на подоконник, ноги вниз свесил, крылья наружу — готов!

Ну?!

Оттолкнулся, повалился вниз, задел больно пяткой какой-то выступ, выправился, почувствовал воздух под крылом — держит! Хлестнули ветки по лицу. Лечу!

Внизу закричали.

Низко, через двор — детская площадка — промельком — между домами, вывернул и пошел набирать высоту.

Кричат внизу, кричат!

Вот уже Лосинка — зеленой стеной; железка — электричка шпарит. Перемахнул поляну и пошел низко над деревьями в сторону болота.

Ушел! Хрен они меня здесь найдут!

4

— Мария Николаевна, что вы так нервничаете? Успокойтесь. Нам надо с вами просто поговорить, заручиться, так сказать, поддержкой.

Следователь (или кто он там) — Леонидом Сергеевичем назвался — был красивый. Жалела, что не попросила показать документы. Спрашивать сейчас было как-то неудобно.

Молодой, лет тридцати. Куртка летняя, бежевая, легкая, рубашка светлая. Фигура спортивная, стрижка короткая. Про таких говорят: приличный молодой человек. Взглядом встретится — улыбнешься в ответ.

Напротив за столом сидит, карандаш в руках вертит. Тонкая стопка чистых листов — сбоку, на краю стола, но пока не взял. Смотрит, улыбается.

Другой у окна стоит, о подоконник оперся — этот дворняжка, сразу видно. Постарше будет, под сорок. Невысокий, но крепкий. Лицо плоское, круглое, глазки сонные, маленькие. Брюки мятые, джинсовая куртка потертая. Невзрачный какой-то... Мимо пройдешь — не заметишь.

— Мы ведь и вам, и Валентину Борисовичу добра желаем! Вы нервничаете, молчите, а нам ваша помощь нужна, — говорит и говорит, не переставая, словно убаюкивает.

— Как же не нервничать? — Страхнула оцепенение. — На работу приехали, в машину посадили, сюда привезли. Ничего толком не объясняете. Что случилось?

Валю забрали — это ясно. Я-то им зачем нужна? Про кого-то еще узнать хотят? Или будут шить укрывательство? Так вроде официально крылатые не под запретом...

— Мария Николаевна, а когда с Валентином Борисовичем этот казус случился?

— А вы у него и спросите.

— Ох, Мария Николаевна, Мария Николаевна! Не хотите вы нам помочь! — И улыбается так, словно друзья мы лучшие, еще немного, и кинемся друг другу в объятья.

— Так вы скажите толком, в чем проблема? Я и помогу.

Какие сволочи! На работу приехали, через директора вызвали, всех переполошили. Добра хотят. Как же! А мне теперь на работе объясняйся...

Всегда боялась ментов. Не доверяла. Помнила: когда в конце девяностых бандюков прижали, те в милицию подались. Думала, в центр повезут, оказалось, нет. По Ярославке, почти до МКАДа. Мимо дома. Потом куда-то свернули и в Лосиный остров уперлись, в шлагбаум. По аллее — и к одноэтажному зданию через железные ворота. А во дворе фургоны стоят, рекламой обляпанные: «Иваныч везет!».

Тут-то она в ступор и впала: так стало страшно. Ловцы это! Понятно, для чего фургоны строительные.

— Да не смогли мы с Валентином Борисовичем поговорить. Пришли в гости, а его дома нет.

Ушел Валька! Молодец! Как же ему удалось?

— Поэтому вас и потревожили. Очень хочется с ним пообщаться.

А ведь не улыбается уже, глаза прищурил, смотрит пристально.

Плевать! Валька сбежал, а мне бояться нечего. Ну, держись, улыбчивый. Сейчас я тебе такую дурку включу!..

— Что вы ко мне прицепились? — начала на визгливой ноте. — Откуда я знаю, где он? Бывает, месяцами дома не появляется. Хоть бы сгинул совсем! Сил уже нет терпеть. Его ведь кормить надо! А где деньги взять? Ломаешься целыми днями, а он заявится — и холодильник пустой. А тут еще вы приперлись, забрали! По какому праву? Если с работы теперь попрут, что я буду делать?!

— Тише, тише, Мария Николаевна! Ну зачем вы так... Мы как раз об этом и говорим — вам тяжело, Валентину Борисовичу тяжело с его недугом. Это ведь как болезнь. И он не один такой... Им всем помощь нужна! Кстати, он не рассказывал о своих друзьях?

Ага! Так вот что тебе надо!

— Мне только его дружков не хватает! Раньше шлялся, пил с ними! А теперь в дом приводить? Так, по-вашему? Пусть только попробует! Одного, дармоеда, не прокормить, так еще и дружков?! Черти бы и его, и их забрали!

— Лёня, — подал голос тот, что стоял у окна, — кончай эту тряхомудию! Ничего она не скажет.

Подошел, навис над ней, что есть мочи хлопнул ладонью по столу:

— Как нам его найти? Говори! Он же весь город на уши поставит — ты это понимаешь? Дети зайками станут, если увидят! Ну! Где он?

Сжалась. Испугал. Не криком испугал, взглядом, в котором ненависть плещется. Чего он их так ненавидит? Они же безобидные. Но и разозлилась — только и могут с бабами да с убогими воевать, силу показывать. Да пошел ты!

Такая обида взяла — на жизнь эту неправильную, на мужа крылатого, на безденежье, на подступающую старость... а тут еще эти орут, требуют...

И слезы в три ручья, и подвывать в голос.

Наплевать, про что они спрашивают, чего добиваются...

Себя жалеть, жизнь свою никчемную оплакивать.

Улыбчивый — запел, заюлил:

— Владимир Иванович, зачем же так? Вот, расстроили Марию Николаевну... Ну не надо плакать! Сейчас водички организуем. Владимир Иванович, ты не сходишь? А мы пока с Марией Николаевной побеседуем. Да, Мария Николаевна?

— Господи, боже мой! Да что вы от меня хотите?

Встал из-за стола, заходил по комнате.

— Поймите, Мария Николаевна, мы ведь только добра желаем — не только вам с мужем, всем! Ведь что получается? Вы мучаетесь, Валентин Борисович мучается, люди напуганы происходящим. Мы — я имею в виду государство — хотим решить эту проблему. Давайте рассматривать состояние Валентина Борисовича как болезнь. Неизвестную новую болезнь. И он не один такой! Вот мы и хотим облегчить жизнь таким больным. За городом уже созданы специальные санатории для крылатых людей. Там они смогут свободно общаться друг с другом, а не сидеть запертыми в своих квартирах или летать по ночам, пугая народ. Да, не буду скрывать, ученые изучают этот феномен, разрабатываются специальные программы. Но ведь всегда необходимы меры предосторожности, пока не выявлена причина, вызывающая болезнь. Вы согласны?

— Ну... В общем...

— Вы должны нам помочь! Уговорить Валентина Борисовича встретиться с нами. Мы ему все объясним — и про болезнь, и про лечение, и про санаторий. Мы хотим, чтобы вы были на нашей стороне. Поймите, Валентину Борисовичу там будет лучше. А вам насколько легче станет — только представьте! Ведь всю заботу о больных государство берет на себя!

— А навещать его можно будет? Муж все-таки... Двадцать лет вместе прожили.

— Конечно можно! О чем разговор?

— Очень вы все складно излагаете, только от меня-то что зависит? Это ему решать.

— Ему, ему! Но чтобы принять правильное решение, он должен поговорить с нами. Мы все объясним, покажем санаторий. Он встретится с людьми, которые там живут, — и вот тогда пускай решает сам. Никто его неволить не будет.

— Ну хорошо. Что я должна сделать?

— Вы должны сообщить нам, когда он вернется. Просто позвонить — и все!

Надо соглашаться. Может, отвяжутся?

— Ладно. Я согласна. Могу я теперь идти?

— Конечно, Мария Николаевна! Вот вам моя визитка — там номер телефона. Как говорится — в любое время дня и ночи. И еще... Небольшая формальность. Просто для учета... — Достал из стола отпечатанный лист, придвинул вместе с ручкой. — Вот здесь — фамилию, имя, отчество. А здесь — подпись.

— Что это?

— Расписка, что вы обязуетесь сообщать информацию о месте пребывания крылатых людей. Я ж говорю — пустая формальность. Вы же согласились со мной, что, образно говоря, им под крылом государства будет лучше?

Нет, не отвяжутся. Вцепятся — не стряхнуть. Какие, к чертям, демократия и гласность? Все то же вранье и стукачество, как и раньше. Отодвинула листок.

— Ничего подписывать не буду. И говорить с вами больше не буду. Делайте, что хотите.

Посмотрела в глаза этому улыбчивому. И улыбнулась в ответ.

5

Про то, как добирались, рассказывать не хочу. Та еще песня с припевом!

Все пошло наперекосяк! С самого начала.

Из-за того, что нас кто-то сдал, собраться толком не успели, хотя основное было приготовлено. Барахло лежало в гараже у этого худого Сергея, и моя кормилица там же стояла. Куда сложнее оказалось всем встретиться и договориться об отъезде.

Меня загнали на Лосинку, и я шатался по лесу, опасаясь каждого шороха, ждал, когда Маша объявится, найдет меня.

Машу помуржили и отпустили, но топтуна приставили. Он не очень-то и скрывался. Она из дома, он следом — так и ходили парой. Как ей меня разыскать, если этот топтун прилип, точно банный лист? А Валерий Палыч звонит, торопит с отъездом. Ему тоже не сладко. Они с Ольгой у каких-то знакомых осели, и те уже косо поглядывают.

Маша у меня умная! Такой фортель выкинула! Знала, что я вечерами где-то поблизости ошиваюсь, жду ее. Пришла в Лосинку, на нашу поляну, где меня обычно оставляла по ночам, когда летал. Топтун, естественно, следом.

Смотрю — идет! На голове платок ярко-красный, зелеными розами усыпанный. Этот платок попугаистый ей сын из своей первой загранички привез. Мы еще тогда посмеялись: на улицу не выйдешь — люди будут пальцем показывать. Так в шкафу и валялся. Я, как его увидел, сразу сообразил: дело не чисто. И точно! Идет следом какой-то мужичонка неприметный. Ага, думаю, пасут!

Погано мне стало — сил нет! Три дня уже скрывался, голодный. Как Дед, стал кормушки птичьи чистить: пшено, семечки, хлебные огрызки...

Но ведь не зря же — рассуждаю — пришла?

Они с топтуном круг по поляне дали и ушли. Подошел я к тому месту, где обычно она пальто мое на дерево вешала, — в траве бумажка скомканная валяется. А на бумажке — где, что и как написано. Молодец, Маша!

Собрались мы все-таки вместе накануне отъезда. У Сергея-проводника на квартире. Однушка — шестерым не повернуться. Но мне по фигу было. Так оголодал за эти дни — только и делал, что ел. Все куда-то отодвинулось: жена, сын, внук, — как будто уже уехал. И уехал навсегда...

Одно тревожило: с Машей толком не попросался. По телефону переговорили. Плачет. Но я за те дни, что в лесу сидел, твердо решил: надо рвать с семейной жизнью. Хватит ее мучить! Самому надо выживать, нечего других за собой тянуть. Может, и к лучшему, что не простились, не наобещали ничего друг другу перед отъездом.

Погрузились и ночью тронулись.

Дождичек только прошел, на деревьях листва высыпала, асфальт в свете фар блестит, окна, окна... реклама яркими пятнами мечется, машины, редкие прохожие на тротуарах, — такое все родное, привычное. Не видеть мне больше этого! Не рулить по ночной Москве, выдыхая сигаретный дым в приоткрытое окно.

6

— Товарищ полковник, разрешите доложить? — Вошедший был собран, серьезен, напорист.

— Ну, зачем же так официально, Леонид Сергеевич? — Лысоватый округлый пожилой человек поднялся из-за стола навстречу, всем своим видом стараясь выказать радушие. Несмотря на малый рост и общую округлость форм, светло-серый костюм сидел на нем безукоризненно.

Кабинет небольшой и узкий, как пенал. Стол в его торце завален бумагами и покосившимися стопками папок. На стене — карта Москвы и Московской области, рядом — таблица, цифры в графы вписаны фломастером, некоторые обведены кружками разного цвета. Из угла над столом чучело глухаря на суку хмуро поглядывает мутным стеклянным глазом. Шторы на единственном окне раздернуты. Косые лучи бьют сквозь стекло, высвечивая на противоположной стене неправильный прямоугольник, лениво сползающий на пол.

— Мы с вами сейчас кто? — продолжал округлый, энергично пожимая вошедшему руку. — Мы с вами сейчас ученые! Орнитологи, если можно так выразиться. Изучаем жизнь птиц. Их повадки, привычки. Так что давайте соответствовать.

— Слушаюсь, товарищ полковник! — И тут же поправился: — Извините, Вадим Александрович, субординация... Никак не привыкну.

— А пора бы уже. Докладывайте!

— По группе Белова. Как и предполагалось, после принятия превентивных мер, выраженных в попытке ложного задержания некоторых членов группы, все фигуранты собрались вместе и сегодня ночью на двух машинах отбыли из Москвы. Сейчас находятся в районе Дмитрова. Условия для задержания группы благоприятные.

— Подожди, Леонид Сергеевич, не гони! Состав группы не изменился?

— Нет. Фигуранты те же. Четверо крылатых и два проводника.

— Так... — Вадим Александрович задумчиво стоял, покачиваясь с носка на пятку. — Наш расчет на экстремальную ситуацию не оправдался. Новые фигуранты не выявлены.

— К положительным итогам акции можно отнести выявление сочувствующих лиц.

— Нам от этих лиц ни тепло и ни холодно! — отмахнулся Вадим Александрович. — Какие будут предложения по группе?

— Брать днем, во время передвижения на машинах. Задержание проводить с участием ГАИ.

— И что получим? Четырех крылатых, один из которых и так на нас работает? Не слишком ли мелко?

Леонид Сергеевич молча застыл, глядя поверх головы полковника на чучело глухаря.

— Поступим так. Первое. Группу пропустить. Опираясь на местные органы власти, обеспечить благоприятное следование до места назначения. Второе. Передать все собранные нами материалы барнаульским товарищам — это теперь их дело. Пусть сами решают, пропускать кого-то в Монголию или задержать всех на месте. Вполне вероятно, сохранение группы позволит выявить новых местных фигурантов. Третье. Скрытно вывести нашего человека из состава группы и вернуть в Москву. Все понятно?

— Так точно!

— Выполняйте.

— Вадим Александрович, разрешите обратиться?

— Ну?

— По поводу отколовшегося от группы фигуранта Бабичева. Он сейчас находится в Брянской области, деревня Почуево. Связи с другими крылатыми не имеет и не ищет.

— Этого — брать.

7

«...ли я его?» — это внизу, на листочке, сплошь заштрихованном карандашом. Более темным — горы, облака над ними, что-то змеящееся, похожее на речку. Задумчиво покусала карандаш и приписала в скобках: «Первое слово слизала корова».

Серый прямоугольник окна. За окном — двор. Хилые деревья и детская площадка.

Сугробы в черной грязной корке. Лужи на асфальте. Впаянные в ноздреватый лед газона мятые пивные банки и собачьи какашки.

Все равно конец зиме! Так надоели эти вечные сумерки, это сидение в четырех стенах. Солнца хочу! Простора, воздуха, ветра! Он говорит — надо потерпеть. Терплю...

Уйти я от него могу. Шагнуть за порог, сбежать вниз по лестнице, распахнуть дверь — и свобода! Серая, слякотная свобода. Уйти просто. Куда? Снова эти безбашенные тусовки, метания, попытки любить и что-то строить?.. Как он говорил? Не дергайся, не суетись — сядь и подумай: чего ты хочешь? что тебе выгодно? День думай, два, если надо — неделю. Реши для себя и тогда — делай!

Все-таки он не такой, как все. Он — сильный! Он знает, как надо.

Вот только возраст... И эти крылья... Бедный! Не сможет он без меня.

Зачем себя обманывать? Он — сможет! А ты без него? То-то и оно...

В квартире жарко — батареи шпарят на полную. Шорты и майка. Босиком. Я люблю босиком! Он в соседней комнате на компе тренируется. Просил не входить. Неудобно ему, видите ли... Мешаю. Вторую неделю сидит. Палочку китайскую зажал в зубах — и по клавишам... Интернет ему нужен, связь с миром. А я тут одна маюсь.

Что ты причитаешь, себя накручиваешь? У тебя же полная свобода! Хочешь — к подругам, к родителям съезди, прошвырнись по магазинам. Это ему нельзя, а ты-то можешь. Сама торчишь здесь как привязанная. Он же все время подталкивает: не сиди возле меня, живи, живи своей жизнью, я только рад буду... Не хочу. С ним хочу!

Неужели получится — уедем? С ним все получится, я в него верю. Скорее бы... И от вранья устала. Перед этими неудобно, жалко их. Сначала даже в мыслях не было скрывать. Это все Валентин. «Представь, — говорит, — меня дочке». Видели бы они, что эта дочка в постели вытворяет!.. А он сразу ухватился: так даже лучше, пускай думают, что все на равных.

Ладно... Пусть он решает, как лучше. У него всегда что-то про запас имеется.

Встала, вытянула руки, завела за голову, потянулась. Ноги на ширину плеч. Наклоны. Русые волосы вниз, к полу.

Два года назад... На Москву навалилась зима — а они с Олежкой, с компанией, махнули на Кубу. Океан, солнце, песок такой белый, что глаза слепит — чудо!

Кайтовая компания. Новое увлечение, ребята учились сами, без инструктора, бесшабашно и весело, каждый день что-то для себя открывали. Било их, швыряло, полоскало по волнам. Огромные яркие купола над головой, словно цветы в небе распустились, ветер визжит в стропах — красота!

Она даже не пыталась, понимала, как это тяжело. Была в тусовке, в общих переживаниях: оторвало от воды и сбросило с доски, уронили купол, протащило по песку при подъеме кайта, — ей хватало! Смеяся, играла в доктора — замазывала ссадины зеленкой.

Нравилась себе. В белом купальнике. Стройная, загорелая. Лизала кожу на загорелой руке — соленая. Запах водорослей, запах солнца... Радовалась и переживала за Олежку, гордо ощущая себя собственницей: мой поехал! — лежала на белом горячем песке с закрытыми глазами, чувствуя себя счастливо затерявшейся на пустынной полоске пляжа между водой и небом.

По вечерам они выпивали, играли в карты и бесконечно перетирали перипетии прошедшего дня. Она ожидала музыки, танцев, но это было кайтовое место — здесь катались! Если дул ветер — за день укатывались до смертельной усталости. А ветер здесь дул всегда. Ужин, коктейль в баре, и спать. Утром — на воду!

Ночью — темнота, глаз выколи! Тишина. В ста метрах едва слышно дышит океан, словно кто-то равномерно проводит наждачной шкуркой по дереву. Мотыльки бьются о стекло горячей лампы.

Он со своей дамой случайно подсел за их столик в столовой. Пожилой мужик, лет пятидесяти, невысокого роста, плотный, круглоголовый, с коротко подстриженной

бородкой. Не понравилось, что не улыбнулся ни разу. Они были заряжены на шум, радость, веселье — ведь отдых, океан, кайты, молодость! А он был по-взрослому серьезным — и потому неинтересным.

Вот его дама, та была яркая! Лет тридцати пяти, стройная, выше него почти на полголовы. Мальчишеская стрижка, беззащитная шея... Рваные джинсовые шорты. Мужики оборачивались. И как-то сразу было ясно — не жена она ему.

Так и не спросила — с кем же он был там, на Кубе? А ведь помню и хочу знать...

На пляже... Проходил мимо. Поздоровался. Стоял, смотрел, как Олежка передавал Вовке кайт — перецепляли, не опуская купол на землю. Похвалил: лихо наострились! Тут Олежка и предложил: «Хотите попробовать?» И столько было в этом бравады и мальчишеской гордости: вот я могу, а другие не могут, что не возникало сомнения: уверен, что откажется. Не отказался. «Можно и попробовать», — сказал.

Парни принялись объяснять, советовать. Молча слушал, кивал. Но когда ловко надел трапецию — железный крюк на поясе, к которому крепится планка со стропами, — проверил и затянул ремни, все примолкли. Поняли: знает, что делает. Помогли перецепить кайт.

Помедлил у кромки воды, поводит куполом из стороны в сторону, проверяя тягу. Вогнал ноги в петли. Сделал едва заметное движение управляющей планкой. Его подняло на метр и плавно опустило на воду. Поехал! Заскользил — только шлейф брызг из-под доски... Легкость старта, стойка, скупая точность управления куполом — им этому еще учиться и учиться. Шел мимо какой-то старый хрен с бугра — и взял и поехал! Да так, что порушилось их восторженное настроение от собственных свершений.

Вот после этого она его увидела. Проступили черты. Тонкий белый шрам над правой бровью, глаза — серые, морщинки в углах глаз — умеет смеяться, умеет! Взгляд спокойный и требовательный, словно оценивает, просчитывает — на что ты способен, какой ты? Двигался не спеша, с ленцой, но с какой-то затаенной грацией в движениях. И было с ним спокойно. Его уверенность передавалась.

Вечерами ходила смотреть на закат. Уставала от шумной компании, хотелось побыть одной — неясные мечты, девичья романтика: пустая на многие километры полоска пляжа, тонущее в воде солнце, остывающий песок. Океан подмывал берег — две пальмы обрушились. Она пробиравалась по стволу к самой воде и садилась — это было ее место. Там и встретились. Он сразу перешел на «ты», ей было сложнее — чувствовала разницу в возрасте. О чем говорили? Спросила, где так научился на кайте. Он рассказал, что давно, когда только первые кайты в Россию завезли. Спросила, почему сейчас не катается. Помолчал, подумал, словно сам себя еще раз проверял.

— Неинтересно стало. Скучно. Нет, вид спорта очень хороший, особенно с эстетической точки зрения. Красивый! Ты словно кусочек ветра куполом зачерпываешь. Ветер злится, старается сбежать, рвется на свободу, тянет за собой. Ты управляешь им, ты сильнее! Но не дай бог сделать что-то не так — не простит ошибки, размажет!

— Так почему же скучно? Ведь здорово! Вы так рассказываете...

— Любой процесс, Оля, конечен. Вот и кайт...

— Не объяснили.

— Давай на твоих ребят посмотрим? Они учатся. Для них все новое. Это новое — восторг! Проехали на доске по волнам в океане триста метров, вернулись в точку, смогли вырезаться против ветра — победа! Первые шаги — они самые важные. Надо побороть себя, свой страх. Этап свершения! Дальше — оттачивание мастерства. Можно приобрести опыт и уверенность, научиться делать разные финты на воде, прыгать на пять метров в высоту, но все равно такого щенячьего восторга, как во время первых проездов на доске, уже не испытаешь. То, что ты будешь делать дальше, — не новое...

— Кажется, я вас поняла.

На следующий день встретились опять. Там же. Опять якобы случайно. Но она,

в тайне от себя, уже ждала. Пока еще не желала встречи, просто... было бы неплохо, если бы он пришел. В отель возвращались вместе. Брели по кромке белого песка, который, казалось, светился в темноте...

Потом он пропал. Ни на пляже, ни в столовой. Она решила, что уехал. Ну и ладно! Мог бы, конечно, попрощаться... Объявился через два дня. Смотрела, как он не спеша подходит, и вдруг поняла, что радуется — рада видеть его! Оказалось, уезжал в Гавану. С этой... Снова встречались по вечерам. И уже понимала — не случайно.

Она сразу поместила его в разряд интересных взрослых, поэтому заложенное природой женское сексуальное обольщение дремало где-то глубоко внутри. Разговаривали обо всем. Она спрашивала — он рассказывал. О Гаване, испанцах, о Фиделе, о смерти Че. Залив свиней, казармы Монкада. Хемингуэй, кошки, охотничье ружье и палец босой ноги... Благодаря ему она стала иначе смотреть на этот остров, на обслуживающий персонал отеля — черных бедняков, приветливо улыбавшихся отдыхающим господам.

Накануне отъезда неожиданно спросил посередине какого-то рассказа:

— А у тебя с Олегом серьезно?

— Да. Серьезно, — не задумываясь, ответила она, и разговор потек дальше — ни малейшей заминки. И только ночью, рядом с Олежкой, прижимаясь к нему, спящему, вдруг подумала: а смогла бы? хотела бы?

Вот Олежка — легкий, молодой, веселый, понятный до прозрачности, — кружиться, танцевать, смеяться. А этот? Серьезный, пожилой, лицо в морщинах, седина в бороде... Нет, на роль сексуального партнера он совсем не подходил. Смешно — я и он! Улыбнулась, прижалась теснее к Олежке, такому родному и понятному, и заснула.

Перед отъездом обменялись телефонами, и он перестал для нее существовать — растворился в суете московской жизни.

А жизнь начала меняться почти сразу же после приезда.

До поездки Олежка был на фирме мальчиком «подай-принеси». Повысили. И что-то в нем надломилось. Раньше — светлый и легкий, теперь — серый и нудный офисный планктон. Раньше в их съемной однушке не протолкнуться — до поздней ночи друзья-приятели. Теперь куда что подевалось? Да, не москвичи. Ничего своего за душой. Окончили институты и зацепились, остались. Мозг вынес — чуть не каждый день твердил: «Как у всех должно быть!» Это значит — брать кредит на ипотеку, покупать квартиру, машину. «Врастать надо!»

Вот и врал... Обрастал костюмами, рубашками (как же она ненавидела гладить эти его рубашки и брюки!), носочками, лосьонами и кремами для бритья, вечными разговорами — какой у кого портфель, какие часы и сколько стоят, какая машина соответствует его статусу... Обрюзг сразу, старше стал. Выдумал правила — как должно быть. Придет вечером с работы, ужин должен его ждать. Именно — ждать! Не радуется, как раньше, если я что-то приготовила. Сам — к телевизору или за компьютерные игрушки. И пиво, пиво, бесконечное пиво! Он устал, он стресс снимает. Постель? Смешно! Надуется пива. Десять минут. А она всегда медленной была...

И как-то все остановилось. Болото. Завязла. Бежать, лететь хотелось! Жизнь чувствовать, а не барахтаться в выдуманных проблемах.

Как-то утром он на работу собирался, а она сидела на кухне с чашкой чая. Зашел «пока» сказать. Подняла взгляд... Какой-то молодой мужик — незнакомый совсем. Короткая стрижка, дурацкий чубчик зализан набок, рубашечка белая, узкий черный галстучек болтается, брючки короткие, носочки белые выглядят, портфельчик в руке. И это мой Олежка? Вихрастый, нечесанный Олежка в рваных джинсах и свитерке на голое тело? И с этим незнакомым мужиком — ипотеку на полжизни? Уже

раскололись — обломки... Склеить деньгами, детьми, конечно, можно. Но не соединить обратно в единое целое.

Навалилась тоска.

Она сама ему позвонила. Сама предложила встретиться.

Он ни о чем не спрашивал, а она не рассказывала.

Думала, поведет в кафе или в ресторан, была готова воспротивиться... Нет — просто пошли по улицам, бездумно и молча.

Промозглая, темная мартовская Москва. Влага висела в воздухе, стараясь превратиться в снежную крупу — последним зарядом выплеснуться на мостовые. Огни окон, витрин — ярко в темноте. Бульварное кольцо — редкие силуэты людей между голых деревьев, мимо.

— Давай прогуляемся по Москве памятников? — предложил он.

«По памятникам Москвы», — поправила его про себя, но говорить ничего не стала. И только потом поняла, что он хотел сказать.

— Только к ним надо не с пустыми руками, — улыбнулся. — Зайдем в магазин. Здесь, за углом.

Стоял в очереди. Она ждала возле окна, прислушиваясь, как он перешучивался с продавщицей, и вдруг поняла, что оценивает его как уже что-то свое. Раздражает? Слишком фамильярен? Много внимания чужим, забыл про нее? Улыбнулась себе — вот интересно!

Купил крымский портвейн, пластиковые стаканчики и мандарины. Показывая на бутылку, пояснил:

— Как раз по погоде. Надеюсь, ты не против? Пойдем.

Она еще не понимала — куда и зачем «пойдем». Но уже была готова куда угодно. Его уверенность и спокойствие позволяли не думать самой, только следовать.

Есенин. Грустный каменный мальчик — она почувствовала. Глоток сладкого тепловатого портвейна из пластикового стаканчика, раскрытая мандаринка на его ладони. Поймала себя на мысли, что хочется взять дольку с ладони губами.

Темные зигзаги переулков, маленький садик. Блок. Едва различим — темная пустота вокруг. Пахнуло одиночеством, неустроенностью. Глоток портвейна. Он что-то процитировал, кажется, про скифов — она не слушала. Старалась понять — зачем она здесь, рядом с этим памятником, рядом с ним?

Снова бульварное кольцо.

— Теперь сюда.

В глубине темного двора — черная глыба.

— Гоголь. Походи вокруг. Где бы ты ни стала, он будет смотреть на тебя!

Послушно пошла вокруг памятника. Гоголь сидел нахохлившись, закутавшись в плащ (или что они тогда носили?), казался усталым и больным. Безразлично следил за ней тяжелым взглядом.

Оглянулась. Он не отрываясь смотрел на памятник, мелкими глотками прихлебывая из стаканчика.

Стала проваливаться. Пахнуло холодом. Этот город — нагромождение каменных зданий, толпы незнакомых людей, угрюмо стоящие памятники... Она почувствовала себя слабой и беззащитной среди этого холодного месива.

Чтобы жить в этом городе — надо его знать, тогда он примет тебя, — пронеслось в голове.

Он — поможет?

Не обращал на нее внимания. Губы шевелились, словно разговаривал с кем-то невидимым. Поняла. Он привел сюда не для того, чтобы показать ей памятники. Ему самому нужно их увидеть, вспомнить, что-то сказать. Она — с краю. Если ей интересно, может присутствовать, он не против. Почему-то не задело, не обидело... Это его город — он здесь живет, он им дышит.

Потом был Шолохов, плывущий в лодке среди отрезанных конских голов; Нансен в широкополой шляпе, положивший руку мальчику на плечо; плоский Бродский с незряче запрокинутым к черному небу лицом.

Закончился портвейн, и уже заканчивалось ее время, надо было домой, к Олегу, но не могла решить — хочет ли она уйти.

— Устала? По домам?

— Не очень...

— Я еще в одно место хочу заглянуть. Тут недалеко. Поедешь со мной?

— Давайте.

Садовое кольцо маслянисто блестело в свете фар. Вскинутая рука. Такси. Податливая мягкость заднего сидения. Он навалился плечом, когда садился.

— Площадь Борьбы.

Таксист не знал.

— Метро «Новослободская». Я покажу.

Трамвайные пути огибают скверик неправильной формы. Темные здания. Пустынно и тихо — ни машин, ни людей, только ветер из подворотен.

Сквер не освещен. Пересекли, мимо тяжело присевших в темноте скамеек.

Медная (чугунная?) оконная рама словно повисла в воздухе. За ней — молодой человек. Смотрит оттуда, сказать что-то хочет.

— Здравствуй, Веничка.

Она не поняла, искала надпись, чтобы определить — кто это?

Заметил.

— Веничка Ерофеев. «Москва — Петушки» не читала?

— Нет.

— Он описывает, как пьяным едет с Курского вокзала к своей любимой на станцию Петушки. Памятник на Курском сначала установили. А потом что-то не заладилось, и его сюда... До перестройки, да и во время, это знаковая книга была. В день его рождения почитатели таланта затоваривались спиртным и повторяли весь маршрут. Не знаю, сейчас кто-то ездит или нет... Пойдем, еще покажу...

Прошли по скверу почти до конца.

Из темноты — силуэт девушки. Замерла. Ждет. Легкое платьице. Длинная коса через плечо переброшена.

— Вот она, его любимая — блядь с длинной косой!

Взглянула непонимающе.

— Ты извини, это он ее так называл. Любя...

Прислушалась к себе: это слово... — как он его произнес — не звучало ругательством, скорее отдавало горечью и тоской. И было обидно, что ничего она не знает, ничего не читала, стоит тут как дура!

Сказала, не поворачивая головы:

— Я бы эту площадь Площадью Любви назвала.

Он усмехнулся.

— Да. Это бы больше подошло.

— Расскажите мне про них.

— Оля! Давай я в следующий раз тебе книжку принесу? Прочитаешь. Если понравится, расскажу, что знаю. Хорошо?

Она кивнула.

— И еще, Оля... Я тебе звонить не буду. Не хочу тормозить и дергать. Ты сама звони, если захочешь. Договорились?

Не глядя на него, кивнула опять.

— Ну тогда по домам. Давай, я тебе такси поймаю.

— Нет. Я на метро.

Позвонила через неделю. Услышала его голос, и все встало на свои места — успокоилась и ехала к нему, уже зная, зачем это делает.

Неделя была ужасной. Чувствовала себя виноватой. Оправдывалась перед собой: это не измена, даже не целовались, просто вместе гуляли по Москве. Устроила романтический вечер — ужин, свечи, короткое платьице на голое тело, чулки. Но Олег все скомкал своей суетностью, мельтешил перед глазами, раздражал. Разругались из-за какой-то ерунды, впервые кричали друг на друга...

Как нельзя кстати Олега отправили на четыре дня стажироваться в Швецию.

День прослонялась по пустой квартире и вечером, когда стало совсем одиноко, позвонила. Сказала просто:

— Я хочу приехать (думала сказать — к тебе, но не выговорилось) к вам.

Он мгновение помедлил и назвал адрес.

Дальше... — она сидела на кухне, забившись в угол, и смотрела, как он жарил мясо. Газ вывернут на полную, огонь с глухим шорохом мечется под днищем сковородки, форточка приоткрыта, дует — мясо сварливо шипит. Не было ни малейшей попытки удивить, ничего показного. Готовил ужин. И она вдруг впервые за долгое время почувствовала себя защищенной — можно расслабиться, о ней позаботятся. Знала, что останется на ночь, но о том, что будет и как это произойдет, не думала совсем.

Никакой романтики. Просто — друг напротив друга, просто — ужин на кухне. Он что-то рассказывал, она почти и не слушала — где-то витала.

Заправленный белым разложенный диван. Свет настольной лампы.

Вышла из душа, завернутая в полотенце. Не глядя на него, лежащего, хотела погасить лампу, но он попросил:

— Не надо.

Отвернулась, повесила полотенце на спинку стула и скользнула под одеяло.

Время замерло. Она тонула в этом времени, наполненном бесконечно долгими и медленными ласками, и когда поняла, что еще чуть-чуть и захлебнется — попробовала вынырнуть, сбросить морок. Не смогла. Закружило! Вихрем пронеслось в голове и взорвалось жемчужным мыльным пузырем! И она закричала тонко, пронзительно.

Утром он ушел. Она еще спала.

Бродила по квартире, стараясь попробовать привыкнуть к ней. А может, наоборот, показывала ей себя — чтобы пустила, вобрала, сделала своей частью, как вот эти книги, что громоздятся на полках, шторы, что наполовину закрывают окно, создавая обжитой полумрак, компьютер с загадочно погасшим экраном. Кипел чайник, пар валил из носика. И было уютно. Уютно ждать — когда он вернется.

Три дня... Что такое три дня, когда ты только что родилась? Капля в океане! Но возвращался Олег — надо было что-то решать... Хотя что решать? Все и так ясно.

— Можно, я у тебя поживу? — спросила на третий день утром.

За окном было по-весеннему радостно, и солнце уютно разлеглось на кухонном столе.

— Оля! Ты уверена, что этого хочешь? Подожди, не перебивай. Раз уж разговор зашел — давай поговорим, чтобы больше к этому не возвращаться... Разница в возрасте. Здесь все понятно?

Она кивнула.

Продолжил немного зло, с нажимом.

— Мне хорошо с тобой. Но влюбиться я не собираюсь и тебе не советую. Вместе мы можем прожить какой-то отрезок времени, но подозреваю, что он будет довольно коротким. Поэтому у каждого должна быть своя жизнь. И мы не должны мешать друг другу — обижаться, требовать внимания больше того, что каждый хочет дать. Согласна?

Она молча смотрела в окно. Он говорит все правильно... Только зачем он об этом говорит?

— Ты сможешь мне перевезти вещи? У меня совсем немного... Я даже, наверное, сама смогу...

— Зачем? Машина же есть. И еще, Оль... Я тебя хочу попросить... Это не условие, это — просьба. Давай, пока ты со мной, ты не будешь спать ни с кем больше? Можешь флиртовать, встречаться, с кем угодно, не приходиться ночевать, но не спать с другими мужиками.

Посмотрела удивленно. Никак не ожидала. В его уверенности образовалась едва заметная трещина.

— Конечно! Не думай об этом.

Нашел о чем думать. Да мне кроме него никто не нужен!

Совсем недавно, с Олежкой, она была так же уверена в себе.

8

Можно что-то кардинально изменить? Похоже, нет.

Отрезать их, к этой самой матери!

А что? Хирургическое вмешательство. Что так рук нет, что так... Зато общество выпихивать не будет — убогий, но со всеми вместе, а если повезет, то еще и жалеть станут.

Что за мутотень в голову лезет? Сидел, откинувшись на спинку стула, концы крыльев стелились по полу. Экран компьютера светился синим. В зубах зажата тонкая палочка. На стене фотография в рамке: степь, припорошенная снегом, разлилась вширь, снежные вершины гор вдали, белые мазки облаков на радостно-голубом небе — смотрел и не видел. В который раз прокручивал в голове, о чем уже думано-передумано.

Событие произошло, нет смысла стараться его изменить.

Еще раз — по порядку. Не ошибиться в построении логической цепочки.

Что имеем? Крылья.

Последствия: общество не желает принять сие отклонение. Значит — изоляция, в той или иной степени.

Исходя из этого, можно направить последствия по трем руслам. Первое — самое простое — сдать на милость общественной системы. Второе — постараться полностью отгородиться от этой системы. Третье — найти способ сосуществования.

Первые два отмечаем по той простой причине, что не подходят. Всю жизнь старался быть свободным. Нужно попытаться организовать свою личную жизнь так, чтобы сохранить свободу внутри существующего общества. И не просто существовать внутри общества, но и получать выгоду от этого симбиоза. Как этого добиться — вот в чем вопрос.

Надо развернуть ситуацию таким образом, чтобы крылья, которые сейчас пугают общество, стали бы ему полезны.

За закрытой дверью, в соседней комнате заиграла музыка. Поморщился. Зарядку делает. Это теперь на час. Лучше бы куда-нибудь сходила. Нечего целыми днями дома сидеть. Была бы моя воля...

Итак...

Чтобы что-нибудь купить, нужно что-нибудь продать. Хочу купить относительно спокойную жизнь внутри какой-то части социума. Могу продать способность летать. Вопрос — кому эта способность нужна или даже необходима. Нет! Забегаю вперед... Сначала — что позволяет способность летать? Да много чего! В частности — возможность относительно легкого попадания в труднодоступные места — например, в горы. И только теперь следует себя спросить: кому именно это требуется?

Аккуратно, чтобы ничего не задеть ненароком, поднял крылья вверх, заводя за голову, потянулся, выпрямляя спину — затекла.

А ведь если рассматривать сложившуюся ситуацию с точки зрения везения — хмыкнул, — то мне повезло! Был бы верующим — сказал бы, что это предназначенное, дарованное свыше! Ладно... Будем считать, что просто везение.

С этим мумие странно все получилось... Никогда ведь, ни с какого боку. А уж чтобы серьезно заняться, и в мыслях не было.

Алтай! Он влюбился в этот край сразу и навсегда. Теория собственного места в пространстве подтвердилась. Степной простор завораживал. Плыли облака, отбрасывая громадные тени, и степь меняла цвет на глазах, переливалась стелющимися под ветром травами. Пустынно и одиноко, лишь орлы плавно кружили в небе.

Белуха. Восхождение. В альплагере познакомился с Романом — альпинистом из Барнаула, который собирал мумие. Завязалась дружба-сотрудничество. Роман — на Алтае — сбор; он — в Москве — сбыт. Поначалу дело шло вяло, но потихонечку раскрутили. Роман собрал команду из нескольких альпинистов, а он вышел на оптовых закупщиков.

Этот крутеж ему нравился. Мотался на Алтай по пять раз в год, ходил с ребятами в горы... И вот на тебе — крылья!

Сначала, когда случилось, запаниковал. Хотел все бросить: Москву, квартиру, Ольгу, — и на Алтай. Забиться в горы, затеряться в степях, и будь что будет! Сдохну в одиночестве — ну и ладно. Зато налетаюсь.

Спасибо Ольге — добрая душа — остановила. Ходит за мной, как за дитем малым, помогает. Хотя и ее, когда время настанет, бросить придется. Ладно, не будем загадывать.

Давай-ка еще раз пробежимся по схеме.

Добраться до Алтая я могу и с Ольгой. Для этого никто больше не нужен. А вот дальше? Забиться в горы, ползать по скалам, собирая мумие? Полностью зависеть от Романа? Не хочу! Да и не продлится этот симбиоз долго: либо поймают и запрут, либо сделают рабом на всю оставшуюся жизнь. Нужно, чтобы Роман от меня зависел, повязать выгодой — деньги-то он любит. Организовать бригаду крылатых сборщиков. Романа поставить на сбыт. Перспектива — увеличение оборота за счет привлечения новых крылатых.

Придумка про Монголию, она, в принципе, на данном этапе правильная. Затеряемся в монгольских бескрайних степях, построим коммуну крылатых. Как же! Ключули, идиоты, на этот бред. Им-то точно деваться некуда, здесь их отловят, но, самое смешное, Ольга тоже верит, что мы отправляемся в Монголию счастливое будущее строить.

Жалко, Ванька отвалился. Боевой парень. Эти трое — ни то, ни се. Хотя... с ними будет легче управиться.

Лишь бы Рома не подвел. Я ему обрисовал ситуацию в общих чертах: мол, вышел на крылатых людей, которых можно использовать для сбора мумие в горах, в недоступных местах. Не поверил. Решил — я белочку словил. А я ему — фото! Ольга, когда они у меня в гостях были, сфотографировала. Что сам крылатым стал, конечно, не сказал. Пусть пока считает, что я посредник. Встретимся — разберемся. Важно, чтобы он выполнил свои обещания: заброшенное жилье в горах, ограниченное число посвященных, организация элементарного быта на первое время. Одно, правда, напрягает... Похоже, он сразу стал относиться к крылатым как к рабам. Как бы на цепь не посадил.

Вот с Ольгой — проблема. Все-таки влюбилась, дуреха! Не случись этих крыльев, я бы с ней повозился еще пару лет. Девка она добрая, отзывчивая, обучаемая. Но ведь молодая, ничего не умеет, не понимает жизни. Отпустить на все четыре стороны я ее

сейчас не могу — нужна. Довезти, помочь на первых порах обустроиться. А дальше — пусть уходит в свою жизнь. Романа попрошу, чтобы с альпинистами познакомил, они ребята молодые, видные. А захочет — в Москву вернется. Мне теперь женщина нужна в возрасте. Чтобы понимала — ее мужик! Какой-никакой, а ее, другого уже не будет.

Непонятно, стоит ли сейчас раскрыть ей свои планы. Вдруг взбрыкнет? До сих пор на жизнь через розовые очки смотрит. Герой я для нее — без страха и упрека. Тьфу! Ненавижу это слюняйство!

Музыка смолкла. В дверь стукнули и сразу же приоткрыли.

Ольга. Светлые волосы растрепаны. Широкоскулое лицо в едва заметных веснушках. И сама улыбается, и глаза смеются. Какая же она все-таки красивая! Хотя... все молодые для меня красивые.

— Я в магазин схожу. Что ты хочешь на ужин?

— Оля! Сама! Купи что-нибудь, на что глаз ляжет. Мне — минералки.

— Хорошо. Я быстро.

Молодая, красивая... — но ведь не единственная? Почему к другим женщинам тоже тянет? Порой завидую тем мужикам, что прилепились к одной женщине и идут вместе по жизни, повязанные детьми, внуками, общей жилплощадью и бытовыми дразгами. Нет в этой жизни никакого смысла, кроме ее проживания!

Или смысл все же в детях? У тебя-то нет, ты не попробовал. Полтинник подкрался — и что? Ну да — поездил, пожил в свое удовольствие. Если б не эти крылья, можно было бы еще успеть... но, честно говоря, совсем не хочется что-то менять.

Любовь? Да. Было... раза два. Меня бросали. Я бросал. Круговерть познания. К женщинам тянет. Но не тело. Женщина — это другой мир. Необходима влюбленность, легкость, игра. Захватывающее чувство победы, доверие, ее сияющие счастьем глаза.

А может, крылья — это расплата? Вот за это умение сделать женщину на год или на пять счастливой? Ведь ты никогда не хотел знать, что потом, как они дальше жили...

Тяжело встал, подошел к окну. Серость за стеклом, вот-вот пойдет дождь. Порывы ветра раскачивают деревья. Ольга — факт — зонт не взяла. Вымокнет ведь!

Вот тогда... когда крылья...

Снова, в сотый раз, принялся перебирать события давнего дня, словно песок просеивал сквозь пальцы.

...Он познакомился с ней в мастерской у Гоши-художника. Иногда заходил туда — пообщаться с ребятами, выпить, послушать разговоры об искусстве. Понимал, что чужак среди них, что-то ищущих и не находящих. Но в этом был свой интерес — возможность, не втягиваясь в их разглагольствования, наблюдать: здесь каждый считал себя личностью — талантливой, неординарной.

На нее сначала внимания не обратил. У него была Ольга. Ждала дома. Он знал, что через два часа вернется с бутылкой вина, увидит ее радостную улыбку, она обнимет его в прихожей, не давая снять куртку, прижмет к молодому горячим телом...

Встретились глазами.

Черные волосы. Короткая стрижка. Худая и высокая. Лет тридцати. Черное короткое платье, обтягивающее — словно кожаная перчатка руку. Маленькая грудь, плоский живот, выступающие костяшки бедер. Лицо неправильной формы — что-то неуловимо обезьянье, смешливое, детское. Не удавалось ей оставаться серьезной, как ни старалась. Скучно было — он видел.

Он чуть поморщился, кивнув на пафосно витийствующего толстого потного человека с седой гривой волос. Она едва заметно улыбнулась, соглашаясь.

Подлил ей вино в бокал. Она в знак благодарности дотронулась до его руки.

Указал глазами на входную дверь и встал, гадая — пойдет или нет?

Пошла!

После прокуренной квартиры на улице было свежо и солнечно. Он радовался всему: себе — что так лихо увел эту интересную из компании; ее лихости — уйти с

незнакомым, даже не зная его имени; желтой листве на деревьях; ветерку, что перегонял пыльный мусор по мостовой.

Ему было легко. Он знал за собой это состояние — когда все получалось. Говорил, не переставая, что-то рассказывал, расспрашивал. Она отвечала, смеялась. И эта легкость общения, уверенность в себе, требовала продолжения. Не постели и поцелуев — хотелось устроить маленький праздник из их случайной встречи. Не столько для нее, — для себя.

Петляя переулками, вышли к чебуречной. Сами того не желая, стараясь экономить на всем, хозяева южных кровей вдохнули в нее нищий дух советской эпохи. Маленькое помещение, пыльные окна прикрыты пестрыми занавесками. От входной двери, вдоль стены — очередь из переминающихся мужчин и редких женщин к окошку «раздатки». Ассортимент минимален: чебуреки, чай в пластиковых стаканчиках, лимонад и тан в бутылках. Даже кофе нет. В окошке — здоровенная бабища, оплывшая лицом и телом. К стеклу прилеплена написанная от руки бумажка: «Говорите громче! Я плохо слышу». За ее спиной проглядываются котлы с маслом и хмурые чернявые парни в белых фартуках, мнущие комья теста. Четыре продолговатых «стояка», за которыми, нависая плечами, головами, раскрытыми ртами над дышащими паром чебуреками, теснятся люди. Здесь не разговаривают, не беседуют. Здесь — перекусывают. Молчаливая очередь отводит глаза и сглатывает слюну.

Отстояли. Не то чтобы хотелось есть — он показывал! Делился с ней этим кусочком прежней Москвы.

Выпросил у глухой тетки два стаканчика, обжигая руки, нес истекающие соком и паром чебуреки к угловому столику возле окна. Никаких пластиковых тарелок — чебуреки здесь подавали на куске вошеной бумаги, которая тут же, пропитываясь соком, темнела разводами. Разлил под столиком купленный в соседнем магазине крымский портвейн — он любил это наполненное степным жаром темное вино в зеленом стекле. Все как в старые времена.

Ей было не по себе в этой забегаловке, среди хмурых работяг. Он всем своим видом подбадривал: смотри, мне спокойно и весело, наблюдай, такого больше не увидишь, расслабься, наслаждайся необычным, ничего не бойся — я с тобой!

Рядом с ним, плечом к плечу, притулился мужичонка полуинтеллигентского вида. Кургузый пиджачок, узкий серый галстук, стягивающий ворот не совсем свежей белой рубашки. Лет сорока-сорока пяти, но уж слишком потрепанный жизнью: лицо с сероватым налетом, морщины, усталые покрасневшие глаза прикрывают очки в тонкой оправе под золото. Ну стоит и стоит кто-то рядом. Его несло: рассказывал, рассуждал, шутил, рисовался перед ней... Не замечал никого вокруг — только это детски-обезьянье личико с восторженно распахнутыми глазами. Занесло в дурацкие рассуждения о том, что человек, если по-настоящему захочет, может всего добиться...

Тут этот и подал голос:

— Прошу прощения, уважаемый, что, так сказать, вклиниваюсь в ваш разговор... Но позвольте узнать, что же тогда человека сдерживает? Почему он не добивается того, чего хочет?

Тихо так произнес, проникновенно... и смотрит, по-птичьи чуть склонив голову набок. Сок из надкушенного чебурека на бумагу капает.

Хотел послать. Но вдруг стало даже интересно.

— Желания сдерживают! Надо желания правильно для себя формулировать.

— Так вот просто?

— А что еще? — Глянул на нее, предлагая вместе посмеяться над этим чудиком в очках. — Ну, если ты в глобальном смысле, — сознательно перешел на «ты», — то существуют, конечно, факторы, которые ограничивают возможности: земля — снизу, небо — сверху, но по бокам-то — свобода! — Хохотнул, дотронулся до плеча, всем своим видом выражая превосходство. — Разве этого мало?

— Ну, это не мне судить... Чело­веки — они разные! Вот вам разве достаточно этой вашей свободы? Не хочется расширить?

— Что расширить? Не червем же землю грызть?

— Червем, я думаю, вы не захотите... Тогда в небо?

— В небо, пожалуй, да!

Отвернулся, показывая, что разговор окончен. Очкарик тоже на продолжении не настаивал. Бормотал что-то бессвязное про травы, гуляющие под ветром, про «пустынный простор степей»... Быстренько добил свой чебурек и двинулся к выходу. Худой, пиджак болтается, плечи ссутулены, лысина просвечивает сквозь редкие зачесанные набок волосы, свернутая в трубочку газета в руке, смешные летние, не по погоде, сандалии на ногах...

9

Где ж вы, миленькие? Давайте, давайте! Прыг-скок! Ну? Да где ж вы, суки!

Иван сидел на крыше покосившегося сарая, раскинув крылья и свесив ноги. Опирался каблуками в проем от выбитой доски в стене. На ногах старые кирзачи, к подошвам веревкой привязаны дощечки с набитыми гвоздями. Готов был сорваться в лёт в любой момент.

Сумерки. Самое тоскливое время в деревне. Особенно в конце апреля. Сырость и серость в воздухе. Голо, пусто, грязно. И лишь вспаханное по осени поле, освободившись от удушающего снега, бесстыже распахнулось черными жирными бороздами.

Зайцы не приходили вот уже третий день.

Весна. Эту весну он так ждал! Казалось: растает снег, зазеленеет лес — грянет птичьей многоголосицей, и жизнь изменится. Зимой ждал, когда только приехал в эту тьму-таракань. Сейчас понимал — ждать нечего.

Что себя обманывать — здесь хуже, чем в Москве. Это не его место. Тупик. В Москве, даже когда было совсем плохо, не оставляло ощущение загадочной игры, в которую заставила включиться судьба. Еще один ход, еще один прожитый в бездомных скитаниях день — колесо повернется, кубики швырнут еще раз, перемешают карты и сдадут снова. Да те же ночные полеты в Лосинке — это ведь была игра, забава. Добраться незамеченным, встретиться с друзьями. Летать! Делать то, что не могут другие! Назло всем! И на зависть...

Когда Настя появилась, понял: вот он, счастливый билет!

Морок, морок любовный... Они вместе с ней в этом мороке, как мухи в варенье, завязли. Сладко, медленно, бесконечно долго. Исчезло чувство игры и опасности. Только быть вдвоем, только бы вместе!

Приехали сюда. Добрались. Снега по пояс. Удивительно — место оказалось таким, каким он его себе и представлял. Никакого обмана. Что хотел, то и получил...

Пять домов. Два — нежилые, брошенные. Настин дом — крайний. Поле и лес. У этого хутора даже названия нет, он к деревне, что в четырех километрах, приписан. Вот там магазин и почта, и даже автобус раз в день до Брянска ходит.

Протоптали тропинку в снегу до дверей. Дом выстужен, проморожен. Печь посередине комнаты холодом дышит. Окна в ледяных узорах, и рамы в снежной опушке. Настя засуетилась — дрова, печь разжигать. А он застыл посреди комнаты истуканом. Раздеться сам не может. Ничего не может.

Глянул вечером на ее руки — красные, пальцы не сжимаются. Ее жалко, а себя еще больше. Это ведь он ей ночами расписывал, как заживут они вдвоем долго и счастливо и никто им больше не будет нужен.

В Москве все было проще: снег грести не надо, вода из крана течет, батареи сами греют и магазин под боком. Здесь — все на Насте. Он — обуза.

Настя — она не толстая, она — большая. Большая и сильная. Сноровистая. Все

у нее получается, ни на что не жалуется. Кур забрала, которых соседке оставила, когда в Москву уезжала, собаку. Вон, лежит, голову из будки высунула — следит. Получила сапогом? И еще получишь! Тоже мне, рычать она вздумала!

С деньгами надо что-то делать... Настя говорит: «До весны дотянем...» Вот она уже, весна! Конец апреля. Дальше-то как? Это ведь он должен решать, он — мужик. Что тут решишь? Ограбить? Метались такие мысли в голове, да Настя отговорила. Отрезала: «Честно жила и дальше как-нибудь проживу». Что ж... честно так честно... только все равно жизнь заставит.

После месяца сидения в этих снегах чуть с ума не сошел. Нечем заняться. Совсем нечем! Помочь Насте — не могу. А она еще и поросенка притащила. Крутится по хозяйству с утра до вечера, а я сиднем на лавке, у окошка замерзшего. Она добрая! Скотину, живность разную любит. Я для нее тоже что-то вроде... Накормить, прибрать... Кура — она яйцо снесет. Вот и я порой для чего-то нужен... Хозяйство...

Пропал любовный морок, замерз и рассыпался льдинками. Раньше-то, в Москве, слушала меня, раскрыв рот, а теперь покрикивать начала, командовать. Нет, не зло — шутя, с любовью. Но пропала удушающая близость, которая вбирала в себя, не давала вздохнуть, подумать, осознать реальность... Растворилась в ее усталости, в его постоянных мыслях о собственном ничтожестве.

Так! Что это там? Шевельнулось или показалось? Нет. Кочка.

Вытянув шею, пристально вглядывался в темноту, стараясь уловить малейшее движение среди пучков сухой травы на краю поля, подступающего ко двору. Зима выдалась холодной и снежной, зайцы приходили к яблоневому саду, оставляя возле деревьев замысловатую паутину следов и россыпи мелких черных катышков. Потом хоть что-то сдвинулось! Он придумал крюк из проволоки, который крепился там, где локоть на руке. Рассказал, как надо сделать, и Настя помогла. Сначала ничего не получалось. Матерился, бесился от злости, от боли! Меняли длину и расположение крючьев на крыле, пробовали... Вооруженный этими крюками, он мог делать простейшую работу по дому. И появилась надежда, что сможет и грибы собирать, и рыбу ловить.

Грибы — это осень, это не скоро. А вот речка, хоть и небольшая, — рядом. Вопрос — как пробить лунку во льду? Тут и возникла гениальная по своей простоте идея к старым сапогам прикрепить деревянную подошву, утыканную гвоздями. Не так все просто оказалось. Зато теперь он мог не только пробить слабый весенний лед, но и охотиться на мелкую живность.

Целыми днями пропадал в лесу и на реке. Под ночь приносил то, что удавалось добыть за день, ужинал и проваливался в мертвое без сновидений небытие, чтобы на рассвете уйти снова.

Втянулся в это размеренное полуживотное существование. А тут эти бабушки...

Сидел на реке, возле лунки. Солнце уже высоко поднялось. Весной пахло. Давно пора было уйти в лес с открытого места, от греха подальше, но таскал рыбную мелочь одну за одной, увлекся. Откуда они здесь взялись — вдали от деревни? Как подошли, не услышал. Обернулся, только когда снег заскрипел под ногами. Две бабули. Платками теплыми по глаза замотаны, полушубки, валенки. Дружно за веревку, что к санкам привязана, держатся. На санках — ящик деревянный и пешня сверху привязана, чтобы лунки во льду бить. Рыбачки, блин!

Он так и остался сидеть — не взлетать же... Кондратий еще старых хватит.

Они стояли...

И одна, выпустив веревку, смешно всплеснула руками — мешали толстые рукава тулупа — и нежно, нараспев, жалостливо:

— Ах ты, батюшки! Чем же тебе помочь, мил-человек?

Прорвалась плотина мнимой силы, что выстраивал последний месяц. Увидел себя глазами этих старух: среди белых снегов, посреди реки, сидит возле лунки лохматый мужик, обряженный в старое тряпье. Голая грудь нараспашку, голые ноги в кирзовых сапогах, а вместо рук — два огромных черных крыла. Зима, снег, мороз, лес, река и белесое небо над головой. Некуда ему деваться! Это теперь его жизнь. Слезы покатались по заросшим щетиной щекам. Развернул крыло. Отшатнулись бабушки. Одна закрестилась.

— Ничего не надо. Проходите!

Поминутно оглядываясь, потопали дальше.

Он собрал снасть, рыбешек и ушел в заснеженный лес.

Словно свет в темной комнате включили. Да разве это жизнь? Горькое одиночество. Впору в петлю. И никакая Настя не поможет. Эх, зря я в Монголию с мужиками не рванул...

...Возле покосившегося забора что-то едва заметно сдвинулось с места. Кошка соседская? Неужели заяц? Я, идиот, на поле смотрю, а он уже здесь! Точно, заяц!

Темное пятно чуть сдвинулось и снова замерло. Залаяла собака. Сейчас? Неудобно. Забор мешает. На поле надо выгонять. А если упущу? Темно. Заяц не дал додумать. Почувствовав опасность, сорвался с места. Метнулся серым комом по полю, еще чуть-чуть — и растворится в темноте. Иван, не раздумывая, отпихнулся ногами от стенки сарая и, словно ныряя в воду, раскинув крылья, ринулся следом. Один взмах, другой — нужную высоту набирал медленно. Только не отводить от него глаз! Стоит отвести — упущу!

Заяц несся по прямой, стелился по пашне в беге. Сзади настигало что-то большое, страшное, смертельно опасное. Инстинкт самосохранения гнал зайца к лесу, в укрытие. Там можно замереть, сжаться, слиться с чащей.

Иван почти догнал, навис, приготовился ударить ногами — пригвоздить, вогнать серого в землю, но заяц сделал скидку — длинно прыгнул, в воздухе изменил направление прыжка и, приземлившись, понесся к лесу.

Все сначала. Упущу! Не успею! Уйдет!

Не успел заяц.

У самой опушки — до спасительных кустов десять метров — ему бы еще одну скидку сделать, и все — в лесу. Но кусты были так близко, так манили спасением, что заяц понесся напрямую. Иван рухнул на него, сразу пронзив живое пушистое тельце в нескольких местах, сломал хребет. Не удержался на ногах, неуклюже упал на бок.

Лежал, не спешил подниматься. Знал, что с зайцем покончено — подранка после такого удара не будет.

Тяжело поднялся на колени. Долго цеплял крюком убитого зайца, стараясь поглубже вогнать острое в кровавое отверстие, оставленное гвоздем.

Не чувствовал радости. Азарт схлынул. Стало обыденно пусто. Теперь домой.

Идти или лететь? Лететь с убитым зайцем на крюке — неудобно.

Сгорбившись, свесив крылья до земли, побрел в сторону мерцающих в темноте огоньков. Босые ноги месили осклизлую вспаханную землю, пахнущую свежими огурцами. С одного крюка длинно свисал заяц, с другого — грязные сапоги с подошвами, усеянными гвоздями.

Что ж... сегодня он может не отводить взгляд, когда Настя ему откроет.

10

- Сколько там, мля, до этого хутора?
- Километра четыре, сказали...
- Сказали... По карте — сколько?
- Так у вас же карта!
- Ни хрена сами не можете! Так что? Не проедем?
- Как? Через сто метров завязнем! Здесь только на тракторе...
- Ну и что предлагаешь?
- Отменить операцию. Глушь непролазная, а нас всего четверо! Уйдет он!
- Отставить, твою мать!
- А что вы злитесь, товарищ старший лейтенант, сами же спросили?
- Все! Отставить! Все из машины! Пешком пойдём.
- Как скажете...
- Не как скажу, а это приказ, раздолбай!
- Синцов — ноги в руки и в магазин. Две бутылки водки и... ну сам сообразишь. Говна не бери — среднюю! Ноги промочим... то-сё...
- Слушаюсь!
- Какой «слушаюсь»? Какой «слушаюсь», мудака! Ты боец, а не денщик! Что глаза вылупил? Пошел!

Синцов потрусил в магазин, стараясь ступать по молодой траве, минуя ямы в асфальте, заполненные водой. Трое двинулись вдоль вывороченной тракторной колеи в сторону леса.

Комья мокрой земли приторно пахли прелью и тиной. Трава — в росе, хотя солнце давно встало. Темная кромка леса никак не хотела приближаться. Что-то непрерывно жужжало. Вспархивали мелкие птицы.

Промокли по колено. На ногах пуд грязи. Лес не приближался. Хотелось повернуть назад, сесть в машину и выпить водки из пластикового стаканчика. А Синцов все не догонял, сука!

Через час, то ли они, следуя тракторной колее, вышли к дому, то ли дом вывернул к ним из-за лесного пригорка. Синцов догнал и, позвякивая стеклом, поплелся следом.

— Так... Полчаса отдыхаем и будем рассредоточиваться. — Лейтенант брезгливо щупал землю, выискивая место посуше.

Устроился, достал из забрызганного грязью дипломата фотоснимки дома и разложил на траве.

— Бекмалбулбеков! — Тьфу, твою мать, выговорил! — Вы с Афанасенко заляжете за домом — вот здесь. Я — войду, попробую уговорить этого выродка. Деваться ему некуда. Вход перекрою. Если он в окно — тут вы его... Только подберитесь поближе к дому, чтобы не взлетел. Да не ссыте, у него же рук нет! Что он может?

— Товарищ старший лейтенант, а говорят — они ногами так уделать могут — мало не покажется! И еще говорят — у них когти на ногах! Кишки наружу — одним махом!

— Отставить! Мудака ты Бекмалбулбеков! — Опять выговорил! Ничего себе!

— Зря вы так, товарищ старший лейтенант... Нам, когда на задание отправляли, сказали, что огневое прикрытие будет. На случай нападения. Без этого нельзя!

— Правильно! И у нас оно есть. Вот. — Лейтенант похлопал по пустой наплечной кобуре, что давно ремнем натерла подмышку.

Бекмалбулбеков поморщился:

— Товарищ старший лейтенант...

— Хорошо! — Лейтенант в запале приподнялся. — У нас АКМ имеется! Где он, кстати?

— Разрешите доложить? — Бекмалбулбеков демонстративно вытянулся в струнку. — В машине, в plombированном чехле!

Лейтенант со стоном опустился на землю и прикрыл глаза.

Повисла тишина.

— Мудаки! Какие все мудаки! — чуть слышно прошелестел лейтенант.

Бойцы невидимого фронта весело переглянулись.

— Синцов!

— Я!

— Уже лучше. Ноги в руки. Дорога знакома. Печать сломать! Автомат достать! Нессы, под мою ответственность. И сюда! Рюкзак оставь, налегке быстрее.

— Товарищ старший лейтенант...

— Мухой! Пошел!

— Как же я в штатском, без документов и с АКМ? А если остановит кто?

— Синцов! Ты мне дурака не включай! Кто тебя в этой глухомани остановит, да еще и с АКМ в руках? Все! Не раздражай, иди!

На опушке леса обнаружили две поваленные полусгнившие лесины. Расселись.

— Где его рюкзак? Что там? Доставайте. Перекусим. Нам часа два ждать.

Глядя на эту троицу со стороны, можно было предположить... Да кроме того, что это переодетые менты или солдаты, предположить было нечего! В серых испачканных по колено брюках, одинаковых кожаных куртках, в промокших насквозь полуботинках они нелепо смотрелись среди весеннего безудержного разгула природы.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите вопрос?

— Давай! Только сначала подумай — понравится ли он мне?

— Почему мы? Почему их милиция не ловит?

— Ты, Бекмалбеков, где служишь? Извини, я сокращу твою фамилию — не могу выговорить. — Лейтенант переложил стаканчик из одной руки в другую и назидательно поднял вверх указательный палец. — Ты во внутренних войсках служишь! Что это означает? Это значит, что ты должен оберегать внутренний мир и покой граждан! А эти твари нарушают внутренний мир и покой мирных граждан. Вот у тебя, Бекмалбеков, есть свой внутренний мир? — Мелко отхлебнул из стаканчика.

— Никак нет!

— Да не ори ты. Я так и думал. А вот у граждан есть, и мы его оберегаем! Все! Вопрос закрыт.

Солнце вышло из-за тучи и разлеглось на поляне. Тепло и сонно. Хотелось лечь, но земля была сырой и холодной. Оцепенело сидели, прикрыв глаза, старались дремать, но как только наваливалось блаженное забытье, головы резко клевали в грудь.

Чуть не пропустили Синцова. Так бы и попер с автоматом к дому. В мешковатом коричневом костюме и с автоматом на плече он напоминал усталого партизана, вышедшего из леса.

С возвращением Синцова лейтенант оживился.

— Бекмалбеков, давай-ка отойдем, поговорим.

Встали в стороне, среди елок.

— Я гляжу, ты парень более-менее соображающий... Вот скажи мне: кто в нашей команде самый тупой будет?

Бекмалбулбеков, покосившись на лейтенанта, едва заметно улыбнулся.

— Отставить смехуечки! Я серьезно!

— Синцов. Вы же сами знаете.

— Знаю, но проверяю! А Синцов с АКМ — что обезьяна с гранатой, так?

— Не знаю...

— Значит, так! Меняем диспозицию. Забирай автомат и устраивайся в засаде вот

здесь — на краю леса. Если мы того упустим — он к лесу рванет, не в поле же? Тут ты его и... Не стрелять! Что бы ни случилось, не стрелять!

— АКМ тогда зачем?

— Припугнешь! Крикнешь: «Стой, стрелять буду!» Ну... сам знаешь!

— А если он?..

— Никаких если! Не стрелять ни в коем случае! Пусть лучше уходит. Все понял?

— Да вроде...

— Ё-моё! Вот как с такими Родину защищать? Пошли!

Бекмалбулбеков сидел на корточках возле разлапистой ели на краю леса, сжимая автомат в руках. Видел, как лейтенант размашистой уверенной походкой пересек двор и постучал в дверь. Видел, что открыла женщина. Видел, как лейтенант отстранил ее и вошел в дом. Женщина так и осталась стоять в дверном проеме.

«Ну, сейчас начнется! — подумал Бекмалбулбеков и сдвинул предохранитель. — В воздух пальну!»

Тихо. Все замерло. Лишь едва покачивается лапа ели перед лицом, да лучи солнца высвечивают тончайшие паутинки, унизанные едва заметными капельками.

Из двери — мужчина в черном плаще, следом лейтенант. Женщина пытается подойти, наверное, обнять, попрощаться хочет? Лейтенант не дает — одной рукой отпихивает женщину, другую вытянутой держит.

«Это же поводок у него в руке!» — догадался. Лежал у лейтенанта в дипломате ошейник с поводком. Застежка на ошейнике — тьфу! — пластмассовая. Двумя пальчиками нажал, она и расстегнулась. Но нет у этих пальчиков! У них — крылья!

Лейтенант что-то закричал.

«Наших, наверное, зовут... Точно! Вон идут вдоль забора. Забор бы подправить не мешало — покосился весь».

Лейтенант с крылатым уже у калитки.

Замешкались. Лейтенант проволочную петлю со столба сбрасывает, чтобы открыть.

Вот и завертелось!

Лейтенант отлетел в сторону — врезал ему ногой в пах крылатый, — но поводок не выпустил! Этот крылья раскинул (не плащ это — крылья, огромные, черные), сверху повалился, заворочались оба на земле.

Афанасенко с Синцовым бегут вдоль забора. Синцов споткнулся, упал!

Крылатый на ноги вскочил — и в калитку! Побежал, крылья свои черные раскинул. Взлетел!

«Куда?! Не надо сюда! Пожалуйста!»

Бекмалбулбеков застыл, сжимая в руках автомат.

Крылатый набирал высоту.

«Может, не заметит? Пронесет?»

Тот вдруг на мгновение будто застыл в воздухе — и ринулся вниз, выставив вперед поджатые для удара ноги.

«Когти!» — стукнуло у Бекмалбулбекова в голову. И палец сам нажал на спусковой крючок. Крылатого словно чем-то тяжелым ударило в грудь. Развернуло в воздухе. Бросило на землю.

От дома со всех ног бежали бойцы невидимого фронта. Лейтенант — впереди.

— Бекбеков! Ты что? Совсем охренел? Я же приказал не стрелять! Запыхавшийся лейтенант остановился возле тела, распростертого на земле.

По тому, как лежал крылатый, сомнений не было — насмерть!

Бекмалбулбеков стоял и трясся. Круглое лицо потно блестело. Дуло автомата, все еще направленное на лежащего крылатого, ходило ходуном.

— Когти... — выдавил из себя.

— Какие, твою мать, когти? Посмотри сюда, мудила!

Крылатый лежал на боку. Одно крыло вывернуто и вытянуто в сторону, другим — прикрылся, словно одеяло на себя натянул, спать собираясь. И из-под этого крыла — из-под плотно пригнанных друг к другу тусклых черных перьев — запачканные землей неестественно белые босые ноги на радостно-зеленой траве.

11

— Как, Валера, дальше жить будем?

— А так и будем, Рома...

— Поговорим?

— Да надо бы... Сейчас. Дай я еще чаю глотну.

За спиной неслышно возникла Ольга и подлила из чайника в кружку с торчащей трубочкой.

Разговаривать совершенно не хотелось. Устал до тошноты от бесконечной дороги, от неустроенности. Добрались. Первая часть плана выполнена. Хотя все прошло не так гладко, как предполагал. Одного потеряли. Как? Почему? Отловили или просто сбежал?

Хотелось лечь и закрыть глаза. Все остальное — потом. Но Роман сидел напротив, тяжело обвисая плечами, буравил взглядом. И что-то нехорошее было в этом взгляде.

Странно все получилось... В который раз прокручивал в голове то, что произошло на дороге.

Шел второй день, как они уехали из Москвы. Уже немного успокоились, спало напряжение. Переночевали хорошо.

Выехали рано. Дорога пустая. Больших городов до вечера не предвидится.

Дорога, прорезая лесные массивы, выкатывалась на поля, мелькали редкие деревушки. Пахло весной, свежестью, солнцем, которое еще не грело, но самим своим появлением обещало: дождитесь, все впереди! Впереди — лето!

Сначала к ним в хвост пристроился серый опель — повис, не отставая и не приближаясь. Потом на обочине объявились дэпээсники и тоже пристроились следом. Словно ждали. Так и ехали около получаса, наверное...

Ольга в руль вцепилась, аж пальцы побелели. Валентин в окно заднее смотрит — комментирует. А я голову ломаю — что делать? От них не уйти. Ольга — тот еще драйвер... Как они на нас вышли? Когда будут останавливать? На посту? По тормозам — и враспынную, в лес? Надо что-то решать!

В головной машине тоже заметили, занервничали. Сергей — то по газам даст, так что Ольге догонять приходится, то притормозит — идиот! Такая дерганая езда только внимание привлекает. Вдруг они все же не по нашу душу? Хотя вряд ли... Нечего себя успокаивать.

Дэпээсники на обгон пошли. Дорога пустая, обгоняй — не хочу, а они вклинились между нами. Ну, думаю, началось!

Сергей, как увидел, — по газам, а потом резко на проселок свернул, даже поворотник не включил! Дэпээсники — следом.

Я Ольге шепчу:

— Спокойно! Поезжай прямо, никуда не сворачивай, не тормози.

Проскочили поворот.

Валя сзади кричит:

— Опель тоже на проселок свернул!

— А теперь, — говорю, — Оля, газу!

Километров десять гнали! При виде каждой машины всё внутри сжималось. Съехали в лес по разбитой колее — под деревья. Встали. Ольга голову на руль уронила — молчит, дышит тяжело. А Валька затараторил, слюной брызжет — не остановить. Видно, реакция у него такая — на нервы.

— Все! — говорю. — Тихо! Давай по порядку. Ведь не похоже, что это случайность? Согласен?

— Да. Иначе сразу бы остановили.

— Тогда почему их одних, почему нас не взяли?

Тут Ольга голос подала:

— А может, им только об одной машине было известно?

— Оль, ну как такое возможно? Уж если сдали, то всю группу.

— Да... Загадка. Оль, открой двери, выпусти нас, а то я что-то затек весь, да и это... надо. — Валентин заерзал на заднем сиденье. — Еще отъехать толком не успели, как вляпались! Что делать будем?

— Часа три выждем, а потом Оля съездит. Оль, ты найдешь тот поворот?

— Да, наверное...

Ольга вернулась быстро. Привезла Николаича, лежащего на заднем сиденье. Следом рулил Сергей.

После возбужденных приветствий начал рассказывать:

— Когда менты обогнали Ольгу и пристроились мне в хвост — я, честно говоря, запаниковал. Сижу, зажавшись, давлю на газ, а в голове мысли веером. Вот на хрена, думаю, я с ними связался? Славы захотелось? Скучно стало? И что теперь будет? Статья, срок? Так вроде их нет официально... Значит, ничего не нарушаю. Ага. С системой тягаться вздумал? Катком пройдет и в асфальт утрамбует! Вижу — справа съезд на лесную дорогу. Я руль и выкрутил. Илюха с Николаичем на заднем сиденье в дверь впечатались. Дорога та еще! Колдобина на рытвине! Менты следом свернули, но отстают — я-то давлю газ со всей дури, а они машину берегут.

Сергей шумно выдохнул. То ли переживал, то ли старался успокоиться.

— Тут — поворот. Я этим, сзади, кричу: «Я приторможу, вы прыгайте!» Илюха сразу вывалился, а Николаич дождался, когда я машину остановлю. Я ему дверцу открыл, он вышел. В лес пошел не спеша, словно ничего и не происходит. Как дальше — не видел, снова по газам дал. И ста метров не проехал, менты догнали. Рывкнули в матюгальник, велели остановиться. Пока подъезжали, из машины вышел. Стою. Жду. За ними следом еще одна машина — опель старый, стекла тонированные. Из нее вышли трое, в штатском, и сразу в лес — двое по одну сторону дороги, один — по другую. А менты за меня взялись... Знаешь, что странно? — обратился к Валере. — Не отпускало чувство нереальности, как во сне. Полная несуразица... Когда ко мне мент подошел, так он первым делом честь отдал и представился. Права попросил. Я аж оторопел от такой вежливости. «Куда, — говорит, — Сергей Константинович, так спешим?» Я отвечаю: «Да не спешу я вовсе!» — «А по какой надобности в наших краях оказались?» — «Мать, — говорю, — еду навестить. Она в деревне живет». — «Ну не в лесу же?» — на деревья вокруг показывает. Тут на меня злоба накатила — что за игры? Эти, вон, в штатском, по лесу бродят, перекликаются. Просто так, что ли? «По нужде, — говорю, — свернул. Приспичило». — «Уж очень далеко от дороги-то...» Стоит, морда жирная, улыбается! «Так и нужда, — говорю, — немаленькая». Смотрю — эти к машине вернулись. Мент ко мне сразу всякий интерес потерял, права в руки сунул и тоже к машине пошел. Долго разворачивались, буксовали. Уехали. Тут я, не при Ольге будет сказано, нужду-то все-таки справил. Вот и все.

Сергей устало улыбнулся.

— Так Илья-то где? — спросил Валентин.

— Кто ж его знает? Когда они уехали, я следом пошел — посмотреть, окончательно уберутся или на асфальте ждать будут. Менты уехали, а опель этот остался. Шофер сидел в машине, а где остальные — не видел. Думаю, снова лес прочесывали. Я решил не ждать — ушел обратно к машине. Там уже Николаич ждал. А вот от Илюхи — ни слуху ни духу.

— Да... Дела... Может, он в лесу до сих пор?

— Подожди, Валя, не гоношись, — осадил Валерий. — Если он в лесу — найдем. Темнеть начнет — Оля еще раз съездит. Да, Оля?

Ольга кивнула. Сидела на корточках с ложкой в руках возле кастрюльки с закипающим варевом на примусе.

— Я могу съездить, — сразу вызвался Сергей. Чувствовалось, что не отпустило еще пережитое приключение.

— Ты уже примелькался. Не дай бог снова на них наткнешься... Что же это все-таки было? Нас они пасли? Тогда почему не взяли? Или случайность?

— Случайность? — Сергей усмехнулся. — Когда эти в штатском по лесу шарахались, знаешь, что один крикнул? «Кыш, пернатые!» Весело так, громко! А ты говоришь — случайность.

— Да ты что? — изумился Валентин.

Примолкли. Было неуютно и тревожно.

Заговорил Николаич. Он был самым старшим из них. Неспешный, рассудительный, молчаливый. Крупная голова, острижен коротко — зальсины со лба почти не видны. Маленькие близко посаженные глаза, водянистые, в голубизну. Нос чуть приплюснут. Узко сжатые почти бесцветные губы. Что-то спокойное и крестьянско-терпеливое в выражении лица, в крепко сбитом теле.

Обманчивое впечатление, Валерий знал — проговорили как-то всю ночь.

Пожалуй, ему было хуже, чем остальным, — появление крыльев враз перечеркнуло всю жизнь.

Его жизнь — это руки! С детства все делал руками, сам. Если он что-то не мастерил, то — не жил. Квартиры, машины, дача, — все в идеальном порядке, все чинится, доделывается и переделывается. Не спеша, дотошно и монотонно. Не представлял себе, что такое отдых. Отдых — это просто смена работы.

И вся жизнь была подстроена под это. Правильная жизнь — по его разумению.

Жили вдвоем с женой, прекрасная трехкомнатная квартира. Дочка замужем, за границей, жаль, что видятся редко и внуков нет. Еще две квартиры под сдачу, два гаража, две машины — старенькие, но на ходу. Дача в Тверской области. Жена работает. Ему — пятьдесят шесть, квартиры кормят, работать на дядю не надо. Раньше-то мастером был на заводе. А что надо? Просто жить в свое удовольствие. Но чтобы жить, нужно заниматься делом. А что-то делать Николаич мог только руками.

Образ жизни пожилого человека. Проснуться. Правильно и вкусно позавтракать. Проводить жену на работу. Обязательная ежедневная уборка по дому. Двухчасовая прогулка. Оставшееся время — походы в «Ашан» за продуктами, работа в гараже, строительство на даче, мелкий ремонт в трех квартирах. Собрать ужин с подогретыми на свечах тарелками, ранний сон. Словно готовил себя к старости, примерял ее на себя. Правильная жизнь без отклонений и эксцессов. И тут на тебе — крылья!

Сидел Николаич, привалившись спиной к колесу, смотрел перед собой в землю.

Валерий напряженно ждал — что скажет?

Это ведь Николаич придумал все хитрые приспособления, что лежали в деревянном ящике в багажнике машины, разработал чертежи, которые с его слов сделала Ольга. Он свел с людьми, выточившими детали. Теперь у них были разного вида крюки и ложки, крепившиеся к крыльям. Были стальные с острыми шипами подошвы на обрезанных сапогах. Он придумал легкие металлические трубки, оканчивающиеся длинными тонкими лезвиями, которые крепились на концах крыльев, — оружие!

Это он первым обмолвился в разговоре той ночью, что не только крылья появились, но и сами они стали физически меняться. Исчез геморрой, который донимал его последние годы, наладилось давление — бросил пить таблетки, пропал живот. Да даже обвислая кожа на заднице подтянулась! И эрекция каждое утро... чего давно не случалось. Валерий и сам ощущал нечто подобное, просто не формулировал

для себя. Они стремительно оздоравлились. Пяток, а может, и все десять лет уже скинули.

Николаич промолчал, когда решался вопрос с транспортом, хотя в гараже у него стояли две машины. Что-то варилось в его крупной голове, был какой-то план на будущее.

Валерий помнил об этом и понимал: если что-то пойдет не так, вот он — новый лидер, который его заменит. Этот сможет и с Романом договориться, и остальную команду к рукам прибрать. С ним — держи ухо востро. Медленно, но верно подомнет под себя, сломает!

— По-моему, все просто... — Николаич заговорил размеренно, ни на кого не глядя, словно сам с собой рассуждал, а они ни при чем.

— Это же совдеповская система. Разные регионы — разные ведомства. У каждого ведомства — своя отчетность.

— И что? — поторопил Валентин.

Николаич не среагировал.

— Отчетность — бумажка... Знали они про нашу группу — это как пить дать! И знали, что уехать собрались. Откуда узнали — другой вопрос. Два варианта у них было: брать нас и рапортовать — задание, мол, выполнено, или отпустить с миром. Если брать — это разработка операции, куча бумажек и согласований. Сорвется операция, упустят нас — так и звездочки с погон полететь могут. Риск! А вот если отпустить, — ничего они не теряют. Мы в их регионе больше не маячим, не надо пасти, разыскивать, следить. Опять же, в отчетности галочка! поголовье крылатых уменьшилось, экономия средств и прочее...

— Если решили отпустить, то зачем тогда нас останавливать? Нет, что-то здесь не так! — не унимался Валентин.

— Валя! Пойми! Они просто проверяли. Мы же не знаем, что им известно? Может, боялись, что мы забьемся в какую-нибудь заброшенную деревню на границе Московской области.

— Как-то не верится, что все так просто. Валерий Палыч, а вы что думаете?

— Да, похоже, Николаич прав. Посмотрим, как дальше пойдет. А пока будем считать, что пронесло... Ну что? Здесь на ночь остановимся?

— Нет. Давайте поглубже в лес заедем. Уж больно от дороги близко. — Николаич оторвался от колеса, выпрямился. — И еще... Ты извини, Валера, я у всех спрошу... Только выехали. Второй день. И уже такая катавасия. Илью вон потеряли. Найдем, конечно, но дальше хуже будет, я подозреваю. Так что? Все готовы? Едем — или кто-то вернуться хочет? Еще не поздно...

12

Да когда же они меня найдут? И кто первым? Наши или те? Во попал! Сижу в лесу и спрячусь ото всех. А что дальше? И так плохо, и эдак... Господи, ну почему со мной это приключилось? Ведь никому не мешал, жил себе тихо, спокойно.

Может, на дорогу выйти? А где она, эта дорога? Вроде, в той стороне. Нет, лучше еще подожду. Пускай сами...

Сидел на корточках, крылья раскинул — опирался. Под ногами полусгнившая сырая листва грязно-коричневым ковром. Сейчас он походил на большую больную птицу, забившуюся умирать в чашу. Замереть и ждать, когда закончатся мучения и наступит долгожданное небытие.

Нет. Смерти он не хотел. Хотел, чтобы все закончилось! Что такое «все» — сформулировать не мог, да и не нужно было.

Пусть все скорее закончится, это не может продолжаться бесконечно — с детства научился так успокаивать себя — и когда во дворе били, и когда к зубному...

Уже к концу школы начал понимать, что отличается от сверстников. Быстро смирился со своей слабостью, природной трусостью. Да, не такой, как они. И не надо! Не хочу пить из горлышка на лестнице в темном подъезде, не хочу — да, боюсь! — шляться поздним вечером по улице в поисках приключений. Драки с отморозками, бесконечные разговоры про девчонок... Не то чтобы противно... просто надо тоже врать, длинно сплевывать на асфальт и смаковать подробности того, о чем знаешь понаслышке. Может, у кого что и было, но ему-то — врать! С девчонками не клеилось. И со спортом не вышло. Легкая атлетика — бесконечный бег до изнеможения. Вот музыка!

Не хотел ходить в музыкалку. Среди дворовых считалось зазорным. Потом втянулся. В девятом классе даже зауважали, когда во дворе начал заунывно тянуть блатняк, подыгрывая на гитаре. В Мытищах, где он жил, это признавали.

А потом кто — в армию, кто — в институт. Его в армию не взяли, а в институт не поступил. Как-то незаметно прибил к местному дворцу культуры. То возникающие, то разваливающиеся ансамбли, в которых он был вечным клавишником. Невысокий, худой, кучерявые льняные волосы, черные брюки в стрелку, остроносые блестящие концертные туфли. Перстенок поблескивает на пальце. Что-то сочинял сам. Аккомпанировал местным певчим дивам, записывал совместные альбомчики. С женьбой — не заладилось. Была одна... Да что о ней говорить? Быльем поросло.

Так и текло его время. В прошлом году перевалило за сорок. Жизнь запечатлелась вспышками фотоаппарата — все та же маленькая сцена, яркий свет, он выходит вперед и раскланивается. Жидкие хлопки.

А между этими вспышками — одинокий путь домой темными дворами с куцым букетом в руках. Разговор с самим собой — что все здорово сегодня прошло, зал был полон, публика принимала (какая там публика... зал на тридцать человек и все те же трясущиеся пенсионерки, которых видит раз от разу), вот — цветы... Спешил. Мытищи — город, состоящий из окраин. Не изжились детские страхи: сейчас выйдут из подворотни, унижат, разрушат радость. Торопился к дому, к теплу. Там — мама. Старая, пахнущая прелью, но родная, с которой, единственной, можно жить и ничего не опасаться.

Крылья... Гром среди ясного неба, снег на голову: валялся на кровати, мама копошилась на кухне... — вдруг — раз! Словно вывернуло всего наизнанку — и уже в перьях! Откуда? Почему?

Мама прибежала — разохалась! Заплакала, запричитала. Вызвали неотложку. Врач посмотрел — и куда-то позвонил. Вот тогда и появились серые в штатском. Единственное, что порадовало: не один он такой.

Долго везли на машине. За город. Приземистое длинное двухэтажное здание. Старое, серое. На самом краю крыши — корявая березка, тоненькая, изогнулась вся, проросла. Бетонный забор. Ворота с замком на цепи и будка с охранником. Осень. Дождь поливает, глянцевые лужи на искореженном асфальте. Запустение и уныние. Только березы не сдаются — яркие свечки в предвечернем сумраке. Но и они, кажется, держатся из последних сил.

На первом этаже — кабинеты врачей с разной аппаратурой и два кабинета дознавателей, как они сами себя называли. Душу выматывали, заставляли вспоминать все подробности случившегося. Ну не помнил он никакого мужика в сандалиях, и уж точно не разговаривал с ним. Разве что вот накануне самодеятельный ансамбль исполнял песню, в которой были слова про взмах крыльев, про синеву неба, про желание оторваться от земли. Слова написала местная поэтесса, а он сочинил музыку. Но ведь сам не пел, не просил... Всё записывали. Пухлые папки, тесемочки не завязываются.

Наших, человек двадцать, собрали на втором этаже. У каждого — своя комната с решетками на окнах. Койка с солдатским одеялом, стол и стул. Зеленые стены,

белый потолок. Выходить в коридор вроде как не запрещается, но охранник, что сидит в торце на стуле, зло покрикивает — нечего, мол, шляться! Тюрьма с медицинским уклоном. Датчики повешают и лежишь полдня на кушетке в кабинете. Четверым повезло. Они держались особняком. Через день их увозили на машине летать на какой-то заброшенный военный полигон. Те же датчики по всему телу, но хоть на свежем воздухе. К ноге — стальной тросик. Вот и лети от одной вешки до другой. Полтора месяца там пробыл — конца и края не видно. Тоска взяла — хоть в петлю.

Спасибо Леониду Сергеевичу!

Сразу почему-то поверил — поможет. И улыбка у него хорошая, и разговаривает не как с врагом народа. Раз поговорили, два... Я перед ним, как на духу, все выложил. Плакал (сейчас даже стыдно), истерику закатил: не могу здесь больше, не выдержу!.. Он долго вокруг да около ходил. Расспрашивал про маму: какие отношения, как здоровье? — про Лосиный остров: далеко ли от дома, хорошо ли я его знаю? Я сначала не понимал — зачем? Мама — нормально. Дом у нас на две семьи, старый, наполовину деревянный, рядом с железкой, перешел — и ты в лесу. А Лосинку я с детства знаю, с пацанами всю облазили. И болота, куда лоси зимой приходят, и бараки разрушенные, и узкоколейку старую. Сейчас завалы там после урагана — ни пройти ни проехать.

Тогда он и предложил:

— Давай-ка, Илья, мы тебя домой отпустим?

Я не поверил сначала. Знал уже, что нас — таких — отлавливают. И тюрем несколько. Привезли одного, рассказал, что держали где-то под Подольском, в бывшем военном городке. Человек пятьдесят в полной изоляции. Никаких исследований. Живи за решеткой, баланду кушай, на небо в клеточку смотри. Тюрьма! А тут — домой...

— Ну что? — говорит. — Мама будет за тобой ухаживать, я с ней поговорил — она согласна. Любит она тебя. Ждет. Мы помогать будем — продукты там... пенсию небольшую подбросим. Только из дома придется не выходить. К чему людей пугать? Не дай бог разговоры пойдут, слухи. Но ведь и дома занятие найти можно, согласен?

Я только головой замороженно киваю.

— А остальные? — спрашиваю. Вдруг шальная мысль промелькнула: может, всех отпускают?

— Какое тебе дело до остальных? — удивился искренне. — Ты сам по себе, а они... — не закончил, но и так понятно. — Ты в такую передрыгу попал, что о себе думать надо, а не о других.

— Понятно, — говорю.

— Ничего тебе пока не понятно! Да, отпускаем. И помощь вам с матерью предлагаем. Однако придется и тебе кое-что для нас сделать.

Меня как холодной водой окатило, молчу, жду — что еще скажет? Хотя для себя уже решил: что бы ни предложили — соглашусь. Здесь не останусь!

— Только давай договоримся: этот разговор — строго между нами. Никому! Вас, крылатых, все больше и больше становится. Прямо эпидемия какая-то. Вы, в принципе, безобидные. Но народ пугается, слухи ползут про бактериологическое оружие, про мутации. Бред! Паника нам ни к чему. Ты согласен?

Киваю. Все правильно говорит, отчего ж не согласиться...

— Но пока никто не понимает, в чем дело. Поэтому мы вас изолируем от общества. Москва — город большой...

Замолчал. Задумался.

Я не тороплю, жду. Носом хлюпаю. Простудился я.

— Лосиный остров — огромный лесной массив на территории Москвы. Легкие, как принято говорить. Так вот... выяснилось, что в последнее время крылатые облюбовали это место для встреч. Не очень-то там их отследишь. Есть информация, что они даже недавно какой-то съезд или слет провели. Нам среди них нужен свой человек. А ты, считай, в самой Лосинке живешь. Два шага — и там. Тебе и карты в руки.

Побродишь ночью, летаешь. Да это уже и объяснять не надо. Ты среди них должен стать своим. Будешь нас держать в курсе. Парень ты умный, надеюсь, фокусов никаких не выкинешь. И мама у тебя хорошая...

Я уже его и не слушал — комнату свою видел, пятно света от настольной лампы, экран компьютера, в углу — клавиши и стул рядом, без спинки, одно сиденье крутящееся, плед в красную клетку — зарыться, закопаться и уснуть — чтобы все пропало!..

А Леонид Сергеевич все бубнил:

— Смотри, как все хорошо сложилось! Ты сразу к врачу обратился и... к нам. Никто тебя не видел. Представим все так, будто только что произошло. Вот ты и выбрался в Лосинку, подальше от глаз, способности новые опробовать. Крылатые тебя сами найдут. Вышел поздно вечером из дома, зашел поглубже, полетал чуток — и жди. Ну, как тебе такая идея?

— Идея, — говорю, — хорошая. Одна загвоздочка есть. Я, Леонид Сергеевич, летать не умею, даже не пробовал. Меня же сразу сюда привезли.

— Так это нам даже на руку! Это подтверждает, что крылья у тебя только что появились.

И радуется так открыто, что мне и самому радостно — мы же вместе! И действительно все здорово складывается...

Машина гудит, кажется... Да, точно! Дорога в той стороне. Надо выбираться отсюда.

Шел между деревьев, выставив перед собой сложенные вместе крылья, раздвигал ветки. Перешагивал через трухлявые стволы, припорошенные полусгнившей листвой. Нет. Хочу домой! Укрыться от всех, перестать бояться, что узнают... И пусть мама на кухне. Чтобы как раньше... Вечером в лес, полетать, послушать, о чем говорят крылатые, посмеяться всем вместе — и обратно, домой.

А если это не наши, а Валерий Палыч разыскивает? Тогда что? С ними дальше ехать? Какая Монголия? Не хочу!

Машина гудела уже совсем рядом. Вот и шоссе.

Метрах в пятидесяти, на обочине — серый опель с тонированными стеклами. Один — в сером плаще — облокотился на крыло, курит. Другой — не спеша вышагивает по обочине, поддает носком ботинка камушки.

Наши! Ждали! Домой!

Вышел из-под деревьев. Тот, что курил, увидел, отлип от крыла, сигарету отбросил, рукой машет. Другой обернулся, навстречу пошел. Быстро. Почти бегом.

— Ну, ты даешь! Запарились ждать! Давай, шевели ногами. Пошли! — торопили, но не зло. Видно было — рады, что закончилась операция, спешили уехать.

Еле втиснулись на заднее сиденье — крылья девать некуда, всем мешают. Впереди — лобовое стекло и два бритых затылка по бокам — серой лентой полетела под колеса дорога.

— Сколько нам до дома ехать? Ведь домой меня отвезете? — спросил.

— Если в пробках не увязнем, то часов восемь. Через всю Москву или по кольцевой... Ближе к делу посмотрим, — не оборачиваясь, отозвался водила.

Он закрыл глаза.

Домой!

Клонило в сон. Наваливалась замшевая вязкая темнота. Не открывая глаз, тревожно выныривал из нее, когда машину подбрасывало на колдобине, и тут же окунался снова.

Темнота взорвалась, разлетелась рваными клочьями.

Степь расстилалась без края. Высокая ломкая трава, поседевшая от первого снега. Звонкая морозная чистота воздуха. Белые шапки гор едва видны на горизонте. Огромное нежно-голубое небо над застывшими размытыми облаками. Одиноким орел, распластав крылья, кружит в вышине. То, чего он никогда не увидит...

13

— Всех? — Пальцы, сжимающие телефон, побелели от напряжения. — Точно? Без косяков? Докладывайте подробности задержания.

Рухнул на стул для посетителей, привалился боком к заваленному папками столу.

— Давай их в «четвертую». Она поближе, а то на допросы не наездишься! Всех по отдельным камерам. И не приведи господь, что случится... Головой ответишь! Не уезжай, пока сам не проверишь. А то знаю я вас — сдал-принял... Это не тот случай, ты понял?

Тяжело поднялся, не отрывая телефон от уха, подошел к кулеру, нацедил воды в пластиковый стакан. Выпил в два больших глотка.

— Как там с Колышкиным? Я знаю, что дома. Охрана?

Стаканчик, не глядя, в мусорку. Промахнулся. Покатился по полу.

— Колышкину передать: неделю — ни шагу за порог! Ни под каким предлогом! Круглосуточную наружную охрану возле дома. Я знаю, что людей не хватает. Выполнять! Докладывать каждые два часа.

Телефон — в карман пиджака. Узел галстука — расслабить. Теперь к окну и успокоиться. Все нормально. Все прошло гладко. Облака без просвета, на ветке ворона раскачивается...

Шел по коридору, собранный и деловитый. Приветливо улыбался встречным. Не мешкая перед дверью — постучал, вошел, не дожидаясь приглашения.

— Товарищ полковник, разрешите... — осекся.

Длинная, как пенал, комната, стол, окно с распахнутыми шторами. За стеклом — серая муть, будто окно в бетонную стену глядит.

— Продолжайте, продолжайте, — раздалось из-за спины, от двери.

От неожиданности озноб прокатился от затылка до копчика. Дернулся обернуться: стоит как в засаде. Ведь не знал, что приду. Или знал?

— ...доложить?

— Докладывайте.

Полковник прошел к столу и только тогда поднял глаза. Взгляд был безразличным, пустым.

Думает, что так еще страшнее будет, сука. Вот на тебе, выкуси! Сегодня ко мне не придраться!

Чуть замешкался и тут же схлопотал:

— Леонид Сергеевич! С чем пожаловали? Ой, вижу — опять напортачили. Ну что мне с вами делать?

— Вадим Александрович! — решил с ходу включиться в нехитрую игру, тем более, что ситуация благоприятствовала. — Как можно? Все прошло по плану, никаких шероховатостей. Все пятеро задержаны и отправлены в «четверку». Задержание проведено согласно инструкции.

— Вот и хорошо, вот и молодцы, а то я уж подумал, что опять, как с Бабичевым...

Ну, гад! Не может забыть! Сколько он меня этим Бабичевым попрекать будет?

— Товарищ полковник... ну вы ведь знаете, какой у нас контингент. Не спецназ и даже не сыскари полицейские. Вы же меня сами на задержание не отпустили.

— И правильно сделал, что не отпустил! Не хватало еще нам самим по лесам шастать. Но напомню вам, Леонид Сергеевич: подбор кадров — ваша непосредственная обязанность... Ладно. Вернемся к этим новоявленным... — поморщился, — диссидентам. Хотя нет. Давайте отметим! Это — удача! Причем большая удача. Упусти мы их... думаю, для нас с вами все было бы кончено. Ведь что удумали... — Нагнулся — из-за стола и не видно, — достал бутылку коньяка, два пузатых стакана. Посетовал: — Жаль, лимончика нет. Ну да не впервой...

Расчистил место на столе, передвинул бумаги, развернул экран монитора, чтобы не мешал.

— Присаживайся, Леонид Сергеевич, в ногах правды нет, говорят... Только сначала дверку запри — ни к чему, чтобы нас с тобой, выпивающих, подчиненные видели.

Щедро плеснул по стаканам.

— Но за удачу мы с тобой пить не будем. Во-первых — не спугнуть бы, во-вторых — не заслужили. Вот именно, не заслужили! Случайность! Девятое мая через три дня... Если б не взяли? Только представь на минуту, что у них все получилось! Мавзолей. Правительство. Сам! Маршируют колонны, и тут — на тебе! Крылатые в воздухе! Клином идут над толпой, плакат свой мудацкий тащат!

Леонид Сергеевич хотел улыбнуться: ведь пронесло, успели, но, взглянув на полковника, осекся. Тот сидел, растекшись в кресле, белый в желтизну, на лбу — испарина. Как бы с сердцем не того...

— Что они, говоришь, на плакате намалевали?

— «Не хотим жить на птичьих правах!» Красное полотнище — три на полметра, буквы — белым, по бокам — деревянные рейки с проволочными петлями на концах.

— С петлями... — задумчиво повторил полковник. — Это они себе на шею петли приготовились накинуть. Нет, ты представь, перед мавзолеем — несутся эти, крыльями машут... двое — с развевающимся плакатом и трое — за ними в ряд! Звено истребителей, твою мать!

— Товарищ полковник, Вадим Александрович! Ну что вы себе душу рвете? Взяли их! И взяли благодаря вам! — зашепел, заторопился сказать. — Ведь это вы приказали вывести Колышкина из монгольской группы и вернуть по месту жительства. Вы! Вот оно, оперативное чутье! Колышкин сразу на них и вышел, когда они в Лосином острове с плакатом тренировались. Остальное — дело техники... — скромно потупился.

— Кстати, что слышно про группу Белова? Где они? Добрались?

— Бардак, товарищ полковник, на местах. Вели их, можно сказать, по всей стране, а в Барнауле упустили. До границы с Монголией, считай, двести верст осталось.

— Вот так и работаем... Ясно же, что кто-то должен был их встречать перед границей. Не с кондачка ж они ее пересекать собрались? Ох, идиоты! Ну, это теперь не наша забота. Так что, давай, мы выпьем за эффективность! Чтобы провалов не было! Тьфу, тьфу, тьфу! — постучал по столешнице, поднял стакан.

Опрокинул стакан, не смакуя, словно водку.

Леонид Сергеевич — следом, поспешно. Чуть затуманило голову, хотелось закрыть глаза, вытянуть ноги — ночь не спал с этим задержанием, не отходил от телефона...

Нельзя, нельзя расслабляться! Не время.

Уперся взглядом в пыльное чучело глухаря в углу над столом. Глухарь мутным стеклянным глазом смотрел на него.

Вот зачем он его повесил? Про орнитологию твердит — так это стеб, понятно. Для поддержания имиджа? Мол, птичками занимаемся? Нет, слишком просто, не его стиль.

Глухарь... Что делает глухарь? Токует. Показывает тетерке, какой он необыкновенный. Становится беззащитен, не слышит ничего вокруг, тут его и стреляют. Самовлюбленность, самонадеянность... Вот в чем дело! Это напоминание самому себе про участь глухаря. Не токуй, да и не застрелен будешь!

— Леонид Сергеевич, а что вы сидите? У вас что, дел нет?

Ну вот... Так и знал.

— Ожидаю ваших указаний, Вадим Александрович!

— Указаний? — насмешливо. И глядит с улыбкой. — Допросы, Леонид Сергеевич,

допросы и еще раз допросы! Семью-то, поди, в дом отдыха на все праздники отправил? И сам собрался?

И это ему уже известно...

— Даже и не мечтай! Сейчас самое важное выяснить, откуда они, так сказать, стартовать собирались? Квартирка — или что там... — возле самой Красной площади должна находиться. Ну, если это сочувствующий-одиночка, я ему устрою небо в алмазах! А вот если это группа сочувствующих... Боюсь, тогда придется докладывать наверх. И тут уж как карта ляжет. Могут похвалить за расторопность, а могут и погоны с плеч. Учти, у тебя у первого полетят!.. Ох, не надо бы нам группы...

— Товарищ полковник, может, Колышкина к ним «наседкой»?

— Капитан, вы глупеете на глазах! Колышкина не трогать и не светить. Все. Выполнять. Свободен.

14

Утром задул ветер и повалил снег. Все утонуло в снежной круговерти.

В двух шагах ничего не видно. Снежинки неслись параллельно земле, секли глаза, приходилось отворачиваться, закрывать... и сразу начинала кружиться голова, переставал ощущать себя в пространстве, превращался в крохотную черную точку, гонимую ветром в белесой мути.

«Буран, буран! — крутилось в голове у Валентина. — Это не метель, не пурга, это именно буран! Ямщик, лошади... Пушкин, по-моему, что-то подобное описывал, а может, я и путаю...»

Мелькнула шальная мысль — раскинуть крылья, отдаться на волю сбивающему с ног ветру, пусть сомнет, скомкает, швырнет в заполненное снегом пространство.

Громко стукнула о стену дома входная дверь.

Роман.

Не удержал — вырвало из рук порывом ветра.

Встал на крыльце, под козырьком, повернулся спиной к ветру. Шапка-ушанка, теплая камуфляжная куртка. Смотрел на облепленного снегом крылатого, навалившегося голой грудью на ветер.

— И что? Совсем не холодно?

— Совсем.

Черные крылья облеплены снегом, снег в волосах, на бровях, на жидкой клочковатой бороде. На груди — нет. Тает. Мокрая, струйки стекают.

Покачал головой.

— К обеду стихнет. Солнце будет.

Придерживая дверь, ушел обратно в дом.

Возле ветхой пристройки, что едва угадывалась за снежной мутью, возник хозяин — словно фотографию черно-белую проявили — тщедушный кривоногий алтаец с кастрюлей в руках.

«Кухня», — сообразил Валентин.

Загребая снег огромными валенками, не поднимая головы, обогнул по дуге стоящего на крыльце крылатого. Обил на ступеньках от снега валенки и зашел в дом.

«Мы одни здесь не выживем. Погибнем!» — Все, что в Москве представлялось увлекательным приключением, разбилось, рассыпалось мелкими осколками, смешалось с несущимся снегом и унеслось в никуда, подхваченное порывом ветра.

Их везли. Они молчали в сонном оцепенении. Разом схлынуло напряжение последних дней. Навалилась усталость. Накануне заботу о них приняли друзья Валерия Палыча, за них принимали решения, и это давало краткое чувство спокойствия — доехали, добрались!

На объездной дороге Барнаула их встречали микроавтобус и потрепанный внедорожник, на крыше которого громоздился брезентовый тюк с барахлом. Свернули следом, пробрались по каким-то кривым закоулкам к частному дому. Кряжистый бородатый водитель внедорожника отпер ворота. Вылетела мелкая черная собачка, зашлась лаем — не унять! Загнали во двор обе их машины. Перегрузили вещи, пересели в машины встречающих. Все делалось быстро и четко, почти без разговоров. Не было радостных приветствий, похлопывания по плечу, и это немного напрягало.

Накрапывал мелкий дождь. Асфальт матово блестел. Дворники размазывали влагу по стеклу.

— Чуйский тракт! — со скрытой гордостью пояснил водитель. — ЮНЕСКО отметило как одну из самых красивых дорог мира.

Завороженно прилипли к окнам. Выглянуло солнце. Картинка за окном приобрела изумительную резкость. Впереди, у самого горизонта, снежными пиками вставала горная гряда. Машины по серпантину карабкались на перевал. Внизу порогами в клочьях грязной пены, бурлила Катунь. Обрывистый склон был покрыт крупными ярко-фиолетовыми цветами — кланялись, трепетали на ветру, казалось, волны, накатывая одна на другую, устремляются вниз. А за рекой раскинулась степь — холмистый желто-зеленый простор, запятнанный тенью проплывающих в вышине облаков.

На заднем сиденье внедорожника, свернувшись калачиком, спала Ольга. Не до видов, не до красот — намаялась, устала смертельно. Роман вел машину, Валерий Палыч сидел рядом.

— Ты же говорил, что четверых везешь?

— Одного по дороге потеряли.

— Помер?

— Нет. Нас от Москвы ввели. То ли отловили, то ли сбежал.

— Понятно. А про себя что же не рассказал? Это ведь проблема, понимаешь?

— Ну... Не такая и проблема.

— Проблема, Валера, проблема! Это все с ног на голову ставит. Я-то рассчитывал, что ты сам своей командой заниматься будешь хотя бы первое время. Обеспечение, быт, работа. А получается, все на нас повесил. Уж извини за прямоту, такого уговора не было.

— Не нагнетай! Получилось как получилось... Мы же с тобой не договор заключаем! От тебя что требуется? Жилье на отшибе и продуктов на пару недель. Дальше — смотрим. Если станет понятно, что мероприятие невыгодное, — разбегаемся. Никто никому ничего не должен. Никаких претензий.

Роман молчал, смотрел на дорогу. Намоченные дождем камни блестели.

Валерий рассматривал руки Романа, лежащие на руле. Он знал, какая сила таится в них, как могут вцепиться в едва заметный выступ скалы, как могут, побелев, удерживать страховочную веревку — не расцепить, не разжать! Раньше был неплохим альпинистом-скалолазом. Сейчас в горы ходит уже как проводник-организатор. Но главное — мумие. А что? Жена, двое детей. Крутиться надо!..

— Ладно. — Роман нарушил молчание. — Они хоть какое-то понятие о горах имеют? Где искать? Как собирать? Представляют, какая это работа? Сам...

Валерий быстро обернулся, посмотрел на Ольгу — спит, не слышит.

Роман удивленно присвистнул.

— Так они не знают? Ну ты даешь! Это авантюра, Валера. Чистой воды авантюра. Ничего не получится.

— Да подожди ты! Я же сказал — две недели... Все организую и налажу. Получится.

— Хорошо. На это время я вас прикрою. Но только ты тоже учти — не все так просто. Я ведь не один в этом деле. За мной серьезные люди, и с меня тоже спросят, если что пойдет не так.

— Рома, я понял. Давай разгребать сложности по мере поступления. На сегодня нам существующих хватает... Куда везешь?

— В Курай. Там заночуем. Завтра по ущелью Актру подниму вас во второй альплагерь. Раньше середины июня групп не будет. Если только дикие, но это маловероятно. Я договорюсь, чтобы их местные в Курае отслеживали. Так что все, что ты просил, я сделал.

Снег прекратил идти так же неожиданно, как и начался. Ветер продолжал беситься и задувать порывами. Разъяснилось. Снег везде и на всем — белый, чистый. Не верилось, что за какие-то четыре-пять часов может выпасть столько снега. Тучи рваными комьями перекатывались по небу, в разрывах иногда мелькал клочок синего неба.

Возле забора из разномастного горбыля стояли Валентин и Николаич. Смотрели на белую пустыню, начинавшуюся сразу за забором и уходящую вдаль до черной полоски едва различимых отсюда деревьев, за которыми угрюмо вздымались горы.

— Что думаешь? — не отводя взгляда от заснеженного простора, спросил Николаич.

— Как-то я себе не так все представлял... — задумчиво произнес Валентин.

— Вот и я о том же. Почему в горы? Ведь вроде как к границе должны выбираться. Там степь.

— Ну... он же объяснил, что надо отдохнуть, еще раз продумать что и как... Здесь, видишь, у него друзья — помогут, если надо... Там мы одни будем, помощи ждать неоткуда. А до границы всего ничего — восемьдесят километров — я спросил у водителя.

Валентин оглянулся на шум. В ворота, натужно завывая мотором, медленно вползал «Урал». Распахнулась дверца, и на снег по-обезьяньи ловко спрыгнул низкорослый хозяин-алтаец.

Загрузили вещи в кузов. Крылатые стояли поодаль, помочь не могли, только ждать.

Водитель, Ольга и Роман — в кабине, остальные — в продуваемом ветром кузове, на вещах. «Урал» уютно проселочную дорогу, что вела от поселка в сторону гор, расплескивая колесами мокрый снег.

Ветер отогнал тучи к востоку — повисли черной полосой у горизонта. Солнце жарило, словно обогреватель включили. И ветер почти стих. Небо над головой — синее. Снег таял с неправдоподобной скоростью, исчезая прямо на глазах.

Через час от дороги осталось одно название — две глубокие колеи, доверху заполненные водой. «Урал» полз, проваливался, увязая по брюхо, надсадно ревел мотором. В кузове крылатых швыряло от борта к борту. Наконец выбрались из болотистого леса у подножья гор. «Урал» попер вверх по пологому склону, пробуксовывая на мокрых камнях, брызги из-под колес веером. Вылез на открытую плоскотину и встал. Смолк мотор — тишина! Только вода в ручье журчит, бормочет что-то невнятное.

— Ну вы там живы? — Роман, стоя на подножке, заглядывал в кузов. — Теперь дорога получше будет.

— Почему остановились? — спросил Валерий.

— Устал агрегат, вот-вот закипит. Спускайтесь, я борт сейчас откину.

— Ольга как?

— Все нормально с твоей Ольгой. Давай отойдем на пару слов.

Валерий тяжело спрыгнул на землю.

— Дальше вверх по ущелью поедем, там снег еще по колено, горы... а тут вроде как чисто... — Роман повернулся и показал рукой на степь, что разлеглась внизу, сразу за чахлым леском, который они только что проехали.

Замолчал.

— Ну? И? — поторопил его Валерий.

— Показал бы, как вы это умеете. Летать, я имею в виду. А то одни разговоры...

Валерий с усмешкой посмотрел на Романа.

— Хорошо. Сейчас покажем.

Вернулись к машине.

— Валя! — Валерий дружески подтолкнул его плечом. — Вот Рома сомневается, что летать умеем. Думает, наверное, что мы вроде кур, только по земле... Покажешь?

— Можно.

— Николаич, ты тоже, если хочешь... Разомнешься.

— Это он зря! — пробурчал Николаич.

А Валентину не терпелось — два быстрых шага, распах крыльев, оттолкнулся, взмах! Летит! Задохнулся от радости, от заполнившего легкие холодного воздуха, пронизанного солнцем. Выше, еще выше!

Стояли, задрав головы, смотрели.

Николаич отошел на пару шагов, распахнул крылья, чуть присел, оттолкнулся и с места, загребая концами крыльев по жухлой траве, казалось, с трудом оторвался от земли — тяжело, медленно. Не хотел показывать чужаку, на что они способны.

Валя выписывал в небе круги, поднимаясь все выше и выше. Ослепительно блестел снег в горах. Внизу расстилалась степь. Степь была живой, дышала, двигалась. И было небо! Вот оно — бездонно-синее, там, еще выше, за облаками, последней преградой, преодолев которую, можно раствориться, пропасть в этой пронзительной синеве.

Закладывая очередной круг, с удивлением понял, что не работает крыльями — парит, распластанный в воздухе. Воздушный поток подхватил и понес его. Перышко, пушинка, влекомая невидимой силой.

Ощущение счастья переполняло. Вот зачем он здесь! Летать! Летать свободно!

Разве это можно сравнить с ночными полетами в Лосинке? Пугаясь собственной тени, едва поднимаясь над кронами деревьев. Там это было похоже на воровство: выскочил, ухватил что-то чужое, запретное — и юркнул обратно, затаился — не поймали бы. Плыл в вышине — не мог, не хотел останавливаться, не хотел обратно на землю. Машина внизу — едва видна, люди — точки. И сам превращался в точку. Черную точку на синем небе.

15

Второй альплагерь — сколоченный из досок барак с большой чугунной печкой и двухэтажными нарами вдоль стен; крохотный сарайчик, сейчас заваленный снегом; дровяник, заполненный под завязку. Вокруг белым-бело от свежеевыпавшего снега. Тонкая корочка наста блестит, сверкает на солнце.

Разгрузились. Протоптали тропинки. Растопили печку. Вот уже и сумерки. Алтаец и Ольга крутились возле печки. В огромном казане варился суп-похлебка.

Ужинали раздельно. Те, кто с руками, остались в доме, возле печки, а крылатые ушли наружу. Расселись на приготовленных чурбаках, Ольга установила по центру казан с похлебкой и миску с крупно нарезанными кусками серого хлеба.

Чай из прокопченного на огне чайника пили уже вместе, тесно усевшись на лавках за длинным столом из грубо подогнанных досок.

Роман рассказал, как он видит их дальнейшее существование. После полета Валентина и Николаича что-то поменялось — раньше он общался только с Валерием, избегая напрямую говорить с остальными членами команды.

— Давайте не будем заглядывать далеко вперед. Будем двигаться пошагово. Отдохните. Освойтесь. Полетайте вдоволь в горах. Потом подумаем, как дальше...

В это время здесь обычно снега уже не бывает, а в Курае и подавно. Вам не повезло, попали в непогодь. Через пару дней снег сойдет, потеплеет. Мы с Аксымом, — он кивнул в сторону алтайца, — завтра уедем. Я — в Барнаул. Вернусь через неделю. Аксым отвезет меня в Курай и послезавтра к вечеру вернется. Будет с вами, если что — поможет. Валера, вы вместе с Олей подготовьте список того, что вам необходимо. Если Аксым не сможет достать на месте, привезу через неделю я.

Крылатые слушали молча, тянули чай через трубочки.

— Ну... Вроде все... — Роман поймал вопросительный взгляд Валеры. — Да! И еще... До монгольской границы отсюда порядка восьмидесяти километров. Не вздумайте туда соваться. Никаких разведок! Всполошите пограничников — только геморрой себе заработаете... Сейчас летайте только в горах, здесь никого нет.

Вопросов не возникло. Клонило в сон. Сидели за столом при тусклом желтом свете керосиновой лампы. Горбатые тени на стене.

Как же она изменилась! — Валентин разглядывал Ольгу, застывшую с закрытыми глазами. До такой степени вымоталась? Совсем не та, которую в первый раз увидел, уже не девчонка — усталая женщина. Серая кожа, круги под глазами, невымытые волосы — сосульками. Заездили девочку! Как она только выдерживает? Если бы у меня была дочь, потащил бы я ее за собой вот так же?

Роман поднялся из-за стола.

— Пойдем, Валера, воздухом подышим, поболтаем? А мужики пускай укладываются — день-то тяжелый был.

На улице было темно, воздух насыщен влагой. Не верилось, что еще утром ветер сшибал с ног и снег валил, не давая вдохнуть.

— Я же говорил, потеплеет! — не оборачиваясь произнес Роман.

Застывший в темноте «Урал» казался еще больше — черная груда железа на белом снегу. Роман распахнул дверцу.

— Залезай!

Захлопнул за ним дверцу, обошел машину и уселся на водительское место.

В кабине было просторно. Пахло холодным железом, маслом, бензином. Под ногами какие-то грязные тряпки.

Навалившись на колени Валерия, покопался в бардачке. Выудил два стакана. Даже в темноте на стекле были видны разводы. Чертыхнулся. Вылез, промыл снегом.

— Ну, за встречу!

Из-за пазухи — бутылка водки, из кармана — пластиковая трубочка для сока. Разлил, поставил стакан перед Валерой на панель, умакнул трубочку.

— Как тебе первое впечатление от места? Подойдет?

— Да вроде все хорошо. Через пару дней будет ясно, — уклончиво ответил Валерий.

— Вот и я о том же. Сейчас о делах говорить не будем. Обживитесь, полетайте. С командой разберись. Валера, они должны знать, зачем ты их сюда привез. Втемную работать не получится. Я тебе карту оставляю — там крестиками помечены места, где мы в прошлом году замазку брали. Покажи им, какая она из себя. В общем, это уже твое дело!

— Да. Не волнуйся.

— А я и не волнуюсь. Вот когда работать начнем... Ладно, давай-ка мы за жизнь потолкуем. Как же это с тобой приключилось?

Разлил еще. Сидели молча, смотрели через забрызганное каплями лобовое стекло на темноту, на снег, на тропинку, что вела к бараку.

Валерий потянулся к трубочке, на одном дыхании выцедил.

— Рома! Об этом сложно говорить. Небывальщина. Сам бы ни в жизнь...

Роман ждал, не торопил.

— Похоже, объявился какой-то человек... невзрачный такой человек, хлюпик

интеллигентского вида, с залысинами и в смешных сандалиях, который по каким-то одному ему известным критериям отбирает людей и делает их крылатыми. Нас таких пока немного. По стране, я думаю, всего человек сто наберется.

— Как это происходит? С тобой конкретно — как?

— В забегаловке. Мы с ним за одним столиком оказались. Я еще подумал: смахивает на городского сумасшедшего. Ну, знаешь, есть такие чудики. Совершенно бессвязный, ничего не значащий разговор. А через два часа — крылья!

— Слушай, ты извини, что я лезу... а как они вырастают? Медленно? Что чувствуешь?

— Враз! Удар изнутри — и ты в перьях! Плесни еще.

Роман разлил водку по стаканам.

— А что другие говорят?

— У всех ситуация схожая. Валя, вон, бомжа в парке повстречал. Неухоженный, грязный, и тоже в сандалиях на босу ногу. До дома не успел дойти — пером оброс!

Валерий быстро пьянел. Бесконечная дорога, нервы, усталость. Захотелось выговориться, снять с себя тяжесть непонятого, переложить на чужие плечи. Вдруг показалось: расскажет сейчас все Роману, и морок исчезнет. Не будет никаких крыльев, даже памяти о них не останется.

— Слушай, а он ничего вам не давал? Выпить? Таблетки?

— Ром! Забудь! Все намного непонятней и серьезней. Ты только представь: какой-то бомжеватый мужикашка — и крылья мгновенно! Крылья — не что-нибудь!

— Мистика какая-то! Божий промысел...

— Во! И я, сколько ни думал, а другого объяснения найти не могу.

— Бред! Бомж какой-то... Крылья... Главное — зачем?

— А ты думаешь, он в белых одеждах должен объявиться? И нимб над головой? Чтобы уж всем ясно было.

— Ничего я не думаю. Просто как-то в голове не укладывается.

— А по-моему, все прозрачно. Не важно, кто он такой. Посланник или... Сам. Важно, что он мир перекраивает. О чем это говорит?

— Откуда я знаю?

— А ты задумайся. Не подошли ему людишки. Сколько он ни бился, стараясь исправить породу, — не выходит. Заповеди не помогают. Не хочет народ учиться. Вот он и осерчал. Решил кардинально что-то поменять.

— Кардинально — это когда всех замесить и новое вылепить.

— Да. Наверное, неправильно выразился. Переделать. Да! Скорее, переделать... по-новому. Слушай, а закусить у нас нечем? Уж больно противно водку без закуси...

— Сейчас принесу, подожди.

Роман тяжело спрыгнул с подножки на снег.

Из приоткрытой дверцы тянуло влажной свежестью. Тихо до звона в ушах.

— Во! Ольга дала. Пойдет? — Роман принес яблоко.

— Не спит еще?

— Легла. Кстати, мужики к ней как-то очень уж трепетно относятся.

— Думают, что она моя дочь.

— Еще одна проблема вырисовалась, — задумчиво протянул Роман. — Зачем тебе это?

— Само собой получилось. Не объяснять же каждому. Пускай думают, что хотят. Пока так даже лучше — все вроде как в равных условиях...

— Ох и наворотил ты, Валера!

Роман достал складной нож, с хрустом разрезал яблоко. Протер рукавом куртки приборную панель. Положил две дольки перед Валерием, долил в стаканы водку. С болезненным интересом смотрел, как тот старается подцепить яблоко острием

крюка, прикрепленного к крылу. Валера ерзал на сиденье, приспособляясь. Кабина в «Урале» просторная — получилось, подцепил.

Выпили, посидели, помолчали.

— Ну, хорошо, — нарушил молчание Роман. — Ты, я так понимаю, в этом состоянии уже больше года? И что обо всем этом думаешь?

— Думаю, Рома, думаю... Я все время об этом думаю.

— Ну так донеси?

— Не складывается картинка... Вся эта дарвиновская мутотень... Что есть человек? Отчего он такой получился? Ну, допустим, обезьяна: рука — палка — сбитый банан — сознание включилось. Руки и сознание сформировали ту особь, которую мы называем человеком. И эта особь своими ручонками и горячным сознанием наворотила такого!.. От колеса до атомной бомбы. А теперь давай поразмыслим: куда ведет развитие так называемого прогресса? Ведь только для удовлетворения самых простых потребностей — жрать, иметь крышу над головой, размножаться. Все! Это основа! Все остальное — фантик, в который эта основа обернута. И все силы человечества брошены на то, чтобы этот фантик был наиболее красивым и удобным. Как это у нас получается — сам видишь: тут и войны, и загубленная экология, и слеза ребенка. А если все же отбросить эти дилетантские рассуждения по Дарвину, если все же — Божий промысел? Ну не нравится Ему, недоволен Он таким развитием сюжета? Вышла ситуация из-под контроля. Образовалась структура, которая самоорганизуется. Что Ему делать?

Выдохнул. Потянулся к трубочке в стакане.

Роман ждал. Понимал — перебивать нельзя. Пусть выговорится.

— Предположим, существует два сценария развития событий — жесткий и мягкий. Жесткий — уничтожить к чертям людишек! При этом даже напрягаться не надо — сами себя в скором времени изничтожат, вместе с планетой. Мягкий — пустить развитие цивилизации (хотя я не уверен, что это слово здесь уместно) по другому пути! Если наши примитивные догадки о Его сущности верны, то Он в первую очередь Создатель. Он будет исправлять, а не рушить... Когда все пошло наперекосяк? Когда обезьяна в руку (лапу) палку взяла! Убрать возможность производить что-либо руками, изменить сознание — попытка запустить ход эволюции в другое русло. Нам сложно это даже представить, мы ограничены временными рамками нашего понимания жизни, но для Него временных границ не существует.

— Ты хочешь сказать, что это происходит с вами прямо сейчас?

— Да! Просто руки у нас уже убрали, а сознание пока не изменилось, осталось прежним! Поэтому мы и цепляемся за проводников, стараемся продолжать жить как люди. А ведь мы уже совсем другие! Время, время... на все требуется время.

Валера замолчал. Молчал и Роман. Наконец не выдержал.

— И что? Ты сам во все это веришь?

— Не знаю. Ничего я не знаю. Но учиться жить по-новому — надо!

— Для меня твоя теория звучит, конечно, дико. — Роман задумчиво грыз яблоко. — Вроде какая-то логика присутствует, а в голове не укладывается. Ты уж извини, я никак не могу принять сейчас божественное начало. Не получается отрешиться от сегодняшних реалий. Крутится: эксперимент, новое лекарство, секретное оружие, в конце концов.

— Думаешь, я сам до конца в это верю? Что-то другое здесь кроется... недоступное нашему пониманию.

— Ладно, что случилось — то случилось! — Роман разлил остатки водки. — Как и почему — дело десятое.

— Вся эта теория по швам трещит по одной простой причине... — чувствовалось, Валера завелся, не может остановиться. — Нас — единицы. Только мужчины. И мы конечны! В смысле — размножаться не можем. Тогда для чего все это?

— Как не можете? Откуда знаешь? — удивленно вскинулся Роман.

— Знаю! Я этим вопросом сразу заинтересовался, как только понял, что среди нас нет ни женщин, ни детей. Со многими говорил. Даже кое-какие анализы сдал, чтобы удостовериться. От меня ведь бабы раньше часто залетали. Мучение сплошное. А сейчас? С Ольгой полтора года живем, и она не предохраняется...

— Может, это только у тебя?

— Если бы... — Валера вздохнул. — И значит — что? Вернулись к тому, с чего и начали: почему и зачем?.. Баста. Пойдем спать. Пустой разговор. Дверцу мне открой.

16

Телефон в прихожей — старый, дисковый, с черной массивной трубкой — звонил громко и настойчиво. В крошечной темноте комнаты плавали ярко-зеленые цифры — 4:45. Не мобильный. Значит, по работе, что-то серьезное...

Жена пихнула локтем в бок — вставай уже, подойди к телефону. Руку — вверх. Нашарил, потянул за шнурок. Жена недовольно отвернулась, укрывая лицо от света.

Толстая какая...

Черт с ними, с тапочками! Босиком, подтягивая сползшие на заднице трусы, украшенные плывущими по волнам парусниками, в прихожую, к телефону.

— Слушаю! ...Слушаюсь! Сейчас буду.

Пока грохотал командный голос, рассматривал свое отражение в зеркале. Жидкие волосы взъерошены, лицо одутловатое, щетина вылезла. Морда красная, как с перепоею. А выпил-то всего дежурные сто пятьдесят, чтобы лучше спалось. Почему она у меня все время красная? Давление? Брюхо вон из-под майки выпирает. Тридцать шесть, а выгляжу на полтинник. Курить надо бросать!

Мотор старенькой «Нивы» чихал, не желая заводиться. Капли на лобовом стекле. Дома нависали темными глыбами. Свет от единственного фонаря падал на черный асфальт, матовое пятно купалось в луже. Откинулся на спинку сидения. Достал сигареты.

Что же могло случиться, если выдергивают среди ночи? Праздники прошли... Вроде нигде не засветился... Гребаная работа! Бросить все к чертовой матери, податься в какой-нибудь банк, в частную охрану, спокойнее будет...

Темный и мокрый Барнаул. Родной город — здесь родился, сюда и вернулся. Редкие машины навстречу. Обвисший триколор — не сняли еще флаги после праздников. Пустой город, словно вымерший. Нарушая, через двойную, в переулок и на парковку возле приземистого трехэтажного здания в глубине двора, прикрытого со стороны улицы чередой старых раскидистых деревьев.

Смотри-ка, весь наш этаж светится! Заглушил мотор. Не забыл похлопать по рулю, поблагодарить машину, что довезла — не встала. Давно можно было бы купить новую, хотелось дорогую, хорошую, но еще не время светиться.

Взбежал по освещенным ступеням широкой лестницы к массивной двустворчатой двери. Всегда казалось, что в этот момент за ним уже наблюдает множество невидимых глаз, а значит, следовало собраться, приготовиться, стать беспечным и уверенным в себе, показать им — невидимым — что за ним не числится ничего плохого, не текут в карман левые доходы от вьетнамцев, живущих в студенческом общежитии, от Резо и его игральным автоматов, от автомастерской на Власихе. Он — чист и прозрачен!

Кабинет был маленьким — шкаф, сейф, два стола, четыре стула и окно. Сейчас на столе, сдвинув бумаги и компьютер в сторону, восседал Макс.

Радостно разулыбался навстречу.

— Ну, Михаил Васильевич, готовь задницу! Сейчас прилетит!

Сидит, ногой покачивает. Весело ему. Враз настроение испортил!

В глубине души Макс у него завидовал. Тому, как легко тот шел по жизни, не

напрягаясь. Вроде в одном звании, почти одногодки... а все по-другому. Полгорода знакомых, остальные — друзья. Вечно вокруг выются какие-то молодые бабы, то ли бляди, то ли подруги. Из ресторанов не вылезает. Машина — бэха! Наплевать ему, что начальство подумает. И такое ощущение, что на службу, на звания тоже наплевать. А я ворочаюсь, как медведь в берлоге, будто на зиму устраиваюсь. Квартира, жена... Выслуга. Со ступеньки на ступеньку — медленно, тяжело. Вот какого... тогда женился? Какая на хрен любовь! Время подошло, надо, чтобы как у всех...

— Привет, — буркнул, вешая куртку на вешалку. — Рассказывай, что за сыр-бор?

— Ой, Миша! Из Москвы по твою душу начальнички приезжают. И, как ты понимаешь, не орден вручать. Орден пока не заслужил.

— Кончай издеваться. Говори по делу.

— Совещание через полчаса. Экстренный сбор. В Москве напортачили, а круги до нас дошли. — Макс легко оторвался от стола и уселся на стул. Заговорил серьезно:

— Крылатые. Помнишь, на прошлой неделе ты их должен был на подъезде к городу перехватить и вести дальше?

— Ну?

— А ты их упустил!

— Меня за это на ковер уже таскали. Попробуй уследи за двумя машинами в городе на раздолбанной «пятерке»!

Черт дернул тогда на Власиху рвануть. Побыковали бы и разошлись. Не те времена, не девяностые. Нет, поехал разруливать, бабки отрабатывать. А следить салаг оставил.

— Ты можешь связно рассказать? Москва-то при чем?

— Рассказываю. — Макс небрежно поигрывал шариковой ручкой. — Крылатые в Москве на Девятое мая решили акцию провернуть. Пролететь во время парада над Красной площадью.

— Ни хрена себе! — не сдержался Михаил.

— Во-во! Ну... люди на местах их притормозили, но оказалось, там целое действо заготовлено. Они летят, а в это время на площади их родственники с плакатами появляются. Плюс — прессе сообщили. Крылатых закрыли, а эти с плакатами все равно вышли. Их, конечно, сразу подгрести, но ситуация вышла из-под контроля, информация наверх ушла. Сам и рывкнул! Вот все и забегали. Кому охота погон лишиться?

— Откуда узнал? — не выдержал Михаил.

Макс многозначительно хмыкнул.

— Да ладно, колись. Я ж тебя не про информатора спрашиваю.

— Не обращаешь ты, Миша, внимания на женщин. А это неправильно. Женщинам внимание нужно, поддержка мужская требуется. На работе они с утра до вечера, бумажки перекалывают, на телефонные звонки отвечают, начальству помогают в его трудном деле. — Макс сел на любимого конька, не мог остановиться. — Ты к ней с вниманием, и она распахнется, одарит! Бывает, так одарит...

— Да подожди ты! А мы-то здесь с какого боку? Где Москва и где мы?

— А с такого, Миша, что когда вся эта катавасия закрутилась, выяснилось: идейным вдохновителем сего действия был — имярек Белов В.П. Сам он решил не светиться. Перед праздниками с группой крылатых слинял из Москвы. И путь, как выяснилось, они держали в Монголию. Всю дорогу их вели, а в Барнауле — упустили. И упустил их ты, Миша! Сочувствую... Но огребешь ты сейчас по полной.

В машине — жарко. Включил печку, как только сел, и забыл выключить. Не замечал. Потел. Капли пота на выпуклом упрямом лбу. Снова и снова проговаривал

то, что услышал. Выстраивал логическую цепочку, стараясь исключить эмоции. А в голове заполошно металось: «Уволить из органов к чертовой матери!» Так он сказал.

Спокойно. Думай, Миша, думай!

От дела пока не отстранили, хотя могли... Что имеем? Четко поставленную задачу: найти крылатых, их сопровождающих и задержать. На все про все — сутки. Завтра днем прибывает начальство из Москвы. Не справимся сами — подключатся эти... Вот тогда звездочки и посыпятся.

За что можно зацепиться? За машины. Объявлен план-перехват. Гаишники в городе и области поставлены на уши. Сейчас все кинутся трясти своих информаторов. Нет больше зацепок. Может, что и всплывет... но это вряд ли. Время требуется. Да, машины! Если они еще в городе — есть шанс обнаружить. Их — пятеро. В центре, в обычной квартире не укроешься — тесно и на виду. Значит, частный дом, где-то на окраине. Там и машины во двор загнать можно. Номера-то московские... Звонить салагам!

Наконец заметил, что не выключил печку. Распахнул дверцу машины, пуская внутрь холодный воздух. Дворники судорожным махом смели влагу с лобового стекла. Потянулся к мобильнику. Толстыми неуклюжими пальцами тыкал в кнопки...

17

Роман, развалившись на стуле, сидел за столом. Большая кружка крепко заваренного чая — вторая за это утро. Хотя какое утро? Двенадцать уже.

Тело ломило. Сказывалась вчерашняя ночная езда. Планировал вернуться еще два дня назад, но завис в Курае. Мотался по району — объезжали с Аксымом сборщиков, обсуждали места сбора, договаривались о ценах.

Вокно било солнце. Весна пришла. Настоящая, уверенная, радостная. Отпихнула зиму, заставила убраться. Та, конечно, поерепенилась напоследок — отряхиваясь, промела снегами по горам, по перевалам, по Кураю, промыла затяжным дождем Барнаул — и нехотя убралась восвосяи.

Делать ничего не хотелось. Надо бы переставить машину, ночью неудачно припарковался, да лень. Во двор не загонишь, там московские стоят, места нет. Все равно через час на стадион ехать...

Секция по скалолазанию. Никогда не думал, что будет с таким удовольствием возиться с детишками. Когда первый раз вывел группу школьников на скалу — вот тогда все и случилось: почувствовал, что нужен этим ребятишкам. Научить может не только по скале ползать, но и себя преодолевать. Они же открытые, всё на виду — и страх, и победа над страхом. Стоишь внизу, веревку держишь — страхуешь, смотришь, как цепляются. А ручки слабые, пальчики — тонкие... Потом пошло-поехало. Договорился насчет зала на стадионе. За свои деньги стенку построил. Вот и дело появилось. Любимое дело. Три дня в неделю — секция. Летом — сборы.

Жизнь спокойней стала. Размеренней, что ли... Дом свой есть — ни на какую отдельную квартиру не променяю. Жена на работе, при деле. Дочь замужем и живет недалеко, видимся часто. Внуку, Женьке, три года. Боевой парень!.. Не то что у Валеры... Да, попал мужик в передрагу! И как помочь? Перекручено все там... Девку зачем он в это дело втянул?.. Хотя его тоже понять можно. Одному — никак. Жалко их. Потерянные. Скрываются. А кому охота подопытным кроликом жить?

Летать, конечно, здорово! Но почему-то радости на их лицах нет. Словно калеки, всем миром брошенные. Фильм был старый — «Легенда о Тиле», там слепцы бредут друг за другом... Передний тоже ни хрена не видит, шарит перед собой палкой, но ведет куда-то. Вот только куда?

Звонок. С улицы... Кого черт принес? Вставать, двигаться — не хотелось.

Нашарил под столом старые обрезанные валенки, в которых ходил по дому. Морщась от боли в спине, надел. Поднялся, машинально подтягивая тренировочные штаны, раздутые в коленях. Снова звонят. Настырно, длинно.

— Да иду! Иду! — буркнул себе под нос, выходя на крыльцо.

Щурился. Солнце светило в глаза. Двор, перегороженный московскими машинами, казался грязным, неухоженным. Вдоль забетонированной дорожки, что вела к воротам, торчали какие-то палки и решетки, к которым Рая будет привязывать цветы летом.

— Кто? — спросил, подходя.

— Я это, Рома! Тетя Маша.

Соседка. Чего ее принесло?

Звякнул засовом. Потянул на себя.

Железная покрашенная голубой краской дверь, прорезанная в воротах, неожиданно рванулась навстречу, больно ударив по руке. Заставила отступить. Распахнулась.

В грудь уперся ствол автомата.

Черный бронжилет. Круглые, как у совы, глаза в прорезях черной маски.

— Что...

Отточенное, едва уловимое движение — удар прикладом в лоб.

Роман сидел за столом. Голова пульсировала болью. Напротив — красномордый. Перед ним на столе карта с помеченными местами сбора мумие и записная книжка.

Выгребли из бардачка машины, суки! Сам, дурак, оставил вчера...

На кровати, вальяжно привалившись спиной к стене, еще один — помоложе. Половичок — комом, возле двери. Натоптано, грязно. Холодно. Входная дверь нараспашку.

— Роман Юрьевич, — красномордый не глядел на него, рассматривал карту, — всего один вопрос. Времени доказывать вам, что все равно узнаем, у меня нет. Прошу поверить, это важно! Где они? Куда вы их отвезли?

Накрылась секция. Вляпался! Эх, Валера, Валера... А что Валера? Чем он-то виноват? Что крылья выросли? Рассказать — и пусть отстанут? Не расстреляют же их, в конце концов? А что? Эти могут... Ладно, Валерка... его, наверное, и не увижу больше, не надо будет в глаза смотреть. С детишками — как? Учить чему?

— Что молчите?

Зазвонил мобильный. Красномордый вышел в прихожую разговаривать. По дороге указал молодому на Романа — присмотри, мол. Тот подобрался, но с кровати не встал, только сел ровнее.

Вернулся. Заходил по комнате.

— Зря вы так, Роман Юрьевич. Мы тут переговорили кое с кем... Занимаетесь-то вы незаконным делом. За это и присесть можно. А при желании — присесть надолго. Я понятно объясняю? И, по всей видимости, они в Курае. Так? Где их там искать? Говорите!

Роман выпрямился, глянул в глаза красномордому. Решение принято. Дальше все просто — сцепить зубы и терпеть, как в горах, до вершины.

— А знаешь, что, мужик? Не пошел бы ты на ...!

Тот смотрел сверху вниз на Романа, презрительно улыбаясь.

— Полуниин! Забирай этого... Романа Юрьевича, едем в отдел.

18

Азарт передвижения исчез. Все понимали, что это лишь перевалочный пункт, нужно двигаться дальше, но затянуло. Крыша есть, еда есть, небо над головой — лети на все четыре стороны! Выдохнули. Даже Сергей, который раньше все поговаривал об отъезде, уже второй день спокойно отогревался на солнышке, читая книжку.

Валерий Палыч уходил рано утром, один, и возвращался под вечер. Объяснил, что хочет посмотреть старые места, где раньше ходил с альпинистами. Что ж... его дело. Валентин с Николаичем, летая, старались держаться вместе. Не то чтобы уж совсем... но в пределах видимости. Ольга спала и готовила, на улицу почти не выходила.

Вечером третьего дня, за чаем, Валерий Палыч все же заговорил о дальнейших планах.

— Значит так, мужики. Я тут с Романом переговорил. Не все так лучезарно, как в Москве представлялось. Он считает, что рано в Монголию перебираться. Без помощи нам не обойтись. Продукты, жилье, готовка... Крыши над головой нет. Попахивает непродуманной авантюрой. И я с ним согласен. Ольга одна хозяйство не вытянет. Сами видите, как она устала.

— И что тогда? — вскинул голову Валя.

Ольга заваривала чай, глаз от чайника не отрывала. Николаич смотрел в сторону, будто что увидел в темном углу. Сергей едва заметно улыбался, ему-то точно все их планы по барабану, он на днях в машину — и домой.

— Роман — добрая душа — предложил месяц здесь прокантоваться. Осмотреться, обжиться. Начать охотиться. Попробовать обходиться минимумом продуктов. Воссоздать условия, в которых мы там окажемся. Я считаю это разумным. Тем более, что спешить нам некуда. Что скажете?

— Темнишь ты что-то, Валера... — Николаич грудью навалился на стол. — Никакого резона ему с нами возиться нет. Даже по вашей большой дружбе. Мы — обуза. Значит, какая-то выгода должна быть. Так?

— А я и не говорю, что нам за красивые глаза предлагают остаться. Он помогает нам, а мы делаем для него кое-какую работу.

— Вот это уже серьезный разговор. Излагай, а то ходишь вокруг да около.

Валера выдохнул. Ни крика, ни истерик. Деловой подход — это хорошо.

— Они мумие собирают на продажу.

— А мы-то каким боком? — Валентин выбрался из-за стола, не мог усидеть на месте. — И что, в Монголию не перебираемся? Закрыли этот вопрос?

— погоди, Валя! Не кидай все в одну кучу. Пусть Валера расскажет.

— Еще раз повторяю: вопрос с Монголией мы не закрыли. Речь о том, чтобы месяц, может, два побыть здесь, адаптироваться. Роман помогает с продуктами и жильем, в случае необходимости разруливает конфликты с местными жителями. Мы, со своей стороны, помогаем ему со сбором мумие в горах. Есть такие места, куда им не подняться, а мы можем легко и быстро. Вот такая обоюдная выгода намечается.

— Мумие, говорят, денег стоит, — задумчиво произнес Николаич. — Что скажешь, Валера?

— Стоит. Давайте этот вопрос пока оставим открытым. Посмотрим пару дней, как пойдет, что получится, тогда и будем говорить с Романом. Отказаться всегда сможем. Через пару дней нам самим станет ясно.

— Как его собирать-то? — перебил Валя.

Все! Этот уже переключился. Таких бы человек пять, и забот бы не знал.

— Черные натеки, похожие на смолу или даже на гудрон. На стройках видел, наверное? В трещинах на камнях. Обычно в пещерках или гротах — там его вода не вымывает. Я пару мест нашел, завтра покажу.

— А как с камней отскрести?

— Это не проблема, придумаем. Ну что? Согласны?

Только бы Николаич не взбрыкнул! Этот черт себе на уме...

— Можно попробовать... — Валентин уже загорелся — появилось дело, не нужно будет тупо сидеть и ждать неизвестно чего.

— Подожди! — оборвал его Николаич. — Давай, Валера, так договоримся: пробуем, собираем твое мумие до следующего приезда Романа. Смотрим, как пойдет. Обговариваем условия. А после этого будем принимать решение.

— Давай так, я не против. Монголия никуда не денется. Граница в ста километрах. Ну что? Закрыли собрание? — Валерий встал из-за стола, оглядел собравшихся.

Никто не ответил. Лишь Сергей поспешно вскочил следом. Сейчас опять заведет свою бодягу, что ему надо ехать. И упреждая надоевшие вопросы:

— Оля, пойдем прогуляемся, поговорить нужно.

Набросила старый ватник, пропахший дымом и прелью, вышла в темноту.

Он — следом.

Шла не оборачиваясь.

Перестала за собой следить, совсем. Ничего уже не хотелось. Если он сейчас полезет, скажу: не могу, не хочу, устала.

Ощущение, что попала в засасывающую воронку, появилось давно и уже не отпускало. В Москве, когда пришла к нему жить, чувствовала себя защищенной. Потом крылья эти... Жалко его стало. Почувствовала, что нужна. Всю себя ему отдавала. Гордилась собой. А главное — вдвоем остались. Лучше его узнала. Не таким он и сильным оказался, хоть ни разу не пожаловался. А постель! Никто ведь и представить не может, как это — его крылья на твоей голой коже. Каждое перо, каждую пушинку чувствуешь, словно это у тебя крылья за спиной выросли — улетаешь!

Потом подготовка к поездке... планы, звонки, интернет-переписка, встречи. Завертелось, закрутилось. Ожил — цель появилась. Помогала изо всех сил. Ночами представляла, как заживут свободными в загадочных монгольских степях, не скрываясь, никого не боясь. Будет юрта — их юрта — с печкой, с коврами на полу, с диковинными бубнами, развешанными по стенам. И бесконечное небо над головой. Он улетаёт на охоту, а она ждет, когда вернется — уставший, загорелый, иссеченный степными ветрами. Они будут вдвоем, только они и небо! Откуда возьмутся юрта, печка, ковры, дрова и вода — она не думала, это было не важно, они просто должны были появиться, и все! А он все больше отстранялся, уходил в себя. Появились какие-то секретные переговоры, переписка, к которым он ее не подпускал и о которых ничего не рассказывал. Она смирилась. Раньше он сам настаивал: каждый должен иметь свою собственную жизнь. А получилось так, что он сумел сохранить свою собственную жизнь, а она — нет. Нужно за ним ухаживать.

Он принял это как должное. И с этим смирилась. Терпела из последних сил бесконечную дорогу, готовку, полуголых мужиков, которые перестали ее стесняться. Грязь, неустроенность, мат. Вечное вранье... Близость, которая уже не радовала, а только пугала: на стоянке, в кустах, по-быстрому — и обратно к костру. Глаза не поднимаешь — стыдно. Терпела. Там, впереди, продолжала маячить юрта в степи, спокойная жизнь вдвоем, солнце над головой и большие крылья, которыми он станет ее обнимать.

Все рухнуло. Не будет юрты. Будет все то же... грязь, мужики, вранье. И что бы он сейчас ни сказал — нет ему больше веры! Он поступит так, как считает нужным, как ему выгодно. Ничего она для него не значит. Перешагнет. Поняла.

— Оля, подожди! Куда ты разогналась?

Остановилась, повернулась. Бесформенный ватник. Платок повязан по самые брови. Что-то бабье проступило в лице. Губы упрямо сжаты. Ждет, что он скажет.

— Хочу спросить: что думаешь?

— По поводу?

— Ну, чтобы остаться здесь, поработать с Романом пару месяцев.

Ольга молча смотрела поверх его головы на черный скальный выступ, на узкий язык серого снега, который все никак не тает, на небо, усыпанное мелкими звездами.

— Я хочу уехать с Сергеем.

— Почему? Что случилось?

Не ответила.

Да... Это засада! Не ожидал... От этих еще можно было... но чтобы она... А может, и к лучшему? Пусть едет. Нет. Нужна. Нужен хотя бы один свой с руками. Черт! Больше внимания ей уделять надо! Поговорить, приласкать. Ладно, исправим.

— Оля! Оля! Устала? — шагнул, раскинул крылья, обнял, прижал к груди. Застыли. — Давай не будем с ходу ничего решать, давай завтра! Выспимся, солнышко взойдет, вот тогда... — шептал, нежно уговаривал, как маленькую, дышал теплом в затылок. — А сейчас пойдем спать. Пойдем, я тебя уложу!..

Фонарь, подвешенный под потолком, бросал на заставленный посудой стол пятно света, размытое по краям. Черными неподвижными глыбами тени сидящих — на стене.

— Ну что ж... — задумчиво произнес Николаич. — Вот все и прояснилось.

— Ты о чем? — живо откликнулся Валентин.

— О поездке... Я еще в Москве почувствовал, что дело нечисто.

Сейчас, в полутьме, Николаич казался стариком — резкие глубокие морщины, кустистые брови, черные впадины глазниц. Плечи ссутулил, крылья обвисли.

— Да что такого случилось-то? Ну, задержимся на пару месяцев! — Валентин заговорил напористо, сбивчиво, словно сам себя уговаривал. — Чем здесь плохо? Летаем! Людей — нет, ловцов — нет. Что еще надо?

— Что надо, говоришь? Вера нужна, Валя, вера. А здесь подстава. На вранье ничего не выстроишь. Команда-то рассыпалась, неужели не видишь?

— Какое вранье? Что рассыпалось? — Валентин вскочил, навалился на стол, задел фонарь, метнулись тени по стене.

— Кончай базарить! — жестко осадил Николаич. — Нечего тут крыльями размахивать!.. Блаженный ты человек, Валя, — заговорил уже спокойно. — Ничего не видишь, в своем мире живешь. Попробую объяснить. Чем Валера в Москве занимался?

— Разным... Не знаю. Что-то с мумие связанное.

— Ну? Соображай! Все у Валеры еще там просчитано было. Он не в Монголию, он сюда ехал. И мы ему нужны, чтобы мумие собирать! Он жизнь свою устраивать приехал! Даже бабу с собой притащил.

— Какую бабу? — вскинулся Валентин.

Безучастно сидевший до сих пор Сергей засмеялся.

— Ты что, действительно думаешь, что Ольга его дочь? Трахает он ее.

— И что теперь? — растерянно спросил Валентин.

— Сергей на днях в Москву укатит, а нам с тобой надо свою жизнь обустроить как-то... — отозвался Николаич. — Нет, я не против... можно и мумие пособирать... и жить здесь можно. Только, понимаешь, Валя, теперь мы каждый сам за себя будем.

— Подожди! А зачем он так сделал? — перебил его Валентин.

— Как же — лидер! Мы ему в рот смотрели. Он же видел: завлекла нас сказочка про свободную Монголию, на этом и сыграл. Скажи, что поедем мумие на Алтае собирать, могли бы и отказаться. А ему руки рабочие нужны! Тьфу ты! Не руки, крылья!

— А с Ольгой? Зачем скрывать-то?

— Если бы ты знал, что он со своей бабой ехать собрался, ты бы, наверное, и свою жену позвал? Да и я, может быть... Не рабочая команда, а семейный табор. Да и не добрались бы... Сейчас, Валя, не о том думать надо, что случилось, а о том, что дальше делать. Оставаться или упасть в ноги Сереже: отвези обратно! Останемся — пути назад не будет.

19

Видавший виды автобус с тонированными до черноты стеклами, натужно завывая мотором, вползал на перевал Чике-Таман. Слева — каменная стена, забранная крупноячеистой сеткой, предохраняющей от осыпающихся камней, справа — обрыв, внизу — бурлящие воды Катуня, впереди — пики снежников, освещенные слабыми лучами заходящего солнца. Дорога петляла — серпантин.

Михаил Васильевич сидел в голове салона, сразу за шофером. Медленная натужная езда усыпляла. Клевал носом, проваливаясь на секунды в благодатную дрему и тревожно вскидываясь, смотрел в окно на проплывающую мимо каменную стену.

Как только выяснилось, что крылатые в Курае, поступил приказ — брать! Неразбериха, суета. Счет пошел на часы — успеть до прибытия московской группы, справиться собственными силами, отрапортовать. И вот он трясется в автобусе с приданной группой ОМОНа — ребята серьезные, молчаливые. Командира звать Василий — парень лет тридцати, косая сажень в плечах, лицо в веснушках, челка короткая... Вася-Василек со «стечкиным» в руке. Сидит рядом с водилой, на дорогу смотрит. Остальные четверо — в салоне. В черной форме, молчаливые, зловещие. Автоматы на сидениях разложены, сумки брезентовые.

— Смотри, чего это он? — ткнул рукой в лобовое стекло командир.

Впереди красная «бэха» со включенной аварийкой притормаживает, не дает ехать.

Макс! Его номера.

— Тормози. Свои.

Встали. Макс заскочил к ним в автобус.

— Здорово, мужики! — заорал с подножки. — Что как черепахи ползете? Я думал, вы в Курае давно... Капитан Давыдов Максим Александрович, — представился. — Я теперь у вас за главного буду. Вот приказ, — протянул бумагу командиру омовцев. — Михаил Васильевич, ты тоже глянь... План пока все тот же. Едем в Курай и поспешаем! Давайте-ка рокировочку сделаем. Миша ко мне в машину, а к вам я специалиста подсажу. Думаю, знакомить не надо, он из ваших...

Высокий худой мужчина в камуфляже — кепочка с длинным козырьком на глаза надвинута, лица не разглядеть — не спеша поднялся по ступенькам в автобус.

— О! Зоркий Сокол объявился! И тебя подгрести? — услышал Михаил, прежде чем дверь с шипением закрылась.

Макс газанул так, что полетели камушки из-под колес. Машина плавно вписывалась в повороты.

— На перевале остановимся, подождем их.

Михаил промолчал. Навалилось безразличие — тебя главным назначили, вот ты и думай. А я посижу, подремлю пока...

— Ты на меня зуб не держи. Не моя инициатива. Я бы с радостью отказался. — Максим говорил серьезно, без обычных подначек. — Когда ты выяснил, что они в Курае, начальство как с цепи сорвалось. Забегали. Шушукуются по кабинетам. Мэр приехал...

— И все равно не понимаю, почему тебя вдруг главным? Я — машины нашел, про Курай узнал... На захват с группой послали.

Макс не отрываясь глядел на дорогу, высвеченную фарами.

— Принято решение крылатых зачистить. Сопротивление, попытка перехода границы... Причина — не наша забота. Пускай начальство голову ломает. На нас — техническая сторона дела.

— Да ты что? Они совсем охренели? — Михаил по-бабьи всплеснул руками. — Подожди! А этих... сопровождающих? Там же девчонка совсем молодая!

— Проводников не трогать. Их в управление. — Помолчав, добавил: — И наша задача, Миша, проверить все это до двенадцати завтрашнего дня. К приезду москвичей. Мужика видел, которого я привез? Снайпер. Вот теперь и думай, повезло тебе или нет? Я так с удовольствием бы на тебя это дело переложил.

Дальше ехали молча. Михаил сидел, закрыв глаза, думал о поганой работе, которой приходится заниматься, о крылатых, которых никогда и в глаза не видел, а сейчас их нужно... о долге и приказе, о подчинении, о том, что все-таки хорошо, что не он руководит операцией.

Поднялись на перевал. Склон горы сначала полого, а потом стремительно заваливался вниз. Весь усеян камнями. А присмотреться — сложенными из камней пирамидками, совсем маленькими и побольше. Древний алтайский обычай: миновал перевал — поблагодари богов... Одинокое голое деревце прилепилось к скале — ветви густо усеяны повязанными лоскутками материи, свисают тонкими прядями, большинство выцвело до белизны под солнцем.

Остановились, выключили фары. Темно, только весело светит зеленым приборная панель.

«Выйти, что ли, ноги размять? Может, тоже пирамидку сложить? Дело-то вон какое предстоит...»

Додумать не дал Максим:

— Спрашиваешь: почему я, а не ты? Могу попробовать объяснить. Мы с тобой оба — служаки. Приказ и ты исполнишь, и я. Разница в том, что ты при этом задумаешься, станешь прокручивать ситуацию. Нет в тебе бездумной готовности. А сейчас ситуация совсем склизкая. Со мной начальству легче. Я, когда пошел на эту собачью службу, сразу для себя решил: не задумываться. Я — токарный станок в большом цеху. Отрезало рабочему руку — значит не соблюдал правила безопасности. Есть претензии к станку? Нет! Главное, чтобы никаких мыслей в голове не возникало. Приказали — включился станок — сделал свою работу. Начальство это чувствует... Понял меня? Без обид?

— Нормально... — буркнул Михаил.

Внизу, по серпантину, разрывая темноту светом фар, полз на гору старенький автобус с вооруженными людьми, тоже готовыми выполнить свою работу.

20

Вызвездило, а все равно темно. Аксым слушал, как струя туго била в сорокалитровую алюминиевую флягу. Таких фляг — шесть. Сгрудились возле шланга, словно овцы на водопое, ждут своей очереди. Сейчас он наполнит их все, завернет кран, проверит, чтобы не подтекал, и пойдет за женой. Вместе будут по одной носить в дом.

Плеснула через верх вода. Чуть отступил в сторону. Сапоги мокро чавкнули в раскисшей глине.

Руки все не доходят убрать, да и водопровод в дом давно провести надо. Жenu жалко — спину рвет, фляги эти таскает. За скважину Роману спасибо. Своя. Во дворе пробурили прошлым летом. Как он там? Что-то нехорошее случилось, чувствую. С ним связано. О-хо-хо... Участковый вон на крыльце стоит, Копылович. В форму нарядился. С чего бы? Курит. Самого-то не видно, огонек время от времени. Вышел воды набрать, он сразу следом. Пасет, боится, как бы не сбежал. Куда тут сбежишь от четверых детей?

Копылович приперся, еще светло было. Нет, мужик он вроде неплохой, зря не придирается. Но не местный. Потому и веры ему пока нет. «Позвонили, — говорит. — По твою душу люди из города едут. То ли милиция, то ли военные. Велено проследить, чтобы ты никуда не отлучался. Головой, сказали, отвечаю. Хочешь — в дом пусти, а

нет, так на лавочке во дворе посижу. Я — человек подневольный, сам понимаешь, приказ... Я тебя даже спрашивать ни о чем не буду, не мое это дело».

Из-за крылатых все! Мумие? Сколько лет его брали, и ничего. Ну, штраф, в конце концов. Нет, это крылатые! Говорил же Роману: ни к чему! Ему самому, я чувствую, не по душе... Но заладил одно: не спеши да не спеши... давай посмотрим. Вот и дождались.

Закрутил кран. Совсем тихо стало. Лишь звезды...

Этой ночью спали только Ольга и Сергей. Остальные ворочались, вздыхали. Валера несколько раз выходил, дышал воздухом, возвращался, стараясь не шуметь. Уснуть не получалось. Темнота была наполнена тревогой.

«Урал» медленно полз по степи, натужно завывая мотором. Фары не включали. Аксым по наитию угадывал петляющую колею. В кабине кроме него милицейский капитан и командир омовцев — автомат между колен дулом вверх. В кузове — бойцы вповалку, укрыты брезентом.

План операции был прост и донельзя неопределенен. Действовать по ситуации. На кратком совещании решили выдвигаться немедля, пока темно. До предгорий добираться на машине, дальше — по ущелью вверх — пешком. Снайпер занимает позицию с хорошим обзором. Где она будет, эта позиция, никто не знал — ориентируются на месте.

Молчали. Аксым, сжимая широко расставленными руками руль, безучастно смотрел в лобовое стекло на громады черных гор впереди. После разговора с этим молодым и циничным, который у них за главного, навалилась апатия. Они уже все за тебя решили. Не подчинишься — будет хуже. Ладно бы только мне... Сразу на жену, на детей начали давить. Не вырваться. Делать надо то, что говорят... ничего другого не остается. С каким-то неосознанным злорадством вел «Урал» по рытвинам — пусть хоть тех, в кузове, протрясет хорошенько! Это, конечно, ничего не изменит, но почему-то хотелось...

Максим не мог признаться самому себе, что ему нравится это состояние неопределенности. Было тревожно, зло и весело одновременно — началось!

Командир омовцев старался ни о чем не думать. Провалиться в сон не получалось. Закончится здесь — в город, в баню! Пиво из запотевшей бутылки... Почему приказ такой однозначный? Чем они так опасны — эти крылатые? Ладно... не мое дело... приказано стрелять — значит, стрельнем!

— Сейчас ручей будет, потом лесок начнется. Без фар не проеду, застрянем, — Аксым проговорил, ни к кому не обращаясь, глядя перед собой в темноту за лобовым стеклом.

— Ну, так включай! Не пешком же идти. Сколько осталось? — раздраженно отозвался Максим.

— До ущелья около километра будет...

«Урал» полз, медленно приближаясь к куцему леску у подножья гор.

На востоке забрезжила тонкая лимонная полоска, словно ножом ночное небо надрезали.

Засерело окно, неплотно занавешенное тряпкой.

Все! Сейчас Николаич поднимется, он чуть свет встает. Начнет кряхтеть, кашлять. Не хочу никого видеть! Валерий приподнялся и сел на нарах. Глаза резало от недосыпа. Настроение было поганым. Раздражало все — и неубранная посуда на столе, и груда барахла, наваленная в углу, и даже Ольга, что, свернувшись калачиком, спала на соседних нарах. Да пошли они все! Ногой в расшатанную дверь, наружу!

Задохнулся от свежего, холодного воздуха, хлынувшего в легкие. Легкий туман

путался среди навороченных глыб, что замерли, не докатились вниз по распадку. Звезды еще видны, но еле-еле; луна с ущербным боком. Вот она, зыбкая граница перехода от тьмы к свету — неопределенность сущности вещей, выраженная в их смутных очертаниях. Еще несколько минут — и мир взорвется светом.

Зачесалась щетина на щеке — потер о плечо. Надо попросить Ольгу, чтобы побрила. Странно, — подумал, — пока крыльев не было — носил же бороду... Ну что? Разомнемся?

Потянулся, выгнулся всем телом, расправил крылья.

Ну! Навстречу солнцу!

Нет! Наверх! Вместе с солнцем!

Два быстрых шага, грудью вперед, оттолкнуться, взмах! Еще один! Подобрать под себя правое, разворот и вниз по распадку, набирая скорость. А теперь — вверх и вверх!

Ветер, насыщенный утренней влагой, бил в лицо. Крыльями, каждым пером ощущал упругую податливость воздуха. Отступило земное — Ольга, мумие, ловцы... — восторг полета заставил забыть самого себя, раствориться в воздухе, превратиться в сгусток движения в пустоте.

Плавный разворот. Остались за спиной горы, поблескивающие снежниками. Степь едва угадывается в темноте. Один. Нет границ! Вот она — свобода!

Далеко внизу огоньки медленно ползли по степи, подбирались к подножью гор.

Что это? Машина? Фары?

Чуть сложив и заведя крылья за спину, понесся вниз так, что слезы из глаз.

Точно, машина. Аксым? Почему в такую рань?

«Урал», заваливаясь с боку на бок, преодолел ручей. Навстречу свету фар выплывали клочья тумана, облизывали капот, ныряли под колеса. Из темноты возникали голые стволы редких деревьев.

Аксым ударил по тормозам. Тяжелая машина клюнула носом, будто уткнулась в преграду, встала. Сидящих в кабине бросило вперед, уперлись руками в торпедо, чтобы удержаться.

Выхваченный светом фар, по пояс в тумане стоял человек.

Максим ощутил восторженное чувство нереальности — пригрелся в тепле кабины под монотонное завывание мотора, заморозила длинная ночная дорога, когда за окном — гляди не гляди — сплошная темень, и вот — на тебе!

Время — словно редкая капель с крыши: кап — секунда, кап — вторая...

Аксым сомнамбулически медленно протянул руку и щелкнул тумблером — вспыхнула лампочка над головой, осветила сидящих в кабине.

«Зачем он?» — додумать Максим не успел. Омоновец резко, сбоку, ударил Аксыма кулаком в лицо, дернул лампочку за провод, вырвал, свет в кабине погас.

Стоящий в тумане человек медленно развел руки в стороны. Да нет, не руки это — крылья! Поворачивается медленно. Крылья огромные, черные, кажется, он загребаёт ими туман — сейчас махнет и поплывет в этом белесом молоке.

Вдруг сложилось! Ударило в мозг: «Крылатый! Взлетит, уйдет!»

— Стреляй! — выкрикнул в лицо Василию. Тот зло ощерился. Перегнулся через Аксыма, распахнул дверцу, выпихнул мешающее тело из машины, встал на подножке, выпрямился, выставив автомат.

Крылатый бежал, раскинув крылья.

«Почему он бежит в свете фар как заяц? Шаг в сторону, в темноту!» — Максим неосознанно подсказывал, что надо делать крылатому.

— Стреляй, уйдет! — выкрикнул еще раз в пустоту кабины.

Ударила короткая очередь. Крылатый сломался в беге, казалось, нырнул в туман.

Что-то кричали выпрыгивающие из кузова бойцы, звякало железо, кто-то стучал по крыше кабины.

В свете фар было видно, как двое омовцев, забросив автоматы за спину, волокут, подхватив под мышки, по земле тело. Голова свесилась вниз, видна голая беззащитная шея. Принесли, положили в траву возле бампера. Молочно-белая спина в ярком свете фар залита черной кровью.

— Переверните! — не то попросил, не то приказал Максим.

Лицо запрокинулось небритым подбородком вверх, глаза незряче уставились в темное небо.

Стояли, сгрудившись, рассматривали. Таких они еще не видели. Кто-то, присев на корточки, оттянул крыло, развернул — заиграло черными блестящими перьями.

— Эк мужика-то угораздило... — раздалось из темноты.

Максим вдруг понял, что смотрит на лежащее перед ним тело и не воспринимает его как человеческое. Какой-то природный выверт! Они не такие, как мы! Сразу стало легче. Оглядел столпившихся возле тела бойцов.

Михаил сидел на корточках, трогал рукою перья на крыле.

— Двое остались... — произнес задумчиво.

— Все! Хватит глазеть! — Максим брал ситуацию под контроль. — Давайте его в кузов. Василий, выключай фары. Выстрелы услышали, свет увидят — разбегутся! Дальше — пешком. Где Аксым?

Фары погасли.

— А нет его... Видно, оклемался и ушел под шумок, сука!

— Ну и черт с ним! Дальше сами. Ущелье — вот оно!

21

Выстрелы услышал Николаич.

Подняло, как только за Валерием закрылась дверь. Сидел в темноте возле неприбранного стола, кряхтел, стараясь самостоятельно приладить крюк к крылу, — иногда получалось быстро, но не сейчас. Будить рукастых не хотелось, старался справиться сам. С крюком хоть что-то можно сделать. Полешки подцепить, в печку засунуть, чайник поставить.

Выстрелы прозвучали глухо, еле слышно. Замер, прислушиваясь. Тишина.

— Валя! — окликнул. — Ты слышал?

Валентин спал, отвернувшись к стене, уткнувшись лицом в тряпье, служившее подушкой. Промаялся всю ночь, но как только поднялся Валера, а следом Николаич, и стали доноситься привычные звуки начинающейся барачной жизни — как поленом по голове ударили, провалился в сон.

— Валя! Валя, проснись! — Николаич несильно ударил по торчащей голой ноге.

— Что? — Валентин сел, мотая головой. — Зачем разбудил? Ведь только заснул!

— Стреляли! — коротко произнес Николаич.

— И что?

— Валеры нет...

— А где он? Давно нет?

— С полчаса. Летает, наверное...

— А где стреляли? — Валентин никак не мог свести воедино то, что говорил Николаич.

Зашевелилась Ольга. Села на нарах, приглаживая руками волосы.

— Далеко, — отозвался Николаич. — Ладно... пойду посмотрю. Оля, поставь чайник, пожалуйста.

Ольга молча встала, собрала одну в другую грязные миски. Сдвинула на край стола кружки, подхватила чайник, вылила старую заварку в поганое ведро. Налила в чайник воду, поставила на печку. Присела на корточки, щепочкой приоткрыла заслонку, заглянула внутрь и подбросила еще пару полешек из кучи, лежащей на полу.

Все делала молча, сосредоточенно, словно механическая кукла, которая задвигалась, потому что кто-то ее включил.

Валентин, сидя на нарах, смотрел, как она бродит по бараку в слепом утреннем свете, и вдруг понял, что она другая! Это другая Ольга. Не та, которую он знал в Москве, не та, которая напряженно вела машину и сразу засыпала от усталости, стоило остановиться, не та девчонка... дочка Валерия Палыча. Молодая женщина отрешенно смотрела в окно. Уставшая, чужая... У которой своя жизнь. Которая врала. Которая с Валерием Палычем... И никогда уже, подшучивая, не попросить: «Дочка, почеси мне спину, пожалуйста! Жуть ведь как чешется!»

Загудело пламя в печке, потянуло дымом из-под неплотно прикрытой заслонки. Похрапывал Сергей на верхних нарах.

Что там Николаич про выстрелы говорил?

Поднялся с нар, обогнул Ольгу, застывшую возле стола, и вышел наружу.

Серый рассвет, промозглость и туман среди скал. Он знал, уже видел, что все изменится в минуту. Сейчас солнце чуть поднимется, озарятся светом горы, туман забьется в щели распадков, заголосят птицы, засверкают капельки росы на траве. Наступит новый день. Радостный, открытый.

Николаич сидел на чурбачке чуть поодаль от барака. Крыльями упирался в землю. Валентин подошел со спины, встал, разглядывая жидкие спутанные волосы, едва прикрывающие лысину на макушке. Николаич почувствовал, но головы не повернул.

— Слышно что-нибудь?

— Нет.

— Может, слетать, посмотреть?

— Под пулю попасть хочешь? Сиди уж... Если это охотники, нам до них никакого дела. Главное, чтобы они нас не увидели. Меня смущает, что Валеры нет. Как бы... — не договорил, замолчал.

— И что делать будем?

— Ничего. Ждать!

Хлопнула дверь. Обернулись. Из барака вышла Ольга, завернула за угол.

Тропинка едва угадывалась. Шла осторожно, боясь поскользнуться, — роса по утрам выпадала обильная. Нагнулась, подняла с земли тонкий шест с намотанной на конце грязной белой тряпкой и воткнула между камней. Втыкать этот шест с тряпкой придумала она. Дверь в туалете, кое-как сколоченном из горбыля, отсутствовала. Шест поднят — туалет занят. Устала находиться среди мужиков, так хотелось вымыться, переодеться в чистое, остаться одной. Часто снилась комната на Патриарших, свет настольной лампы, шкаф с книгами, выступающий из сумрака, разложенный диван, белые чистые простыни. Свернуться под одеялом, почувствовать себя маленькой, ни о чем не думать...

Ольга спустилась по тропе чуть ниже, зашла за выступ скалы, огляделась.

Ущелье, по которому они поднимались в лагерь, было как на ладони. Среди камней весело поблескивал ручей под лучами восходящего солнца. Редкие низкорослые деревья с тонкими стволами и размашистой кроной. Камни выступают черными горбами среди молодой зеленой травы. Рваные остатки тумана цепляются за них, стараясь удержаться.

Небо над головой наливалось синевой, и совсем рядом попискивала какая-то птица.

Внизу, там, куда еще не добрались лучи солнца, где деревья стояли гуще, пряча под своими кронами остатки ночной темноты, вверх по ущелью цепочкой поднимались одетые в черное люди.

Зоркий Сокол, он же Денис Перхотин, в одиночку поднимался по левому склону ущелья. Он вышел сразу, как только решили оставить машину и двигаться к лагерю пешком. Остальные еще возились внизу, разбирая оружие, подгоняя амуницию и упаковывая убитого крылатого в брезент. Ему поставили задачу подняться выше лагеря, занять позицию и, если крылатые поднимутся в воздух, стрелять на поражение. Шел налегке, прижимая к груди чехол с полуразобранной винтовкой.

Ситуация не нравилась, не было определенности. Почему его вызвали? Обычно — если заложники... если захват... Зачем стрелять этих крылатых? Ведь безоружные! Неужели нельзя было организовать захват в городе, где им деваться некуда? Все наперекосяк у начальства. Ну да ладно... наше дело свинячье...

Рассвело. Показался лагерь — барак и мелкие пристройки на поляне. Пусто. Людей не видно. Еще немного, вон туда, за ту скалу, и лагерь будет внизу как на ладони, тогда все и рассмотрим внимательно.

Ему не нравилось то, чем он занимается. Не мог назвать это работой. И вообще, ему не нравилось, как он живет. Не в смысле того, как проживает этот кем-то выделенный ему временной отрезок, а — для чего существует? Ведь если отрешиться от понятий добра и зла, от преступника и общества, то он предназначен для разрушения. Слово жизнь проживает не свою, чью-то... Завязывать нужно с этим делом. Промах нужен, промах! Давно уже для себя решил — промахнется — уйдет. Но это должно произойти само — не специально промахнуться. Ну и как промахнешься? На него ребята надеются. Он последнее прикрытие, им же потом под пули лезть.

Зашуршала рация в нагрудном кармане. Присел за камень, нажал кнопку.

— Что у тебя? На месте? Прием, — донеслось сквозь треск помех.

— Буду через пять минут. У вас? Прием.

— Видим постройку. Готовы. Прием.

— Понял. Отбой.

Заспешил. Голова очистилась от ненужных мыслей, словно ветром выдуло. Превратился в такой же четко отлаженный механизм, что и винтовка. Еще пятьдесят метров вверх, выбрать позицию, собрать и слиться.

Выступ скалы на крутом склоне, обломки камней под ногами среди пробивающейся молодой травы. Робко засинело небо. Сел, привалился спиной. Позиция не нравилась. Лагерь видно хорошо, а вот стрелять неудобно.

По осыпающимся камням обогнул скалу. Впереди — как специально приготовили — каменная площадка — ровная, обрывающаяся вниз крутым уступом.

Лежал, рассматривал в оптику лагерь. Вот они, крылатые. Двое. Один сидит, другой стоит рядом. Оба голые. Если они здесь так и будут прохлаждаться, незаметно ребятам не подойти. Надо предупредить.

Достал рацию. Зашипела так, что, показалось, услышат.

— Готов. Двое на поляне, возле барака. Скрытно не подойдете. Прием.

— Крылатые? Прием.

— Да. Прием.

— Не дай им взлететь. Выдвигаемся. Отбой.

Прильнул к окуляру. Открылась дверь, вышла женщина. Молодая, отметил про себя. Волосы светлые. Старая телогрейка на ней, бесформенная, фигуры не разглядеть. Обошла барак, пошла вниз по тропинке. Скрылась из вида.

Еще раз огляделся. Так... лагерь я контролирую. Если эти на крыло поднимутся... вниз-вверх по ущелью пойдут — достану! А вот если они за барак, вдоль того склона полетят — тогда нет, там мертвая зона.

Ольга бегом вывернула из-за угла барака, поскользнулась, выправилась. Лицо бледное, глаза расширены.

— Там люди! — кричит. — В черном, с ружьями! Валера где?

Николаич поднялся навстречу. Подобрался весь — грудью вперед, словно взлететь собрался, глаза сузил — щелочки.

— Подожди! Не шуми. Сколько их?

— Не знаю. Человек десять... А Валера?

— Нет Валеры. Как улетел с утра, так и не возвращался.

Валентин застыл, как истукан. Даже рот приоткрыл от удивления. Утро же! Все хорошо должно быть! Вон и солнце взошло. Какие люди? Какие ружья? Мы же одни! В горах! Здесь безопасно!

— Далеко они? — спросил Николаич.

— Здесь уже! Совсем рядом!

— Тебя видели?

— Нет, кажется...

— Валя! На крыло! Что застыл?

Валентин наконец очнулся, развел крылья в стороны, развернувшись лицом вверх по ущелью.

— Куда? Копыта! — рявкнул на него Николаич.

Копытами они называли сапоги, подошва которых была утыкана острыми шипами. С собой из Москвы привезли. Вон валяются, заляпанные грязью, возле двери.

— Нам ни вверх, ни вниз по ущелью нельзя! Понял меня? — торопливо объяснял Валентину Николаич, стараясь просунуть ногу в обрезанный сапог — не получалось, задник загнулся, нога не лезла, не поправить. — Вдоль склона надо! Туда! — махнул крылом, показывая.

— А мы? — спросила Ольга.

Не заметили, как подошла.

Нагнулась, помогла Николаичу засунуть ногу.

— Не знаю, Оля! Вам ничего не будет, не бойся. Мы вас найдем. Все, Валя, летим! Быстро и низко!

Николаич, мелко переступая шипами по камням, сделал два быстрых шага, развел в стороны крылья, взмахнул, оттолкнулся, поджимая под себя ноги. Зацепил концом крыла землю. Еще взмах. Выправился. Полетел низко над землей.

Ольгу обдало воздухом, птичьим запахом.

Валентин заспешил следом. Коснулся распахнутым крылом, словно по плечу погладил.

— Все будет хорошо, Оля! Не бойся!

Денис лежал, упиравшись широко расставленными локтями в мелкую каменную крошку. Часто облизывал верхнюю губу — была такая привычка, когда нервничал. Смотрел.

Через час взойдет солнце, будет слепить глаза. Плохая позиция! Ну да через час все должно закончиться.

Из-за угла барака показалась женщина. Торопится. Поскользнулась. Машет рукой. Говорит что-то. Наших заметила?

Разговаривают. Этот, что сидел, поднялся.

К бараку подошли. Шарят ногами по земле, ищут что-то? Этот крылом отмахивает вдоль склона. Нет, точно что-то не так! Всполошились.

И только сейчас вдруг осознал — приказ-то неоднозначен! «Не дай им взлететь». Да я могу положить их прямо сейчас! Но они ведь на земле, не взлетают. Выходит, стрелять надо, когда они взлетать начнут? Тогда задача усложняется. Нет, все не так как-то... непривычно... впопыхах!

Выругался шепотом, хотя такие слова старался не произносить даже про себя.

Хорошо, ветра нет. Где же наши? Ага, вон двоих вижу. Далеко. Не успеют!

Тот, что пониже ростом, крылья раскинул. Огромные! Побежал, чуть присел, взлетает! И второй, следом, крылья развел в стороны.

А ведь они красивые! Сильные! Они же полетят сейчас...

Которого? Того, что стоит? Его точно сниму! Тогда первый уйдет, летит уже!

Повел едва заметно стволом. На спусковой крючок — мягко, словно погладил. Выстрел. Отдача в плечо. Затвор. Вылетела гильза. Новый патрон.

Ствол слегка увело в сторону. Выправил, выцелил второго. Он бежал, широко расставив крылья. Оттолкнулся от земли. Взмах.

В окуляре — голая белая спина, распятая на перекрестье прицела. Выстрел! Уже давя на спуск, видел, как эта белая спина вдруг сдвинулась, словно пытаясь скользнуть вбок от наведенного окуляра. Видел, как выбило перья из крыла, как крылатого перевернуло и бросило вниз. Но у самой земли в стороны раскинулись два черных крыла. Задевая ступнями о землю, словно отталкивая ее, без единого взмаха, на распластанных крыльях, понесся вниз по склону.

Закрыл директрису барак. Ушел крылатый.

Промах!

Валентин видел, как комом рухнул на землю Николаич, но уже был в разбеге, отталкивался от земли. Сразу понял — подстрелили! Взлетев, все же решил вернуться, не бросать. Резко поджал под себя правое, стараясь крутнуться в воздухе на месте. Не успел — ударило в спину, в крыло, будто прутком раскаленным приложили! Хлопок — где-то далеко...

Завертело, потерял равновесие, падал. В судорожном рывке распластал крылья. Рванулась навстречу земля — каждую травинку, камушек видно. Казалось, еще мгновение — и рухнет! Даже живот непроизвольно втянул, ожидая удара. Нет! Держат крылья, держат! Не задумываясь, не рассуждая, понесся вдоль склона.

Так низко летать еще не доводилось. Планировал в метре над землей. Только бы не камень, не дерево! Только бы воздух под крыльями держал!

Не видел, как, закричав, бросилась к Николаичу Ольга. Упала на колени рядом, тянет за плечи, пытается перевернуть — тяжелый, не получается, а руки все в крови. Плача, подывая в голос, звала Валеру. На шум выскочил из барака Сергей — застыл на пороге, не понимая, что происходит. Ольга закричала, замахала на него руками, чтобы уходил, прятался. Ничего этого он не видел.

Его вынесло прямо на двоих в черном, торопливо поднимавшихся по склону. Пронесся в десяти метрах. Те замерли, рты разинув, даже дулом автомата вслед не повели.

Вниз, по едва заметному распадку. Кусты навстречу. Сквозь — хлестнуло ветками по лицу — проскочил! Теперь — вверх! Набирал высоту, уходя влево за кряж, прочь от ущелья Актру.

22

Все рассыпалось. Не собрать, не слепить, не склеить...

Несмотря на боль в спине (видел, как по ребрам стекали тонкие струйки крови), летел долго, часа два. Кровь перестала идти, запеклась, наверное. Летел мимо выполаживающихся в долину горных кряжей, по краю, высоко. Мог бы держаться ближе к горам, но хотелось простора — степь видеть, освещенную утренними лучами солнца, уходящую за горизонт. Высота, одиночество распаханного неба — успокаивали. Сначала не думал ни о чем — вырвался, лечу, свобода! Жив! Быстро схлынула эйфория. Что делать? Как дальше?..

Устал. Спина ныла. Нужно остановиться, подумать. Хватит неба, надо на землю возвращаться.

Внизу было что-то не так. Степь исчезла! Не стелились, не играли травы под порывами ветра. Красная пустыня, изрезанная сухими руслами ручьев, лежала у подножья гор. Месиво из песка и красной рассохшейся глины. Голо. Лишь редкие, вцепившиеся корнями шарообразные кусты перекасти-поля — дунет посильнее ветер, оторвет, покатит неведомо куда.

«Здесь мне самое место! — подумал, усмехнувшись про себя. — Если сдохну, то пусть никто не видит».

Заложив круг, замороженно смотрел, как его черная тень стремительно несется по песчаной оранжево-красной пустыне, расстилавшейся внизу.

Потрясывало. Нужно подняться выше, к снежникам, там вода.

Площадку на почти вертикальной скальной стене заметил сразу. За ней темный провал неправильной формы — что-то похожее на пещеру. Внизу, среди каменных глыб, устилавших дно ущелья, выныривала на поверхность тонкая блестящая нитка ручейка и вновь ныряла в каменные развалы. Подходящее место. Подходящее, чтобы сдохнуть!

На краю площадки, у входа в пещеру — камень, острым сколом вверх, весь в белых птичьих потеках и прилипших перьях. Рядом валяются крыло какой-то птицы и мелкие кости, выбеленные дождем и солнцем. Кто-то здесь обитает, столуется. Судя по всему — птица некрупная, но хищная.

В самой пещерке — чисто. Да и не пещера это — так... провал неглубокий, как раз в рост человека. Сойдет на первое время. Сам не заметил, что присматривается к этой дыре в скале как к новому дому, пусть ненадолго, пусть временному.

Скинул бахилы с шипами. Босыми ногами выгребал камни, сталкивал вниз, расчищал ровную площадку, чтобы можно было лечь. Теперь к ручью, пить!

Сколько пролежал на каменном полу пещеры? Два часа? Шесть? Он не знал. Казалось, что не спал — не мог заснуть. Из полубредового сумбура мыслей все же сложилась логическая цепочка. Выстрел, который слышал Николаич, по-видимому, был сделан по Валере. И по всему выходит, раз он не появился в лагере и не предупредил, — либо ранен, либо убит, либо поймали. Эти, в черном, шли на захват целенаправленно, о нас им было известно, значит, сдал нас кто-то из местных. Роман, наверное... Это более-менее понятно. Непонятно, почему сразу стреляют? Чем мы опасны? Не было никогда такого. За что убивают?!. Валить отсюда, из этой страны! И как можно скорее. Я ведь в сторону Монголии летел? Где-то близко должна быть граница.

Тучи закрыли солнце. Пустыня внизу из красной превратилась в бурую. Морщась от боли, сел, привалившись плечом к скале. Развернул крыло. Пуля, чиркнув по голой спине, прошла через крыло — выбила перья у самого основания, остались торчать какие-то ошметки. Удалось подцепить зубами. Вырвал несколько обломков перьев. В общем-то и не больно. Вполне терпимо. Интересно, отрастут или нет?

Промелькнула тень. Хлопанье крыльев. На обломок скалы у входа в пещеру тяжело опустился орел. Казалось, раскрошит камень растопыренными когтями. Замер, косит злым желтым глазом, готовый сорваться в любой миг. Большой. Сильный. Красавец! Черное оперение с коричневой подпалиной, с белой бахромой на шее. Клюв загнут острием вниз.

Вот кто тут обитает!

Замерев, смотрели друг на друга: хозяин неба — и этот пришлый не пойми кто... то ли человек, то ли птица. И словно пружина разжалась — отвел орел взгляд, дергано завертел головой, переступал по камню, устраиваясь удобнее, снова замер, нахохлившись.

Смотри-ка, не боится! А если я встану — улетит?

Медленно, с трудом, поднялся на ноги, выпрямился. Спина горела, каждое

движение сопровождалось болью. Голова кружилась. В какой-то момент испугался, что упадет, потеряет сознание.

Орел повернул голову, уставился — ненависть, злость плещется в желтом глазу. Стало не по себе под этим взглядом. Не улетает! Переступает по камню, весь подобрался, клюв чуть приоткрыт и — клекот откуда-то изнутри, из-под перьев, глухой, мрачный! Хозяин! Ничего не скажешь... Дает понять — убирайся вон. Нет уж... Придется тебе потерпеть.

— Ну что? Дружить будем?

Клекот в ответ.

— Ладно-ладно, не ругайся! Там — твое место, а здесь — мое. Договорились?

Медленно, чтобы не растревожить спину, опустил сначала на колени, потом лег набок.

Подступили сумерки. Ни ветерка. В то время как темнота постепенно заполняла пещеру, сам он наливался изнутри жаром. Мысли металась. Я могу судить? Кого? Ольгу за то, что врала? Зачем Ольгу? Кто я? В коконе из жара. И она — вся в жаре. Печет! Под кожей. Сладко. Меня обернули. Фольга, нагретая солнцем. Духовка. Руки, рукавица. Сейчас достанут. Противень черный, страшный, маслом обмазанный. Задвинут! Склонились, рассматривают. Клюет, рвет когтями спину! Ребро вывернул, отрывает! Повернуться! Отогнать! Обратно в жар! Не трогайте! Николаич упал. Лицом в камни. В камни! Лицом! Жар он не всего жрет, он только под кожей. Прослойка между кожей и мной — она горит. Мне хорошо. Греет... Калачиком свернулся, жду... Сейчас все придут. Валерик, Олечка, Сережа... Ванька вернулся! Дай, дай обниму! Дурак ты лохматый, как же я без тебя... Пить!.. Губу вывернуло. Пить... Волны боли прокатывались по спине, ударяя в голову, в мозг. Язык распух, мешал дышать. Валентин проваливался в сон, в жуткий бред, с ужасом выныривал, выдирался наружу, стонал и проваливался снова...

Утренняя серость. Черный обломок скалы у входа, черный силуэт большой птицы на нем. Смотреть было больно.

Шорох. Сорвался с камня орел, канул вниз и тут же вынесся, набирая высоту, скрылся из вида.

Один. Опять один. Закрыв глаза.

Солнце добавило дню света, но серость до конца не разогнало. Пелена облаков жалась к земле, наваливалась сверху, давила.

В очередной раз очнулся от монотонного жужжания — кузнечик или сверчок? — какая-то живность рядом. Наконец сообразил, что звенит в ушах, тонко и непрерывно. Мысли путались, не цеплялись одна за другую. Закрывал глаза, и звон в ушах постепенно превращался в журчание ручейка, что бежит внизу среди камней. Вода холодная, прозрачная. Заставил себя сесть. Нужно было вниз к воде! Иначе сдохну! Выгорел весь от жара! Ни капли воды в теле не осталось! Хотел подняться — не смог — сил не хватило. Полз к краю. Не думая, не соображая. Нужно было к воде.

Наверное, он бы разбился... Почти отвесная скала. А сил слететь вниз не было. Но что-то выключилось в больном организме — он то ли потерял сознание от слабости, то ли забылся в горячечном бреде, не добравшись полметра до края. Не видел, что там, где степь заваливалась за горизонт, небо почернело, налилось свинцовой тяжестью — надвигался грозовой фронт.

Он очнулся от бьющих по спине капель. Было больно и одновременно приятно. Казалось, капли шипят, ударяясь о его горячую спину. Повернул голову, стараясь поймать пересохшим ртом. Увидел вцепившегося когтями в обломок скалы орла.

И еще увидел струю воды, которая хлестала сверху, над входом в пещеру. Подполз. Подставлял под струю раскрытый рот, захлебывался, кашлял и пил, пил, пил...

Блаженно растянулся на мокрых камнях. Спина чесалась, но боль отступила. Смотрел на падающую сверху полупрозрачную стену дождя, на застывшую на камне, нахохлившуюся птицу. Молнии рвали небо, при каждом раскате грома казалось, что раскалывается скала, давшая ему убежище.

Он проснулся, когда солнце уже взошло. От вчерашней непогоды остались лишь мелкие лужицы воды на полу пещеры. Подполз, напился.

Солнце светило весело и ярко, небо наливалось пронзительной синью. Орла не было. И спина почти не болела, и жар, он чувствовал, отступил.

Попробовал встать. С трудом, но получилось. Вспотел, от слабости кружилась голова. Опирался о стену. Понимал, если сделает шаг — упадет.

«Сдохну здесь!» — пронеслось в голове и кануло куда-то, не вызвав ни малейшего желания подумать о том, что делать дальше.

Орла заметил издали. Тяжелые взмахи крыльев, что-то зажато в когтях. Раскинув крылья, завис над площадкой. Разжал когти, выпустив ношу — серый мятый комок шерсти шмякнулся на камни. Орел опустился рядом. Боком, мелким шагом придвинулся, прижал когтистой лапой.

Зайчонок! Тельце переломано, мордочка в крови.

Вот что нужно! Нужно есть! Может, выживу...

Вкус слюны во рту — словно проволоку медную сосу.

Орел клювом долбит, рвет заячью тушку.

Шугануть его!

Здоровый...

Чего ты боишься? Это же птица! Большая курица. Ну не курица... Пускай индюк. Камнем бы... Где-то бахилы... Вот!

С трудом засунул ногу.

Теперь что?

Сел, опираясь на расправленные крылья. Ногу в бахиле с шипами, вперед выставил.

«Как в детстве, — промелькнуло в голове, — игра была такая, “жопки”. Так же сидели, выставив ногу, а водящий должен был мячом по жопе попасть!»

Потихоньку подбирался к орлу. Тот, казалось, не обращал внимания — долбил и долбил.

Нет, заметил! Замер, косит злым глазом. К клюву ошметки шерсти прилипли.

Надо бы сейчас резко на него, ногой! Не получится, сил не хватит, упаду!

Придвинулся еще.

Ага! Заквохтал, заклекотал! Не нравится, сука?

Еще чуть вперед. Метр остался!

Напрягся, закричал, что есть силы:

— Пошел отсюда! Кому сказал! Ну!

Орел убрал когти с зайца. Боком, скачками — к краю обрыва. Сорвался вниз, раскинув крылья.

Подцепил ногой, шипами, растерзанную тушку, подтащил за собой в глубь пещеры.

Отнял! Победил!

Дотасил. Лежал рядом, отдыхал. Дышал тяжело, со свистом, круги расходились перед глазами, наплывали один на другой — то красные, то черные.

Отдышался.

Как это есть? Сырым? Шкура же! Как?

Ворочался, стараясь прижать скользкую окровавленную тушку, чтобы дотянуться, вцепиться зубами. Удалось повесить на крыло, прижал к стене. Борясь

с тошнотой, рвал шкуру зубами, пытаюсь добраться до мяса. Рот наполнился заячьей шерстью. Отплевывался, рвотные спазмы сотрясали тело.

Потом он заснул, навалившись телом на разорванного зайчонка, пряча его под собой, боялся, что прилетит орел и утащит добычу.

На рассвете пришло осознание себя в пространстве и времени. Жар отступил, спина почти не болела, голова очистилась. Облегчения это не принесло, потому что образовалась полная ясность — он не знает, что ему делать дальше. Лететь обратно в лагерь? Ни малейшей надежды, что там кто-то остался. Всех забрали. Не найти. К людям? Сдаться? Наверное, да! Другого выхода нет. Вот только кому сдаться? Разбегутся с перепугу или стрельнут сгоряча.

Смотрел, как черный силуэт орла, сидящего на камне, медленно обретал цвет и объем — всходило солнце.

Надо лететь! Ничего другого в голову не приходило. Лететь куда глаза глядят, а дальше будь что будет. Здесь, в этой пещере, оставаться бессмысленно. И перечеркивая все эти бестолковые мысли, вдруг перед глазами — кухня в московской квартире, чайник на плите, синие сполохи пламени, Маша в халате режет хлеб... утренний свет в окне и ветви березы мелко дрожат листвою. Видение было настолько ярким, что задохнулся, перестал дышать.

Затряс головой, прогоняя навалившийся морок. Еще бы чуть-чуть и заплакал, жалея себя, свою никчемную жизнь.

Сам дурак! Никто тебя сюда не тянул. Ты все сделал сам. Теперь расхлебывай!

Поднялся на ноги. Голова не кружится. Посмотрел на разодранную тушку зайчонка. Затошнило. Пускай лежит. Сначала к ручью, напиться.

— Ну что, птица? — обратился к орлу. — Мы с тобой одной крови?

Орел сорвался с камня, раскинул с шорохом крылья — взлетел.

— Ну и ладно... Не хочешь дружить — и не надо.

Стоял на краю, примериваясь как спланировать к ручью, шурился от солнечного света, бьющего в глаза.

Слетел, ловко приземлился среди навороченных скальных обломков. Пил, опустил в воду лицо. Потом долго сидел среди камней, решая — возвращаться обратно в пещеру или сразу, не раздумывая?

Да пропади они пропадом — этот заяц, эти бахилы! Пусть остаются в прошлом! На крыло, в небо! Голым и свободным! Где там эта Монголия? Зря, что ли, ехали?

Набирал высоту. Подставляя расправленные крылья утренним восходящим потокам воздуха, поднимался все выше и выше. Воздухом, ветром наполнило легкие, окатило восторгом полета. Внизу простилалась степь — сверху казалась плоской и бесконечной. Летел, стараясь не упускать из вида горный кряж, над которым облака сбивались в узкую белую полосу.

Шипение за спиной. Удар в затылок, в плечо. Толкнуло вперед и вниз. Болью разорвало голову. Закрутило.

Падая, развернувшись в воздухе, увидел орла, летящего чуть выше. По лицу текла кровь, заливая глаз, мешала смотреть.

Выправился, отчаянно работая крыльями. Следил за орлом, набирающим высоту.

К земле надо! Скорее! Он сейчас опять спикирует. Если клювом по темечку долбанет — хана!

Несся к земле. Орел кружил сверху.

Чуть не упал, запутавшись ногами в высокой и жесткой траве. Сел, запрокинув лицо вверх, следил за орлом — тот плавно плыл, выписывая широкий круг, набирая высоту.

Саднило расцарапанную голову. Вытирал о плечо кровь со щеки, со лба.

Орел поднимался все выше и выше, удаляясь в сторону гор, превращаясь в едва различимую точку на синем небе.

Вот тебе и показали, кто в небе хозяин! Это на земле, в той пещерке вы как-то существовали бок о бок. А в небе... Да будь ты больше его, но ты — пришлый. Небо — это его дом, родная стихия. Смирись и будь теперь осторожней.

Черт! Хорошо, что только когтями, а не клювом!

Все равно обидно.

И как-то не хотелось уже в небо. Брел, путаясь босыми ногами в траве.

23

Теперь он летел низко. Небо уже не казалось радостно бездонным, таило опасность — в вышине парили орлы.

Внизу — бесконечная холмистая степь, от снежных вершин, тающих в солнечном мареве за спиной, до горизонта, сливаясь там с синевой нависающего неба. Черный пунктир по бледно-желтому склону холма, словно кто-то камни выложил цепочкой. Они движутся! Ниже... Яки! Грузные, лохматые, медлительные. Кружил над ними, рассматривая, позабыв про опасность. Сказочные доисторические животные, понуро опустив головы, с черной шерстью, свисающей до земли, медленно брели по залитому солнцем пестрому разнотравью.

Неужели дикие? Нет. Вдали, на низенькой лошади, одиноко ехал человек в халате, в белой шапке на голове. Пастух...

Заметил? Вроде, нет. Вверх не смотрит.

Набрал высоту.

Мелькнула шальная мысль: «Если сверху на пастуха? Камнем! Ногами со всей дури! У него ведь еда должна быть? Хлеб! Лепешки какие-нибудь...»

Грязно-серой лентой зазмеилась внизу дорога. Медленными муравьями ползли машины. Летел вдоль, не выпуская из виду. Хотелось туда, к людям. Но хотелось как-то отрешенно... так, наверное, смотрит через решетку окна одиночной камеры преступник. И еще хотелось есть, кишки крутило до боли.

Дорога уткнулась в белое двухэтажное здание с далеко вынесенным бетонным козырьком на сваях. Заасфальтированная площадка, очередь машин застыла по обе стороны. И все — кончился асфальт, началась грунтовка, машины шли по ней, вздымая клубы рыжей пыли.

Это же КПП! Граница! А где же столбы с колючей проволокой, распаханная контрольная полоса? Ну дают! Ничего нет. Ручей какой-то невнятный сбоку... Мостик, тропинки натоптанные. Хрен тут кто меня остановит! Вот она — Монголия!

И все же решил с кондачка не соваться. Ночью!

Летел вдоль ручья в сторону гор. Внизу, в распадке между холмами, бочажок — озерко со стоячей водой, и даже камыши куцей порослью по краю. Спустился. Трава вокруг бочажка зеленая, жирная. Черемша! Ползал, рвал зубами стебли. Притупилось чувство голода, зато во рту... Пил воду, жевал какие-то горькие листья, стараясь перебить вкус и запах чеснока — куда там! Наконец успокоился и лег. Смотрел в небо, думал.

Это хорошо, что КПП. Можно сдать. Солдаты, начальство хоть какое-то... Если сразу с перепугу не стрельнут, дальше должны по инстанции доложить. Есть шанс. И думать нечего, надо сдаваться, какая уж тут Монголия... Хотя... Вот она, рукой подать. Столько мечтали, ехали... Выходит, я один из всех добрался. И что? Так и не увидеть, как там? Понятно, все то же самое... но все-таки... Сдаться всегда успею. Полетаю денек, осмотрюсь. За мужиков полетаю... им-то уж не доведется.

Садилось солнце. Камыши отбрасывали длинные переломанные в воде тени. Низко, у самой травы, танцевали бабочки. На берегу крохотного озера, свернувшись

калачиком, накрывшись крылом, как одеялом, спал человек. Был он голоден, гол и грязен. И был крылат.

Ночь навалилась на степь сверху, придавила брюхом.

...Его разбудили капли дождя, упавшие на лицо. Чувствовал себя на удивление бодро. Спина не болела. Ощущал легкость своего поджарого изголодавшегося тела. Появился веселый азарт. Ну! Сейчас или никогда! Самое время. Ночь-то вон какая — волчья... Хрен меня кто остановит!

Нужно было сориентироваться, увидеть огни КПП.

Вот они — одинокая россыпь светлячков в темноте. Потянули к себе. Там горит свет. Вода из крана. Накормят. Хлеб, макароны с тушенкой. Там — люди. И только сейчас понял: какое это счастье просто говорить. Не бубнить что-то себе под нос, а разговаривать. Надо к людям, одному нельзя, невозможно.

И, наверное, рванул бы вниз, встал на пороге, поливаемый струями дождя, постучал голый ногой в дверь — будь что будет, другого выхода нет. И плевать на эту Монголию! Но мужики... которых не было сейчас рядом, которых вообще уже не было... Ведь это и их цель, их мечта...

Остались огни за спиной. Пересек границу.

Рассвело. Внизу простиралась степь. Пару раз мелькнули крохотные дома, редкие машины пылили по проселочной дороге. Человеческие потуги заселения этого бесконечного пространства казались тщетными. Раскинувшийся внизу простор тревожил. Глаз должен во что-то упираться, в какую-то, пускай неосознанную, цель — лес, горы, поселок, дорога... да хотя бы одиноко стоящее дерево. Было непривычно и неуютно, словно завис в пустоте.

Вдали, в неясной дымке, проступили очертания невысоких гор. Летел низко, вдоль подножья, над покатыми холмами с редкими низкорослыми деревьями. Горы, показавшиеся издали невысокими, вздымались ввысь, были прорезаны глубокими ущельями, давили своей тяжелой мощью. Старался высмотреть ручей или озерцо — хотелось пить, да и на землю было пора. Уже налетался в этой Монголии! Дальше-то что?

Тень промелькнула внизу неожиданно — проскользнула по зеленой траве, усеянной желтыми цветами, по кроне одинокого дерева и снова по траве. Окаатило тревогой — забыл, забыл смотреть в небо над собой! Повернул голову.

Большое, черное, разлапистое — в вышине. Страхом окаатило, непониманием. И следом — «крылатый!» — полыхнуло радостной оторопью. Из наших? Кто? Не разобрать. Он меня видит? За ним!

Крылатый, выписывая плавный полукруг, летел в горы. Снижался.

Заполотно работая крыльями, рванул следом. Набирал высоту, стараясь не упустить из вида.

Нет, не видит! Надо скорее! Потеряю!

Крылатый снижался быстро.

Мелькнул на фоне неба и исчез, слившись с черными выступами скал.

Ущелье! Он должен там приземлиться.

Изломанная линия хребта... и открылось широкое плато между двумя отрогами гор. Старый — никакого сверкания льда и белизны снега, — заваленный горами камней ледник обрывался вниз отвесной стеной. А дальше внизу — все та же степь, холмистыми волнами плывущая к горизонту.

Никакого движения — ни на земле ни в воздухе.

Потерял.

И не хотел в это поверить. Давил в себе желание лететь дальше, перевалить через следующий хребет, искать там. Что-то удерживало. Кружил над ледником, всматривался.

Вон там, среди камней! У самого обрыва! Или показалось?

Падал вниз камнем, ветер выбивал слезы из глаз.

Раскинул крылья, оперся о неподатливый воздух, затормозил у самой земли.

Да!

Кто это?

Смотрел оторопело.

Прислонившись спиной к скальному выступу, разведя черные крылья в стороны, сидела женщина.

Широкое загорелое лицо, нос пуговкой, широко распахнутые глаза под густыми бровями на круглом лице... Монголка! Волосы иссиня-черные, под цвет крыльев, разделены пробором на две тонкие косицы — вон одна змейкой стекает с плеча на грудь. Большие, налитые тяжестью, с крупными чуть сморщенными темно-коричневыми сосками груди свисали к складкам на животе. И все ее тело словно прожарено на солнце, овеяно степным ветром.

Женщина спокойно смотрела на него. Сидела, вытянув ноги, опираясь на раскинутые в стороны крылья. Какая-то тряпка, заменяющая юбку, высоко задрапась, обнажая загорелую мускулистую ногу. Не выказывала ни удивления, ни тревоги. Просто смотрела.

Надо что-то сказать!

Сел в стороне на камень, прикрылся крылом, только сейчас сообразив, что голый и все «достоинства» наружу.

— Здравствуйте! — внятно выговорить не вышло — в горле что-то булькало и клокотало.

Молчит.

О чем спросить? В голове пусто до звона.

— Вы здесь одна? — выжал из себя.

Произнесла какую-то длинную фразу на непонятном гортанном языке.

— Понятно... беседы не получится! — И в первый раз улыбнулся, широко, открыто.

Улыбнулась в ответ. Показалось, что застенчиво, только чуть-чуть... уголками тонких губ.

Но было уже не важно! Главное, что улыбнулась! И радостью полыхнуло в душе — он уже не один! Как и что будет дальше — не важно. Смотрел на нее и не мог согнать улыбку с лица. Хотелось говорить, рассказывать. Пусть она не понимает, главное, чтобы слушала и улыбалась, была рядом.

— Меня Валентином зовут. Валя. Мы из Москвы. Точнее, я из Москвы... Россия!

Произнесла что-то непонятное. Потом медленно, по слогам:

— Ма-ска.

— Да! Да! — радостно закивал головой.

Припекало солнце. Хотелось пить. Молчали.

Она неожиданно встала. Подошла к краю, обернулась, посмотрела на него. Увидев, что вскочил вслед за ней, улыбнулась. Согнув ноги в коленях, сильно оттолкнулась от скалы, расправила крылья и полетела. Он, не раздумывая, ринулся следом.

Сейчас ему было все равно, куда лететь. Куда угодно, лишь бы не остаться опять одному. Как ветром выдуло мысли о том, что хотел сдать на пограничном посту. Появилась надежда. Пока еще не понятно — на что? Не важно! Не думать, просто следовать за ней.

Внизу тонкой ниткой бежала накатанная дорога, упиралась в разбросанные в беспорядке дома — нет, не дома это, юрты, похожие сверху на серые тюбетейки, брошенные среди зеленой травы. Отара овец серым пятном растеклась у подножья горы. Пастух на лошади в отдалении.

Заложила крутой вираж, пошла на снижение.

Приземлились на пологом склоне среди низкорослых кустов, усыпанных фиолетовыми цветами. Смотрели вниз, в долину. Она показывала ему, словно предлагала сделать выбор — принять или отказаться. Он заворуженно смотрел, вбирал открывшийся перед ним мир.

Юрты расставлены широко. Между ними — на скорую руку сделанные навесы и загоны для скота. В одном — сбились грудой овцы, другой — пустой. Лошади стоят в стороне, понуро опустив головы. Под большим навесом — длинный стол, лавочки по бокам. Печь, необычно пузатая, выпускает в небо тонкую струйку дыма, женщина рядом, на корточках. Люди возле юрт копошатся, каждый занят своим делом. Вон — крылатый, вон — еще... Они вместе!.. А это что между юртами? Загончик небольшой... Да это же качели! Дети! Господи, там дети... Сколько их?.. Восемь. Нет, вон еще один. Девять. Из них четверо — крылатых! Ходят неуклюже, вперевалку — крылья мешают. Тетка в пестром халате на траве сидит. Это же детский сад! Интересно, как же их на земле удерживают? Они же разлетятся!..

Женщина произнесла что-то гортанное, запрокинула лицо к небу, ему показывает.

Двое крылатых в воздухе. Приближаются. Летят друг за другом. И уже рассмотреть можно — женщина впереди, мужчина следом. И она вдруг вниз, резко, камнем, а он за ней; она на вираже выправилась, ушла в сторону, он не отстает — следом — догнать пытается. Играют...

Крылатые пронеслись мимо, не обращая на них внимания, а может, не заметив, ушли ввысь, в синее яркое небо, еще немного — и превратятся в черные точки, а там и пропадут в этой бездонной синеве.

24

В середине мая в Москве неожиданно похолодало и выпал снег. Валил с неба крупными мокрыми хлопьями, покрывая уже пробившуюся молодую листву, тяжело ложился на траву, таял и ложился снова. Тротуары, мостовые, лавочки, козырьки над подъездами занесло. Ветви деревьев в Лосином острове гнулись под тяжестью снега. И было на удивление тихо.

В снежной замети через железнодорожные пути шел человек. Ссутуленные плечи, длинный черный плащ... Через дыру в заборе вышел в Ростокино, на пустынные ночные улицы. Шел по проезжей части от фонаря к фонарю, то замедляя, то убыстряя шаги, подпрыгивал, нелепо взмахивал руками, словно пытаясь взлететь. Сандалии, надетые на босу ногу, оставляли неряшливую цепочку черных следов на снегу.